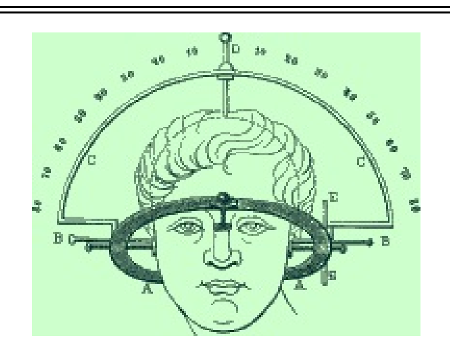

Мошков Валентин Александрович

Новая теория происхождения человека и его вырождения

составленная по данным зоологии, геологии, археологии, антропологии, этнографии, истории и статистики.

ВАРШАВА

Печатано в типографии губернского правления.

1907

ГЛАВА 12. **Сравнение полового диморфизма человека с диморфизмом других животных.** Почему виды бесплодны между собою. Самцы крупнее и сильнее самок. Большая страстность самцов. Их смелость и воинственность. Волосатость самцов. Большая изменчивость вторичных половых признаков у самцов. Переходные формы между мужчиной и женщиной. Приобретение женщинами мужских признаков. Сходство между человеком и животными в эмбриональном развитии. Одинаковое действие кастрации. Половые признаки касаются тех частей организации, которыми различаются виды того же рода. Самки – рабыни самцов. Заключение.

ГЛАВА 13. **Женский вопрос в доисторические времена.** Отношения между женщиной и мужчиной, как и вообще между людьми, устанавливаются не по чьему-либо произволу, а в зависимости от различия между ними по уму и характеру. Древняя неолитическая женщина равноправна с мужчиной. Позднейшая женщина, самка питекантропа, – рабыня мужа. Глубокое различие между ними. Необходимость допустить, что характер женщины и ее физическое сложение много раз изменялись в доисторические времена. Положение женщины-рабыни.

ГЛАВА 14. **Золотой век женщины.** Амазонки. Участие древних женщин в бою. Женщины-предводительницы. Случаи равноправия женщин с мужчинами у древних и современных народов. Сходство древних женских костюмов с костюмами духовных лиц. Причины этого сходства.

ГЛАВА 15. **Материнское право.** Древность этого обычая и причины его появления. Замена материнского права отцовским. Выбор невест по признакам белой расы. Испытание их ума загадками и неисполнимыми задачами. Обмен четверостишиями. Требование от невест веселого нрава. Испытание воинственности женщин и их физической силы.

ГЛАВА 16. **Искусственные уродства, практикуемые с целью украшения.** Идеалы женской красоты. Искусственное деформирование черепа. Белила и румяна. Значение раскрашивания, принятого у цветных рас. Маски. Происхождение серег. Искусственное увеличение икр и ручных мускулов. Искусственная тучность.

ГЛАВА 17. **Происхождение различных форм брака.** Моногамия. Полигамия. Следы моногамии в полигамии. Полиандрия. Беспорядочное смещение полов.

ГЛАВА 18. **Сословия.** Отчего так упорно сохраняются сословные различия. Положение низших классов у нецивилизованных людей. Причины такого положения.

ГЛАВА 19. **Физические различия между высшими и низшими классами** в Полинезии, в Африке, в Японии, в древней Германии и современной Европе. Закон расслоения общества. Физические различия между сословиями в Италии, Испании, Англии, Ирландии, Дании, Германии и России.

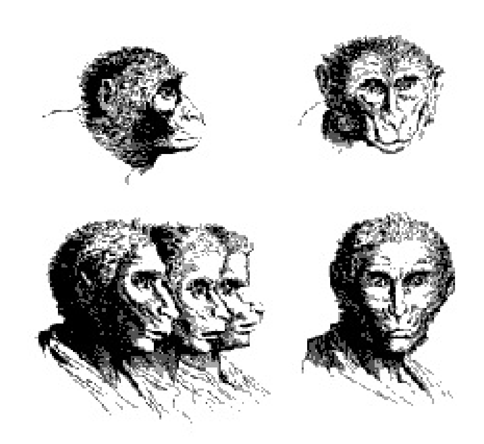
ГЛАВА 20. **Характер и ум низших классов.** Сходство между низшими классами Европы и дикарями. Различие между дворянством и простонародьем у французов. Характер польского крестьянина. Русское простонародье. Щедринский тип Конона. Сходство этого типа с людьми монгольской расы.

постепенного развития человека при помощи упражнений. Факты, ей противоречащие.

1. ГИАТУС

Образ жизни палеолитического человека. Существование гиатуса. Голод в Европе. Борьба за существование среди человечества. Увеличение человеческого роста. Прогресс в уме и характере. Возможность существования людоедства во времена гиатуса. Увеличение емкости человеческого черепа.

В окончательном результате палеолитический век сформировал из питекантропа человека. По своей культуре он походил до некоторой степени на современных дикарей, в некоторых отношениях превосходил их, а в других – стоял ниже. Домов у него не было, их заменяли пещеры. Полагают, что к концу палеолитического века европеец уже не ходил голым, а прикрывался звериными шкурами, которые умел сшивать при помощи костяных игл. Приручение домашних животных и земледелие были еще ему неизвестны: он был охотником. Оружием его были: копье с кремневым наконечником, лук со стрелами, деревянная палица и грубый каменный молот. Предметом охоты было до 70 видов млекопитающих и до 50 птиц. Кроме того, европеец ухитрялся ловить рыбу при помощи удочки и гарпуна: в его пещерах находили до 50 видов рыб, из которых 10 было морских. Отсюда видно, что у него было уже тогда что-то вроде челнока, на котором он пускался в море. Мясо он, вероятно, ел сырым, но мог и жарить, потому что огонь уже был ему известен. Был ли европеец в то время людоедом, мы не знаем. Есть только намеки на это обстоятельство в виде расколотых человеческих костей, находимых в пещерах. Предполагают, что кости эти раскалывались для поедания костяного мозга, до которого первобытный европеец был вообще большой охотник.

Неизвестно до сих пор, знаком ли был человек палеолитического вида с гончарным производством, но в искусстве, а именно в резьбе, он достиг высокой степени совершенства. В числе памятников палеолитического искусства встречаются кости, орнаментированные нарезками. Но особенно хороши попытки подражания природе, главным образом в изображениях животных. Мы находим здесь фигуры людей, оленей, лошадей, мамонта и даже фантастические, вроде сфинкса.

Был ли у этого человека какой-либо религиозный культ и обряды при погребении покойников, до сих пор неизвестно, потому что никаких следов этого не найдено.

Габриэль-дэ-Мортилье ставит резкую грань между эпохами палеолитической и неолитической. По его мнению, последняя не была продолжением первой, а чем-то совершенно самостоятельным, появившимся внезапно и принесенным в Европу извне каким-то новым народом. К такой мысли приводит почтенного автора резкая разница в обоих культурах. Человек палеолитического века был только охотником, тогда как неолитический, занимаясь земледелием, имел прирученных животных, умел выделывать каменные полированные орудия и пр. Кроме того, дэ-Мортилье высказал мнение, что новый народ, пришедший в Европу, не нашел уже там ее древнейшего населения, за исключением разве незначительных остатков. То население, которое жило здесь в дилювиальную эпоху, исчезло еще до появления неолитического человека, как и куда неизвестно. Одним словом, де-Мортилье предполагает, что между палеолитической и неолитической эпохами, по крайней мере, в Западной Европе, есть какой-то промежуток, в течение которого Европа, за немногими исключениями, оставалась необитаемой. По его мнению, между древней палеолитической культурой и культурой неолитической нет никакой связи, никакого постепенного перехода, а замечается перерыв, hiatus (пустота).

Вслед за Мортилье существование такого перерыва было принято и многими другими исследователями. Главным доказательством его служит ряд местностей, в которых действительно между культурным слоем палеолитического века и слоем неолитической эпохи, находится слой пустой породы, лишенный всяких следов человека и часто очень мощный. В наносах р. Соны г. Арселин нашел пустой слой мощностью в 3 метра и из составленной им для этой местности нормы осаждения осадков, вычислил, что эпоха hiatus’а продолжалась от 3-х до 4-х тысячелетий. На основании подобных находок де Мортилье полагает, что четвертичный человек, за исключением немногих местностей, исчез из Европы и только по прошествии значительного периода был заменен совершенно новым населением.

Однако, г. Нидерле не согласен с заключением Мортилье относительно появления в Европе в эту эпоху нового народа. Он думает, что «крупные постплиоценовые животные были отчасти истреблены охотой, отчасти же, соответственно изменению климата, отступили к северу и востоку. Человеку таким образом грозил недостаток пищи, от которого он мог обеспечить себя, только ловя животных, размножая их в целые стада и собирая запас нищи на всякое время. Подобным же путем человек мог быть приведен и к хлебопашеству». По мнению Нидерле, древнее четвертичное население Европы не исчезло, и неолитическая культура явилась не внезапно, а постепенно развилась из палеолитической. «Никакого великого переселения новых народов, – заключает автор, – для этой эпохи мы решительно не допускаем». И действительно это доказывается между прочим существованием лигурийских пещер (в Италии), которые долго были обитаемы человеком, может быть даже до исторических времен. В них нет никакого перерыва, а над самым низким культурным слоем, который относится по крайней мере к концу дилювиальной эпохи, идут слои гораздо более поздние, главным образом неолитической эпохи.

Что для объяснения неолитической культуры нет никакой надобности предполагать великое переселение народов, с г. Нидерле нельзя не согласиться, но все же существование hiatus'а – факт, требующий объяснения.

Для уразумления его можно было бы построить множество более или менее вероятных гипотез. Сущность гиатуса сводится к тому, что в конце ледникового периода в Европе внезапно появилась какая-то новая, враждебная человечеству сила, которая истребила его чуть было не до последней пары. Такой силой могло быть стихийное явление, вроде описываемого в Библии «всемирного потопа». Но геология ничего не говорит нам о возможности в Европе в описываемое время такого явления.

Другой более вероятной причиной гиатуса мог быть голод между европейским человечеством, приведший его сначала к самоистреблению, а впоследствии к приручению животных и к земледелию.

«Все большие животные, – говорит Нидерле, – характерные для палеолитической эпохи, уже исчезли» к началу эпохи неолитической. «Неолитической эпохой был застигнут только северный олень, отступивший постепенно к северу». Следовательно, все четвероногие хищники были уже к тому времени поедены человеком, а вместе с ними и растительноядные. Кроме того, при отступлении ледника удобная для жизни животных площадь Европы все расширялась. Животные, на ней обитавшие, расходились все на большее пространство, а потому и охота на них становилась все труднее и труднее.

Если представить себе плотоядного человека, хищника над хищниками, для которого в целом мире не было равного соперника в искусстве затравить любую дичь, то понятно, что никаким животным от него нигде не было спасения. А если человек при этом сильно размножился и густо населил Европу, то положение представлялось приблизительно в таком виде, как если бы современная Западная Европа с ее густым населением лишилась бы вдруг домашних животных и хлебных растений и, отделенная от всего остального мира, принуждена была питаться охотой. Само собой разумеется, что для ее населения не оставалось бы никакого другого выхода, как только охотиться друг на друга и существовать исключительно людоедством. При других условиях человек мог бы в погоне за добычей распространиться по всему земному шару или перейти от животной пищи к растительной. Но если он был по прежнему заперт на пространстве Средней и Южной Европы, и если растительность этих стран все еще была близка к арктической, то другого исхода ему не было.

«Так как виды того же рода, – говорит Дарвин, – обыкновенно сходны в своих привычках и складе и всегда сходны по строению, то борьба между ними, если только они приходят в состязание, будет более жесткой, чем между видами различных родов». Что же после того сказать о борьбе на жизнь и смерть между представителями одного и того же вида, да еще такого могучего, как человек дилювиального периода, уже успевший победить самых страшных хищников животного царства? Ужаснее и тяжелее этой борьбы трудно себе что-нибудь представить. А если она продолжалась несколько тысячелетий, то становится совершенно понятным происхождение гиатуса, когда население Европы было

истреблено до маленькой горсточки, чуть ли не до последней пары людей. Можно себе вообразить, как усовершенствовалась такая горсточка путем истребления слабейших и естественным отбором, и какое выдающееся потомство она после себя оставила.

Борьба, о которой мы говорим, велась исключительно ручным каменным оружием, на близком расстоянии ножами, молотами и копьями, а на дальнем – пращей и луком со стрелами. Все эти роды оружия требуют от их обладателя мышечной силы, ловкости, хорошего зрения и верности глаза. Следовательно люди, не обладавшие этими свойствами, неминуемо погибали в борьбе.

В постепенном возрастании мышечной силы, а вместе с нею и энергии, человек подчинялся, конечно, общему закону, управляющему всем животным царством. «Если сравнить, – говорит Гааке, – проявление жизни в различных больших и малых группах животного царства, то окажется, что *энергия и сила их беспрерывно прогрессируют*, что свойства эти резче у животных высших и слабее у низших. Это подтверждается не только сравнением больших групп животных. Например, млекопитающих и птиц с пресмыкающимися, земноводными и рыбами, насекомых с червями, высших зоофитов с губками, но также и в пределах отдельных групп».

Так как при прочих равных условиях мышечная сила пропорциональна росту, то большую вероятность оказаться победителями имели люди высокого роста при хорошем сложении. По Гааке, величина тела у животных возрастает параллельно с относительной высотой их развития. «Древнейшие млекопитающие, – говорит он, – известные нам из слоев мезозойской группы, все без исключения были мелкими животными и некоторые отличались даже крошечными размерами. Но величина тела беспрерывно росла. Пока наконец в дилювиальный период она не достигла у некоторых млекопитающих чудовищных размеров». Ту же самую идею Гааке проводит при рассмотрении обезьян и их ближайших низших сородичей: лемуров, насекомоядных и сумчатых. Везде величина тела увеличивается вместе с развитием животного.

Увеличение размеров тела у животного объясняется ничем иным, как только условиями прямой борьбы за существование. Если мы возьмем хищника и его жертву, довольно близких между собою по величине тела, то естественно, что хищник из числа своих жертв скорее и легче всего истребит самых мелких как самых слабых. Самые крупные, следовательно самые сильные, жертвы легче сумеют

себя защитить или непосредственной борьбой с хищником при помощи лба, рогов, зубов, ног и пр., или тем, что легче от него вырвутся, или, наконец, большей быстротой своего бега. Они оставят после себя более крупное потомство. Таким образом у породы, поедаемой по мере истребления ее хищниками, увеличиваются размеры тела. Но среди хищников в это время также произойдет подбор. Или самые мелкие их экземпляры вымрут с голоду, не будучи в состоянии справиться со своими крупными жертвами, и следовательно рост хищников также увеличится. Или же из них останутся в живых только самые ловкие, умеющие справиться даже с более крупными жертвами.

Таким образом, жертвы борьбы за существование и хищники в результате борьбы всегда имели стремление расти и достигали иногда чудовищных размеров. «Но именно эти размеры, – говорит Гааке, – препятствовали дальнейшему приспособлению животных к окружающей среде и препятствие это было так велико, что почти все гиганты дилювиального периода в конце концов вымерли». Такого же, если не большего, предела роста достигли также и вымершие гигантские пресмыкающиеся каменноугольной системы: змееящерицы, птеродактили, динозавры и пр.

Но вместе с мышечной силой перевес в битвах между дилювиальными людьми давали тысячи самых разнообразных военных приемов и хитростей, которые зависели от изобретательности борцов, а следовательно, от их умственной силы. Положительно все лучшие стороны человеческого ума и характера были здесь полезны.

Обладая вниманием и наблюдательностью, человек мог лучше изучить своих врагов, их способности, привычки, приемы и слабые стороны. Сильная память дозволяла легче делать выводы и сопоставления о врагах из наблюдений прежнего времени. Воображение давало возможность заранее начертать план будущей битвы и сделать для нее необходимые приготовления. Быстрый разум помогал ориентироваться в изменчивых условиях битвы и принимать экстренные меры, наиболее соответствующие данному моменту. Человек, одаренный им, делал множество мелких и крупных изобретений, поражавших врага неожиданностью. Беззаветная храбрость и бесстрашие дозволяли бойцу во время самой битвы хладнокровно взвешивать опасность, не теряться в случае неожиданности и идти на самые смелые и опасные предприятия.

Если каждая из этих способностей приносила своему обладателю несомненные выгоды в борьбе, то комбинации их, соединенные в одном лице, давали еще большие преимущества. Если же такая борьба продолжалась многие тысячелетия, если в ней гибли миллионы людей, чтобы сохранить жизнь счастливым избранникам судьбы, то эти последние должны были достигнуть верха совершенства в физическом отношении, а в умственном были тем, что мы называем гениями. Главное отличие гения от обыкновенного человека, как мне кажется, это способность, распоряжаясь незначительным количеством фактов или наблюдений, скоро и безошибочно составлять правильный вывод о каком-либо явлении. Это высшая степень синтетической способности, соединенная со способностью отвлечения.

В таком положении, где обыкновенный ум теряется от новизны и неожиданности и не знает, что предпринять, или избирает неверный путь, гений чувствует себя как дома и идет к цели вернейшим и кратчайшим путем. Для такого человека не существует опасностей, нет неожиданностей. Всякий ход неприятеля у него уже заранее предусмотрен и обдуман. Для него нет трудных положений, перед которыми бы он остановился. Само собою разумеется, что в описанной борьбе пять внешних чувств человека были изощрены до последней степени тонкости. Что касается остальных чувств, то известно, что у людей высокого ума наблюдаются и высокие чувства. Но из них на первом плане должна была стоять беззаветная любовь к ближним. Под ближними понимались, разумеется, члены той группы или кружка, к которым человек принадлежал по рождению. Та группа, в которой каждый из членов не был бы готов во всякую данную минуту умереть за своих, никогда бы не могла выйти победительницей.

Таковыми представляются мне последние пары людей, уцелевшие в жестокой борьбе на жизнь и смерть с себе подобными.

Если борьба у людей неолитического века велась в форме войны, т.е. если люди соединялись в отряды, то для более успешного действия им необходима была стройность совместных действий, а это не мыслимо без хорошо организованной системы сигнализации. Кроме того, сигналы нужны были такие, которые одинаково хорошо понятны, как днем так и ночью, т.е. слуховые, а не зрительные. А такой системой сигнализации могла быть только членораздельная речь. Если начало ее не было положено еще ранее при борьбе человека с четвероногими хищниками, где люди также, вероятно, действовали отрядами, то теперь без нее никакая борьба была немыслима. Те из борющихся, которые первые воспользовались выгодами членораздельной речи, конечно, имели за собою преимущество, а позже побеждал тот, кто больше ее совершенствовал.

Об оружии уже и говорить нечего: его совершенствование и лучшая отделка приносили несомненные шансы победы, тому, кто стоял в этом отношении впереди всех. Отсюда – полированное и легкое оружие неолитического века.

Таким образом европейцы неолитического века, принужденные к тому голодом, могли добывать себе человеческое мясо вроде того, как пишут об африканском народе монбутту: «Они смотрят на своих несчастных соседей положительно как на дичь, нападают на них, убивают или берут в плен, единственно с целью добыть себе мяса. Человеческую дичь, убитую в схватке, немедленно разрезывают на куски и делят их между охотниками, потом режут длинными ломтями, тут же на месте коптят и берут про запас, как провизию. Пленных уводят с собою, приберегая их для будущих пиршеств».

О следах каннибализма в каменном веке я мог найти данные только у Шарля Дебьера, который говорит, что женские и детские кости со следами людоедства были найдены в раскопках: в Шово (Спрингом), в Лурде (Гаррингом), в Гурдаке (Пьеттом), в Вильневе, в С. Жорже (Ружу), в Варенне, С. Мор (Бельграном), в Монтескье-Авантэс, в Брюникеле, в Э и на острове Тальмария (в Италии).

По этому поводу нас могли бы совершенно основательно спросить: «Если во

время гитауса борьба среди человечества настолько тяжела, что пережить ее могли только гениальные люди, великаны и атлеты в физическом отношении, ловкие как кошки и кровожадные как тигры, то как мог уцелеть род человеческий, если его женщины и дети были такими же слабыми и беззащитными, какими мы знаем их в настоящую минуту, с продолжительным периодом беременности у первых и с чрезвычайно долгим совершенно беззащитным периодом глупости и слабости у последних? Ведь истребить их до последнего экземпляра нет ничего легче?»

Как ни труден этот вопрос, но у нас есть факты, разрешающие его сравнительно просто. Подробным изложением их мы и займемся ниже, а теперь заметим только следующее:

Во-первых, гениальность нужна была человеку неолитической эпохи не только для того, чтобы победить своих врагов, но едва ли не в большей степени для того, чтобы спасти от гибели своих женщин и детей.

А во-вторых, быть может человеческий род не спасла бы никакая гениальность, если бы у него были женщины и дети такие же, как теперь, если бы наравне с мужчиной они не подвергались такому же строгому естественному отбору.

В результате этого отбора женщины должны были отличаться от мужчин только в незначительной степени.

Габриэль де Мортилье утверждает, что существование каннибализма для неолитического века не доказано, но помимо вышеприведенных данных, взятых у Шарля Дебьера, доказательством может служить широкое распространение среди человечества людоедства и человеческих жертв до настоящего времени.

«Ни один народ, – говорит Гельвальд, – ни одна часть света не могут быть признаны невиновными в отношении антропофагии. Всюду можно найти следы каннибализма либо непосредственно, либо в мифах, легендах и т.п. И без преувеличения можно сказать, что *не существует* теперь *ни одной человеческой расы*, у которой в прошлом не было бы случаев каннибализма».

Но даже и в том случае, если бы было действительно доказано отсутствие каннибализма в неолитическом веке, это обстоятельство не могло бы свидетельствовать против существования между тогдашним человечеством опустошительных войн. Если причиной их не было людоедство, то они могли вестись просто из-за пищи. Но если эта раса выработалась последним ледниковым периодом и перенесла жестокую борьбу с лютейшими четвероногими хищниками, то кто мог ее истребить? Где нашелся бы для нее достойный соперник?

Среди описанной нами беспощадной борьбы за существование, человек должен был пережить массу страданий, но зато в эту эпоху его естественный отбор шел быстрее, чем когда либо, и настолько изменил его, что де Мортилье, сравнивая человека неолитического с палеолитическим, не признал первого потомком последнего; неолитическую культуру он приписал представителю какой-то чуждой расы пришельцев.

Человека неолитической эпохи археологи изображают с шлифованными и отточенными каменными орудиями, с довольно развитой керамикой, со следами

ткачества, земледелия и скотоводства, с жизнью в свайных постройках. Человек этого времени уже приручил к себе собаку, быка, овцу, козу и свинью. Из молока животных приготовлялся сыр. Из хлебных растений возделывались: пшеница, ячмень, лен, просо, горох, чечевица и пр. Сверх того, человек разводил фруктовые деревья: яблони, груши, лесной орех, водяной орех и даже виноград.

В физическом отношении неолитический человек также далеко позади себя оставил своего древнего предка начала дилювиальной эпохи. К сожалению, археологические находки еще не так полны, чтобы можно было шаг за шагом проследить все перемены, происшедшие с организмом человека за этот огромный промежуток времени. Но сравнение человека начала дилювиальной эпохи с неолитическим все же может дать нам некоторое понятие о том, какого рода перемены с ним произошли.

Мы уже познакомились выше с европейским питекантропом, Pithecantrpus Neauderthalensis, родоначальником всех европейских рас, с его покатым, сплющенным и уходящим назад лбом, с выдающимся прогнатизмом черепа и с нижней частью лица, напоминающей морду животного.

Если остатки других дилювиальных рас менее его изучены, то все же достоверно известно: 1) что низшие формы этого периода предшествовали высшим, а не наоборот, следовательно, человечество за это время не регрессировало и не оставалось неизменным, а несомненно прогрессировало, а 2) что между высшими и низшими формами существовали промежуточные, переходные между теми и другими. В доказательство этих положений сошлюсь на слова известных ученых антропологов.

Так Карл Фохт, сравнивая между собою два самые древние черепа палеолитического века – неандертальский и энгисский – и признавая между ними несомненное и довольно значительное сходство, в то же время находит, что неандертальский череп в наше время «мог бы быть черепом идиота», а энгисский «мог бы принадлежать даже натуралисту», так как он имеет более высокий свод. Кроме того, тот же ученый находит, что бернский череп можно бы выдать за близнеца неандертальского, но он составляет ровно середину между черепами неандертальским и энгисским.

К более высоким переходным формам относят между прочим расу Chancelade, о которой Тэстю написана целая монография и которую Лябуш называет Homo priscus. Эту расу антропологи считают продуктом развития Pith. Neanderthalensis, так как у нее тот же крепкий скелет, тот же небольшой рост (1,6 м), происходящий от коротких ног, та же объемистая голова, а кроме того полная аналогия с питекантропом в устройстве зубов, костей и других деталей организма, сравнительно с этим последним, более объемистым и вообще более человеческим, а соответственно с ним изменилась и верхняя челюсть. Но с другой стороны, Homo priscus находится в ближайшем родстве с высшей из дилювиальных длинноголовых рас, Кроманьонской, которую Лябуш называет Homo spilaeus. Эта последняя раса имеет уже высокий рост (1,8 м), длинные ноги, более длинную голову с наклонностью выступания спереди и сзади и с менее массивным скелетом.

Относительно неолитических черепов Вирхов выразился следующим образом: «Интерес к доисторической Европе увеличился с тех пор, как убедились в ошибочности мнений, будто первобытной культуре должны соответствовать люди с низшей физической организацией. На самом деле, однако, в физическом строении этих древних жителей озер (свайных построек) нет ничего такого, что указывало бы на низкую организацию; напротив, мы должны признать, что они были плоть от плоти нашей и кровь от нашей крови. Прекрасные овернские черепа могут с честью фигурировать среди черепов культурных народов, по своей вместимости, форме и деталям организации они могут быть поставлены наряду с лучшими черепами арийской расы».

В том же духе говорит и Колльман: «Пещерные находки заставили думать, что первобытные европейцы принадлежали к совершенной дикой коренной расе, за которой последовали более совершенные, более благородные волны, уничтожавшие предыдущих. Такое предположение, естественно, но оно ложно. Не все то верно, что кажется простым. Первые поселенцы (так называет автор людей неолитического века) стояли, правда, на более никой ступени культуры, но они не были низко стоящей расой. Здесь смешиваются две совершенно различные веши. Это простительная ошибка, в которую легко было впасть в первом периоде развития антропологии, но теперь пора уже отрешиться от нее».

Со своей стороны и Ранке о скелетах Карманьонской расы замечает, что они говорят нам о рослой, сильной, почти атлетической расе. Черепа весьма характерны, они велики, во всех отношениях прекрасно развиты и по размерам своим, выпуклости и емкости превосходят даже средние размеры современных французов. Вместо обезьяноподобного создания, первобытный обитатель Европы оказывается совершенно иным: многочисленные представители Карманьонской расы принадлежат к высокоразвитому «замечательно красивому» типу. Вместо мозга, стоящего на низкой полуживотной ступени, как этого требовала, по-видимому, теория постепенного развития человечества, Брока нашел при сравнении развития мозга или емкости черепа нынешних обитателей Франции и представителей прежних эпох, следующий ряд цифр. (Из этих цифр мы возьмем только две, как наиболее характерные):

Доисторический череп из стоянки Солютрэ – 1615 куб. см.

Череп современных парижан – 1558 куб. см.

Отсюда видно, что древние доисторические обитатели Франции «по размерам мозга превосходили нынешних французов». Во всяком случае, заключает Ранке, «мозг древних не уступал нашему».

Емкость черепа швейцарцев свайного периода – 1558 куб. см.

То же швейцарцев современных – 1377куб. см.

Наконец, Ляпуж дает следующую любопытную таблицу емкости черепов:

Pitecantropus erektus – 1000 куб. см.

Pithecantropus Neanderthalensis – 1200 куб. см.

Средний современный европеец – 1565 куб. см.

Homo priscus – 1710 куб. см.

Последняя из приведенных цифр сама по себе очень велика, но есть еще крайний больший предел емкости черепа, до которого доходил дилювиальный человек, так как у расы Trechere емкость достигала даже до 1925 куб. см.

«Вирхов, – говорит Ранке, – справедливо указал, что напрасно мы так высокомерно взираем на древнейших предков наших. В подтверждение этого, Вирхов приводит наблюдение, что у обитателей швейцарских свайных построек доисторического периода средняя величина головного мозга оказывается не только не меньше, но даже больше, чем у нынешних обитателей тех же местностей».

Элизе Реклю выражается в таком же духе: «Является вопрос, не достигла ли раса Кроманьон в некоторых отношениях кульминационного пункта культурного развития, по крайней мере, по отношению к искусству, все позднейшие поколения неолитического века представляют собою период полного регресса. Ничто, во всяком случае, не доказывает, чтобы в развитии человечества наблюдается постоянный прогресс в смысле увеличения головного мозга и формы черепа. Очень вероятно даже, что замечалось как раз обратное. Вопреки общераспространенному мнению, объем черепа с палеолитического времени не увеличился совершенно. Большинство ископаемых черепов по своей емкости превосходит средние современные черепа».

Итак, антропологические данные емкости человеческих черепов приводят нас к заключению, что вместе с переходом питекантропа из состояния животного в человеческое череп его увеличился к неолитическому веку с 1000 или 1200 до 1700-1900 куб. см, а затем к нашему времени снова уменьшился в среднем до 1500 куб. см. Следовательно, мы, европейцы, по емкости черепа в среднем понизились сравнительно с человеком ново-каменного века и занимаем как раз средину между ним и питекантропом. Значит, с неолитического века мы шли не вперед, а назад. Может ли это быть в виду существования закона прогресса, ввиду наших несомненных успехов в науке?

Очевидно, может, если нас к тому приводят факты. Но верны ли самые факты? И действительно ли умственные силы человека пропорциональны емкости его

черепа?

За правильность приводимых нами антропологических измерений ручаются такие научные авторитеты как Вирхов, Колльман, Брока, Ранке и др. Факт понижения емкости черепа у современных европейцев сравнительно с таковою же у ископаемых троглодитов вовсе не новость для науки. О нем упоминает еще Дарвин в своих сочинениях как о «непонятном» явлении. Брока разъяснил его тем, что «средняя величина емкости черепа у цивилизованных народов должна несколько уменьшиться, вследствие сохранения значительного числа личностей слабых умом и телом, которые у дикарей гибнут». Хотя объяснение это до крайности слабо, но им удовольствовались все ученые, не исключая и Дарвина. Если Брока приравнивает людей неолитического века к дикарям, то почему же у современных дикарей средний показатель емкости черепа оказывается меньше, чем у европейцев – 1511 куб. см, у американских индейцев – 1426 и у австралийцев – 1341.

Что касается пропорциональности между емкостью черепа и умственной силой, то Дарвин говорит об этом следующее: «Убеждение, что у человека существует связь между объемом мозга и степенью умственных способностей, основывается на сравнении черепов диких и цивилизованных рас, древних и новейших народов, равно как на аналогиях всего ряда позвоночных.

2. СЛЕДЫ ГЕНИАЛЬНОСТИ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА

Современная теория постепенного развития. Ее заблуждения. Начало скотоводства и земледелия. Мегалитические постройки. Материальные изобретения древнего человека: ткацкий станок, добывание огня и металлургия. Произведения духовного творчества. Невозможность бессознательного коллективного творчества. Предания о ледниковом периоде. Первобытная теория происхождения человека. Понятие о мире бактерий. Медицинские сведения доисторического человека. Расселение человека по островам океанов.

Так как в конце предыдущей главы мы затронули вопрос о гениальности первобытного человека, то прежде, чем перейти к его дальнейшей истории, необходимо подкрепить некоторыми доказательствами эту, с современной точки зрения безумную, дерзкую мысль.

Мнение о том, что первобытный человек был «цивилизован», и что современные дикари упали до своего теперешнего состояния, вовсе не новость. По словам Дарвина, оно было высказано герцогом Аргайлем в 1869 году, а еще ранее архиепископом Уетли.

Известно также, что Священное Писание и предания всех стран и народов смотрят на настоящее и будущее человечества довольно мрачно и все хорошее видят позади. Тогда был рай земной, блаженное состояние людей и бессмертие, а теперь господство дьявола, грех и смерть. На этом положении построены почти все религиозные системы. Наши предки еще не так давно были того же мнения, а простолюдины остаются при нем до сих пор.

Только последние поколения цивилизованных европейцев расстались со старинным миросозерцанием и заменили его новым, по которому в глубокой древности не было ничего, кроме дикости, глупости и невежества. А потому все, что было открыто и изобретено в доисторические времена, объясняется случаем, вроде открытия финикиянами стекла. Мы создали новую теорию «постепенного развития», по которой человек произошел от животного, близкого к обезьяне и с тех пор непрерывно совершенствуется. Если иногда он слегка и регрессирует, то только в виде отдыха от прогрессивной работы, чтобы потом снова идти вперед.

Наше поступательное движение управляется во-первых законом прогресса, а во-вторых свободной волей человека. Захочет человек, он прогрессирует, не захочет – стоит на месте или идет назад.

Это, конечно, только гипотеза, требующая доказательств, за каковую она прежде и принималась. Но всякая гипотеза, просуществовавшая долгое время без крупных опровержений, обращается в аксиому Так случилось и теперь. Есть огромная масса фактов, непонятных с точки зрения нашей теории. О них говорят или с грустью: «вряд ли когда-нибудь это будет нам известно», или с самоуверенностью: «будущая наука это объяснит». Есть факты даже прямо

противоречащие ей, но о них просто умалчивают.

Гипотеза, о которой мы говорим, успела уже к настоящему времени окостенеть и обратиться для цивилизованного европейца в то, что мы называем верованьем. На ней основаны все наши надежды и упования в будущем, все наши симпатии и антипатии в настоящем. Разумеется, нам не легко с ней расстаться.

Несомненно, что гипотеза эта основана на всем известном факте прогрессирования в умственном отношении Западной Европы, случившемся на глазах истории, но мы забываем, что причина этого факта нам совершенно неизвестна. Задумавшись над загадочным падением Испании, Дарвин говорит: «Пробуждение европейских наций от темных веков варварства представляет *еще более трудную задачу*».

Мы не можем сказать с достоверностью, постоянное ли явление наш прогресс или только временное. Из истории нам известно, что временный прогресс явление вовсе не редкое, а напротив, очень обыкновенное. Много древних народов прогрессировало, так же, как и мы, но, дойдя до известного пункта, вдруг от непонятной причины, начинало падать и вымирать. Чем же мы счастливее их? Что гарантирует нас от падения и вымирания? Это никому неизвестно.

Правда, у нас есть крепкая надежда на популяризацию просвещения и на полную демократизацию европейского общества. Но увы, средства эти уже были испытаны на практике Китаем и нисколько не помешали ему пасть. Они не мешают также падать и передовой Франции.

Мы верим в прогресс, как основной закон мироздания и не ошибаемся. Закон этот действительно существует. Его реальность слишком очевидна. Но прогресс – это одно, а пути, по которому он идет, – совсем другое.

Человечество несомненно должно прогрессировать, но как? Это вопрос. По одному взгляду (поэтическому) каждый народ и каждый человек в отдельности совершенствуется, а по другому (реальному) погибают миллиарды людей и тысячи народов, чтобы дать место одной паре счастливых избранников. В том и другом случае прогресс, но какая огромная разница в его путях. Для каждого из нас был бы приятнее первый путь и мы стараемся себя уверить, что другого пути и нет. Но безжалостная действительность говорит, что природе известен только второй.

А в таком случае каждый из нас и народы, к которым мы принадлежим, могут не попасть в число избранников. Скажите, по какому закону мы тогда погибнем? Разве не по закону прогресса? А по какому закону погибли египтяне, древние греки, римляне и другие народы древности? По тому же самому закону.

Для нас приятнее думать, что позади нас были только дикость и невежество, а мы стоим на вершине прогресса (так же думали в свое время и древние). А потому мы затыкаем уши перед фактами, которые не говорят, а просто кричат, что это неправда, что наши отдаленные доисторические предки были не дикари, что они так высоко стояли в умственном отношении, что даже многие тысячелетия не в силах были изгладить оставленных ими следов.

Таких следов очень много, и можно бы написать о них целые тома. Но наше

дело в настоящее время не исследовать их, только указать на факт их существования.

Прежде всего мы должны обратить внимание на самое дорогое наследие доисторического прошлого, на основы нашего теперешнего благосостояния: скотоводство и земледелие, без которых вся наша цивилизация была бы ничто. Мы должны помнить, что установка и разработка в мельчайших деталях этих двух важнейших источников нашего существования принадлежит не нам, а отдаленному доисторическому прошлому.

Мы считаем делом чрезвычайно простым и легким приручение животных и думаем, что оно доступно каждому дикарю. Известно, что у дикаря есть прирученные животные и этого с нас достаточно. Но если мы присмотримся к домашним животным поближе, если сравним их с дикими, то перед нами тотчас же является множество неразрешимых загадок, перед которыми становятся в тупик наши лучшие, ученейшие зоологи. «Происхождение большей части наших домашних животных, – говорит Дарвин, – вероятно, навсегда останется неясным». «Невозможно, – говорит он, – прийти к какому бы то ни было заключению относительно их происхождения от одного или нескольких видов. В самые древние времена, на египетских памятниках или в свайных постройках Швейцарии мы встречаем очень разнообразные породы, причем некоторые из них очень походят на современные или даже тождественны с ними. Но эти соображения только отдаляют начало цивилизации и показывают, что животные были приручены *гораздо ранее, чем до сих пор предполагалось*». Говоря о древних людях, выработавших наши породы домашних животных, Дарвин называет их то «цивилизованными», то «варварами», но отнюдь не дикарями, потому, что им было в совершенстве известно очень трудное дело искусственного отбора животных, которого у дикарей нигде не существует. «Совершенно неверно было бы предполагать, – говорит он, – что применение начала отбора составляет новейшее открытие. Когда мы сравним возовую лошадь со скаковой, дромадера с верблюдом, различные породы овец, приспособленных к луговым или горным пастбищам, с шерстью, пригодной в одном случае для одного, в другом для другого назначения, когда мы сравним различные породы собак, полезные для человека в разнообразных направлениях, когда мы сравним боевого петуха, столь упорного в битве, с другими совершенно миролюбивыми породами, с «вечно несущимися» курами, которые отказываются быть наседками, и с маленькими изящными бантамками, мы не можем допустить, чтобы все эти породы возникли внезапно такими совершенными и полезными, какими мы видим их теперь. Человек сам создал полезные для него породы».

В частности, о собаках Дарвин говорит: «Мы никак не можем одним только скрещиваньем объяснить происхождение таких крайних форм, как чистокровные борзые, кровяные собаки, бульдоги, мальбруги, крысодавы и мопсы, разве предположив, что столь же резкие формы существовали когда-нибудь в диком состоянии. Однако, едва ли кто-нибудь имел смелость предположить, чтобы подобные неестественные формы существовали или могли существовать в диком состоянии. Если их сравнивать со всеми известными представителями семейства собачьих, то они тотчас же обнаруживают свое отличие и ненормальное происхождение. Нет решительно ни одного примера, чтобы собаки вроде кровяных

испанок и настоящих борзых, были когда нибудь воспитываемы дикарями: они составляют продукт *продолжительной цивилизации*. Что касается прямых причин и степеней, с помощью которых собаки мало-помалу так сильно отклонились друг от друга, то об этом, как и о многом другом, мы не знаем решительно ничего».

А что искусственный отбор вовсе не такая простая вещь, как это может показаться с первого взгляда, и что он положительно недоступен современному дикарю, свидетельствуют следующие слова Дарвина: «Если бы отбор заключался только в отделении резко выраженной разновидности и разведении ее, то начало это едва ли бы заслуживало внимания, но различия между животными, которые приходится накоплять скотоводу, положительно незаметны для непривычного глаза». «По крайней мере я, – сознается Дарвин, – тщетно пытался их уловить». «Один из тысячи не обладает верностью глаза и суждения, необходимыми для того, чтобы сделаться выдающимся заводчиком. Если он одарен этими качествами и годами изучал свой предмет, то, посвятив всю свою жизнь с ничем непреодолимой настойчивостью этому делу, он может достигнуть значительных улучшений; если же ему недостает хоть одного из этих качеств, он наверное потерпит неудачу. Немногие поверят, какие природные качества и сколько лет практики необходимо для того, чтобы научиться искусству разводить голубей». А если все это так трудно даже и теперь, когда существует огромная литература по сельскому хозяйству, то можно себе представить, как это было трудно для дилювиального человека, который не имел перед собой никаких руководств, никакого опыта и до всего должен был доходить сам.

Кроме того, искусственный отбор требует еще особых условий, недостижимых для человека бедного, каким всегда бывает дикарь. «Так как изменения, явно полезные или приятные для человека, – говорит Дарвин, – могут возникать только случайно, то понятно, что вероятность их появления будет возрастать с числом содержимых особей. Отсюда численность (животных) в высшей степени влияет на успех». На этом основании Маршаль высказал мнение об овцах в некоторых частях Йоркшира: «они никогда не будут совершенствоваться, потому что принадлежат бедным людям и содержатся маленькими партиями».

Следовательно, чтобы усовершенствовать скот, надо держать его огромными стадами, что доступно только богатому человеку. Но если нужно было усовершенствовать собак, неужели и их необходимо было держать огромными стадами? Ясно, что это делалось иначе. Очевидно, что наш делювиальный предок, благодаря своей гениальности и большей наблюдательности, сумел обойти и это важное препятствие каким-то неизвестным нам образом.

То, что мы сказали о домашних животных, приходится повторить и о растениях. Обитатели швейцарских свайных построек неолитического века уже возделывали не менее 10 злаков, а именно: 5 пород пшеницы, из которых по крайней мере 4 признаются за отдельные виды, 3 породы ячменя, одну проса и одну просяницы. Кроме того, возделывались: горох, мак, лен и даже яблоки.

Так же, как наши зоологи становятся в тупик, изучая прирученных животных, ботаники отказываются в свою очередь понимать многие вопросы, встречающиеся при изучении домашних растений.

«Вообще, – говорит Дарвин, – вопрос о происхождении и видовых признаков различных хлебных злаков в высшей степени затруднителен. Замечательно, что ботаники ни по одному из хлебных злаков еще не пришли к единодушному заключению относительно его первоначальной формы и родича. Известно только, что ни одно из наших хлебных растений не растет дико и прежде не росло в теперешнем виде». Из этого Дарвин заключает, что «многие из таких растений подвергались коренным изменениям и уклонениям посредством культуры».

Но так как культура растений не менее трудна, чем искусственный отбор животных, то и для растений Дарвин не может допустить, чтобы их культивировали простые дикари. «Если потребовались, – рассуждает он, – столетия или тысячелетия для того, чтобы довести наши растения до той степени полезности, которой они теперь отличаются, то нам становится понятным, почему ни Австралия, ни мыс Доброй Надежды, ни какая другая страна, обитаемая совершенно нецивилизованными племенами, не дали нам ни одного растения, которое стоило бы культивировать».

Истинный последователь теории «постепенного развития» даже в этом случае не затруднился бы объяснить. Он сейчас же придумал бы «коллективный бессознательный отбор». Один бессознательно сделал одну маленькую частицу, другой – другую и т.д., а вместе получилось трудное серьезное дело. Но он забывает, что никакой коллективный труд невозможен, если его не одушевляет одна общая идея. Если ее нет, то отдельные люди всегда идут в разброд, как лебедь, рак и щука в басне: один портит то, что делает другой.

Другим важным доказательством, что человек неолитического века был не дикарь, служат его постройки, так называемые менгиры, которые за их гигантские размеры народ по справедливости назвал «постройками исполинов». «Мегалитические постройки неолитического периода, – говорит Ранке, – суть бесспорно самые величественные свидетели этой первобытной эпохи европейской культуры. Чтобы воздвигнуть их, требовалась совместная планомерная работа большого числа людей… Пещерный обитатель нового каменного века обладал уже сравнительно высоким развитием культуры».

Каменные сооружения неолитического века встречаются во многих местностях земного шара, но особенно много их во Франции, где они, кроме того, отличаются своими гигантскими размерами и красотой.

Материалом для них служили каменные глыбы колоссальной величины. Так, веретенообразный менгир в Морбигане имеет 19 метров вышины и 5 метров ширины, менгир в Шан-Далене около 13 метров, вышины и т.п.

Между такими памятниками различаются: 1) **Менгиры** – вертикальные, отдельно стоящие камни, 2) **Кромлехи** – квадратные и круглые фигуры, составленные из менгиров, 3) **Каменные аллеи или улицы**, тоже составленные из менгиров и, наконец, 4) **Дольмены** – искусственные гроты или пещеры, сложенные из огромных каменных плит в виде столов.

Во Франции отдельных менгиров насчитывается до 1683, а каменных улиц до 56. Из них наиболее известная в Карнаке тянется на пространстве 3-х километров и

составлена из прямоугольников. Первый состоит из 11 рядов менгиров, второй – из 10 и третий из 13-ти. Около 10000 каменных глыб пошло на укладку этой улицы. Дольменов насчитывают во Франции до 34. Для постройки самого большого пошло 35 каменных глыб на стены и 13 на покрышку. Для некоторых дольменов камни привозились за 35 километров. Возможно ли сомневаться хоть на одно мгновение, что такие грандиозные сооружения не могли быть делом рук жалких дикарей?

Кроме того, чтобы построить эти сооружения нужно было уметь пользоваться такими машинами как катки, вороты, рычаги и т.п., и надобно было искусство в каменоломных и каменотесных работах, так как многие камни носят следы обработки, или имеют отверстия для их скрепления.

В Полинезии, на островах Тихого океана, встречается также множество всякого рода древних памятников, которые не могли быть построены тамошними жалкими дикарями. На островах Луизиадских, например, встречаются циклопические мощения дороги и древние укрепления. На о. Понапе развалины имеют форму четырехугольных каменных островов числом до 80, обнесенных базальтовыми столбами и разделенных между собою каналами. На островах Тонга мы встречаем каменные исполинские монументы, называемые «фай-тока». Они составлены из камней, уложенных в несколько ярусов. Размеры таких четурехугольников доходят до 180 ф. в длину и до 120 в ширину при 20 ф. высоты. Камни, из которых они построены имеют до 20 ф. в длину и до 8 в ширину.

Далее, к числу сооружений, принадлежащих нашим доисторическим предкам нужно отнести висячие мосты в Америке и Тибете для перехода через пропасти с одного обрыва на другой. «Эти сооружения, – по словам Реклю, – должно считать, несомненно, унаследованными от народностей, которые обладали более высокой культурой, чем современное население этих стран».

Из числа прочих материальных изобретений наших доисторических предков надо указать: 1) ткацкий станок, остатки которого найдены в свайных постройках Швейцарии, 2) добывание огня трением и 3) открытие почти всех главнейших металлов, которыми мы пользуемся в технике в настоящее время.

Их добывание из руд, т.е. земель, не имеющих по виду ничего общего с металлами, требовало от изобретателей кроме многочисленных опытов еще способность к обобщению. Можно, пожалуй, допустить, что добывание одного из легкоплавких металлов, вроде олова, было открыто случайно нагреванием оловянной руды с углем, но допустить, чтобы так же случайно было открыто и железо, нет никакой возможности, так как для его добывания требуется высокая температура и особые приспособления. Конечно, пример с оловом мог навести на мысль, что и все другие земли, нагретые с углем, должны дать какие-нибудь металлы, но подобные обобщения не под силу дикарям, у которых эта способность совершенно отсутствует.

В духовной области человек неолитического периода также оставил после себя памятник не менее величественный, чем менгиры, а именно так называемые произведения народного творчества, из которых лучшие принадлежат к числу международной памяти, вошли в Илиаду, в Одиссею и в народный эпос многих

стран. Их темами пользовался Шекспир для своих драм и многие лучшие европейские поэты и писатели для лучших своих произведений. Эти продукты доисторического творчества даже в той искаженной форме, в которой их передал народ, слишком гениальны, чтобы их можно было приписать первобытным дикарям, а потому этнографы для объяснения их источника придумали особый вид творчества, которого примеров никто никогда не наблюдал, творчества «безыскусственного, бессознательного и коллективного». Предполагается, что какой-нибудь дикарь или варвар, занятый исключительно материальными проблемами и не имеющий ничего общего с поэзией, сочиняет, допустим, какое-нибудь четверостишие. Это произведение заимствуют другие такие же дикари и передают из уст в уста. Каждый от себя что-нибудь прибавит, что-нибудь исправит и передает дальше, а в конце концов вместо грубого искажения первоначальной мысли, как это обыкновенно наблюдается, выходит гениальная поэма, полная великих мыслей и великих чувств, которые вовсе несвойственны дикарю. Может ли быть что-нибудь искусственнее такого объяснения?

Из тех обрывков древних произведений, которые носят теперь наивно сказочную форму, можно догадаться, что у первобытного человека было очень широкое миросозерцание и что многие вопросы, за которые Европа принялась только в конце XVIII или в начале XIX века, уже занимали первобытного человека и что он даже решал их довольно близко к нашему. Сюда, например, относятся легенды о ледниковом периоде.

Одну из легенд, относящихся к этому времени, по словам французского антрополога Хами, опубликовал в 1771 г. Анкетиль-Дюперрон. Это зендский текст, называемый Вендидат-Садэ. Так же, как по греческой мифологии и по Моисеевым преданиям, человек по этой легенде живет сначала в «месте наслаждения и изобилия», Eeriene Veedjo, «более прекрасном, чем весь мир», данном Ормуздом. Ариман, «источник зла», действует в свою очередь и в реку, которая орошает земной рай, впускает созданного им большого змия, «мать зимы». Зима распространяет холод в воде, в земле и на деревьях». Тогда Ормузд создал Soghdo, «изобильное стадами, второе жилище первого человека».

В другом конце арийского мира нашли подобную легенду. Мифические песни скандинавов указывают горное поселение, через которое проходит, как выше, ледниковый период. Картину его поэт изображает следующим образом: «Мир мрака

на севере, там вытекает 12 рек, которые катят жестокую отраву. Пар, который выделяет отрава, сгущается в изморозь и воды замерзают. Мир огня на юге, там брызжут искры, которые встречают лед и растопляют его».

С первого раза кажется странным и даже невероятным, чтобы неолитический человек мог знать, что ледниковый период был явлением временным, которому предшествовал другой более теплый период. Если, как полагают, ледниковый период продолжался 160 тысяч лет и в начале его человек был животным, не обладавшим еще членораздельной речью, то какие же предания могли сохранится от начала этого периода?

Но это странно только с точки зрения теории постепенного развития, которая убеждена, что человек неолитического века был жалким дикарем.

Если думать, что это было существо гениальное, мыслящее и наблюдающее природу, то ему не трудно было по остаткам ледникового периода, в его времена еще более свежим и многочисленным, воссоздать в своем уме прошедшее довольно близко к действительности, как делаем это и мы в настоящее время. Ведь не удивляемся же мы, что автор Пятикнижия Моисеева или те люди, от которых до него дошли предания, передали нам порядок сотворения мира очень близко к тому, к которому в наше время пришли геологи изучением земной коры. А между тем, откуда же эти люди могли знать о порядке происхождения животного и растительного мира, как не из непосредственного наблюдения природы?

Сюда же относится очень интересное сведение, что теория Ламарка происхождения видов, или, по крайней мере, ее главная идея, также была известна неолитическому человеку, судя по широкому распространению верования о происхождении человека от обезьяны.

По этой легенде, человек произошел от пары обезьян, у которых от перемены пищи (так же, как учил Ламарк) изменились внутренности, органы и кожа; волосы на теле выпали, руки укоротились, хвосты исчезли и обезьяны получили дар слова.

Даже о нашем, сравнительно очень недавнем, открытии о существовании мира бактерий, первобытный человек, если и не имел такого точного понятия, как мы, то догадывался в общих чертах. Так, по верованию огромной массы современных народов, «нечистая сила», подобно бактериям, распространена повсюду. По верованию месхов она попадает в организм человека через рот, а по верованию закавказских татар, вся вселенная наполнена «злыми духами». Они находятся в каждом углу дома, в каждой щели, в колодцах, в реках, в озерах, в лесу, в дуплах деревьев и внутри животных. Нечистая сила всегда окружает людей и даже норовит лезть им в уши, в рот, в нос. Злые духи посылают людям разные болезни и несчастия. По верованию камчадалов, они живут в воздухе, входят в рот, поселяются там и производят болезни. Если бы современная теория бактерий попала в народ, а интеллигенция почему-либо исчезла, то наше простонародье не могло бы иначе передать эту теорию. Доказательством того, что бактерии не только были известны нашим доисторическим предкам, но что знакомство с ними применялось даже к лечению болезней, видно из того, что «знахари некоторых некультурных народов знакомы с ослаблением действия заразного яда посредством прививок. Бушмены

лечатся таким образом от укушения змей и скорпионов».

Что касается европейской медицины, то многие из средств, ею практикуемых, берут свое начало в глубокой доисторической древности. Так, у нашего русского простонародья известны сухие банки, а негры знают кроме того и кровососные. Клистирная трубка известна у американских индейцев племени дакота и у негров Западной Африки. Знахари некоторых диких народов удачно производят некоторые серьезные операции, как овариотомию (австралийцы), лапаротомию и кесарево сечение (угандийские негры). Трепанация черепа, известная в Европе еще в четвертичную эпоху, употребляется до сих пор у негров, персов и новогебридцев для излечения нервных болезней и падучей. Далее, горячая баня, которая теперь начинает сильно распространятся в Европе как лекарственное средство, существует не только у великороссийского простонародья, но на Кавказе, в Азии, в Америке и в Полинезии. Кумыс и кефир, известные с незапамятных времен у среднеазиатских и кавказских народов, приняты у нас теперь как хорошие лечебные средства. Я уже не говорю об огромном количестве средств, принятых нашей фармакологией, которые взяты от народа, а этим последним сохраняются из глубочайшей доисторической древности.

Наконец, если ко всему сказанному прибавить многочисленные астрономические сведения, на которых построен календарь и метеорологические приметы, которые сходятся с данными, добытыми европейской наукой, то видно, что мысль древнего человека проникала весьма глубоко во все области человеческого знания. Приписывать же все это дикарю с его полной неспособностью не только наблюдать или обобщать, но даже просто о чем нибудь думать, это значит совершенно не знать дикаря или игнорировать те сведения о его умственных способностях, которые собраны этнографической литературой.

Но яснее всего о гениальности древнего человека, об его решительности, бесстрашии и необыкновенной силе воли свидетельствует расселение человечества в доисторические времена почти по всем отдаленнейшим океаническим островам. Объяснение этого факта случайными заносами несчастных дикарей в их челноках-душегубках не может допустить никакая логика.

Спрашивается, каким образом первобытный человек мог переплыть океаны, чтобы населить все материки, архипелаги и острова?

Вопрос этот тесно связан с вопросом о том, каков был сам первобытный человек во время его расселения? Если он был таким, как представляет его себе теория постепенного развития, т.е. подобным современным дикарям или даже еще ниже, то тогда действительно очень трудно представить себе, каким образом это жалкое, глупое, трусливое существо, которому малейшая отвлеченная мысль причиняет нестерпимую головную боль, могло решиться на такую опасную, полную неизвестности поездку, над которой даже и недюжинный человек, не располагающий хорошим кораблем, призадумается? Достаточно припомнить рассказы о том, как собирался переплыть Атлантический океан Христофор Колумб, чтобы понять полную невозможность подобных подвигов для первобытного дикаря.

Остается предположить, что все люди, попавшие на острова, занесены были туда случайно ветром или течением на каких нибудь досках или бревнах. Но тоща становится непонятным, почему не расселились таким же образом и все животные? Почему, например, как было сообщено выше, в Австралию не попало ни одно из высших млекопитающих, а в Америку человекообразные обезьяны. Почему даже такое ничтожное водное пространство, как пролив, разделяющий Мадагаскар от Африки, оказался совершенно недоступным для многих видов? Разве они не могли так же, как и люди, случайно заноситься туда на досках и бревнах?

Другое дело, если переселившийся на океанические острова был человек умный, хотя не имеющий еще в своем распоряжении открытий и усовершенствований современной техники и притом храбрый, бесстрашный и решительный, для которого не существовало никаких препятствий, если он что-нибудь задумал.

Судя по тому, что не только в Австралии и на островах Тихого океана, но даже и в Америке, отделенной от Старого Света узким Беринговым проливом, европейцы не нашли ни лошади, ни крупного рогатого скота, можно думать, что суда, на которых первобытный человек переплывал океаны, не были большими кораблями. Но с другой стороны, это не были и маленькие челноки-душегубки, потому что повсюду на островах Тихого океана была домашняя свинья, а на австралийском материке – собака, которые не могли туда попасть иначе, как при помощи человека. Можно думать поэтому, что в плаванье пускались на байдарках, подобных тем, которые существуют у туземцев Полинезии.

3. ПОЯВЛЕНИЕ В ЕВРОПЕ КОРОТКОГОЛОВОЙ РАСЫ

Общность между каменными орудиями всех частей света. Короткоголовая раса – питекантроп. Смешение ее с расой длинноголовой. Начало рабства. Экскурсии белого дилювиального человека в Азию и Африку.

Что же происходило в остальном мире в то время, когда в Европе формировался белый дилювиальный человек?

Мы уже говорили ранее, что Азия во время дилювиального периода не имела таких исключительных природных условий, как Европа. А потому не было и препятствий для эмиграции тамошнего петикантропа на время дилювиальных холодов в более южные широты, вплоть до экватора. Следовательно, он не испытывал тяжкой участи своего европейского собрата и потому не подвергся не только естественному отбору, но даже необходимости переменить растительную пищу на животную. Дилювиальный период прошел для него бесследно: он не выработал себе ни каменных орудий, ни более прямого лицевого угла, ни ума европейского человека, ни его членораздельной речи, словом, остался таким же, как был. Тоже самое относится и к африканскому питекантропу. Что касается северной Америки, то мы уже говорили, что туда питекантроп даже и проникнуть не мог вследствие существования Берингова пролива. А если бы и попал, то ничто не препятствовало ему при наступлении ледника удалиться через Панамский перешеек в Южную Америку.

Итак, теоретически рассуждая, нет никакой надежды откопать в почве других частей света что-либо подобное тем археологическим находкам, которые были сделаны в Европе. Очевидно, что европейский палеолитический век есть нечто оригинальное и единственное в своем роде. В доказательство можно бы было повторить вышеприведенные слова д-ра Вильсера, что кроме Европы единственная находка ископаемых человеческих костей была сделана в Бразилии да и то более нового происхождения. В таком же духе говорит и Ранке: «Если не считать некоторых, во всяком случае, скудных остатков, открытых в передней Азии и Индии, затем некоторых открытий в Америке, еще не вполне выясненных с научной стороны, то следы дилювиального человека вне Европы еще не доказаны».

Следы каменного века открыты в настоящее время повсюду или в виде каменных орудий, найденных европейскими путешественниками в употреблении у туземцев, или же в виде верований, сохранившихся от древних времен, в которых фигурируют каменные орудия. В одних местах им воздавалось религиозное почитание, в других с ними связывались различные суеверия. Одни верили, что «каменные орудия упали с неба», другие, что «ими пользовались прежние *более крупные и сильные люди*» и т.п. Археологи, сличая европейские каменные орудия с таковыми же из других частей света, находили или, что эти последние «*сходны* по форме и по материалу с европейскими», или, что «их главные формы повсюду

поразительно одинаковы», или, наконец, что «каменные наконечники стрел, привезенные из самых отдаленных концов земли, *почти тождественны* между собою». Фон Котта замечает: «Каменные породы, употреблявшиеся на приготовление разных орудий и утвари, и те формы, которые были им придаваемы, обнаруживают в весьма различных между собою местностях и из различных эпох некоторое *общее*, за немногими несущественными местными изменениями, *сходство*, которое как бы указано было природою».

По словам Гелльвальда, «у всех народов (кроме европейских) высшее культурное развитие имеет в основе, по-видимому *неолитическую стадию*».

Эти данные говорят: 1) что каменные орудия всего мира могли иметь один общий источник и 2) что везде, кроме Европы, они находились в отполированном виде. Следовательно, ничто не мешает нам предположить, что век палеолитический, т.е. век неполированных каменных орудий и, связанную с ним эпоху развития, пережил только европеец, а затем в веке неолитическом он же разнес свое изобретение по всему земному шару.

Мы видели раньше, что Де Мортилье считал обладателя неолитической культуры пришельцем в Европе, вытеснившим своего предшественника, человека палеолитического. По-видимому, этого ученого поразило одновременное совпадение трех, замеченных им фактов: 1) что во время гитауса древняя длинноголовая европейская раса почти исчезла, 2) что тогда же появилась новая раса, прежде невиданная в Европе, короткоголовая и 3) что вместе с тем явилась новая культура, неолитическая, мало похожая на древнюю. Эти странные совпадения дали повод и другим археологам согласиться с мнением Де Мортилье. Но из всего вышеприведенного вытекает, что человек мог выработаться только при исключительных условиях ледникового периода и только в Европе. А в таком случае кроме белого дилювиального длинноголового человека в неолитическом веке на всем земном шаре никаких других человеческих рас еще не существовало, а были только африканские и азиатские питекантропы. Следовательно, короткоголовые пришельцы, появившиеся в Европе в неолитическом веке, были никто иные, как питекантропы.

Существа эти, как видно из вышеизложенного, не могли ни завоевать белого человека, ни вытеснить его, как не могли бы это сделать с нами в настоящее время обезьяны. Но при таких условиях было бы невероятно, чтобы эти мирные плодоядные животные могли по своей воле передвинуться в Европу, страну относительно холодную, лишенную деревьев, и притом населенную белыми делювиальными людьми, этими охотниками-специалистами, которые не брезговали никакой животной пищей. Что заставило их двигаться в пасть самого ужасного хищника на всем земном шаре?

Дело оказывается очень простым, если принять в расчет нижеследующие факты, которые или не были известны де Мортилье, или не приняты были им во внимание: 1) длинноголовая раса исчезла в Европе не сразу, а долго еще жила в неолитическом веке и только постепенно видоизменилась, заменившись короткоголовой и то лишь в некоторых местностях. 2) во Франции, Бельгии и Италии строители дольменов были сначала длинноголовые, потом – среднеголовые

и под конец исключительно короткоголовые. 3) длинноголовая раса была высокоросла с прямым лицевым углом в противоположность короткоголовой – низкорослой с менее объемистым черепом и с прогнатическим строением лица. Следовательно, длинноголовцы того времени почти настолько же были выше короткоголовцев, как современный европеец – выше обезьян.

Из этих фактов видно во-первых, что короткоголовая раса много ниже европейской в умственном отношении и, следовательно, ни в каком случае не могла ее завоевать, во-вторых, что длинноголовцы не ушли из Европы, а постепенно смешались с пришельцами образовав современную европейскую среднегодовую расу.

Отсюда положение дел представляется следующим образом:

Когда в конце ледникового периода льды начали отступать к северу, то пространство земли, удобной для жизни, расширилось, а вместе с тем должно было установиться сухопутное сообщение европейского материка с азиатским. Европейцы, как охотники, в погоне за дичью разошлись по всей Европе, а часть их могла доходить даже и до Азии. Так как в это время наши предки стали уже предусмотрительны, то нетрудно им было сообразить, что, живя только одной охотой, они неминуемо истощат запас своей дичи и затем принуждены будут голодать. Это заставило их приручать к себе животных, чтобы иметь постоянный запас мяса. А так как для скота в зимнее время нужно было иметь запас растительного корма, то приходилось собирать запасы злаковых растений, необходимой принадлежности степи, которой была покрыта тогдашняя Европа. Впоследствии это привело людей к мысли культивировать злаки и положить таким образом начало земледелию.

Если человек делал экскурсии в Азию, то там в числе животных ему должны были встретиться и короткоголовые азиатские питекантропы, которых наши предки конечно пытались приручить.

Ляпуж, рассматривая условия тех местностей Европы, где черепа короткоголовых попадаются в наибольших количествах в раскопках, а затем принимая в расчет, что таких находок было очень много, обратил внимание на ту безумную роскошь, с которой совершались похороны обладателей дольменов. Он пришел к заключению, что похороны эти устраивались только королям и начальникам и производились руками короткоголовых рабов, которые могли быть доставлены сюда издалека путем торговли. «Таким образом, – говорит он, – длинноголовые той эпохи осуществили идею Клеменса Руайе, предлагавшего приручить обезьян. Они имели элемент, которого недостает нам, – человека в состоянии животного».Тот факт, что первобытная длинноголовая раса постепенно исчезла в Европе и заменилась среднегодовой после того, как туда прибыла короткоголовая, указывает ясно, что приручение питекантропов закончилось смешением с ними и падением гениального неолитического длинноголовца, а следовательно мы, современные люди, являемся результатом этой помеси. Смешение, раз начавшееся в Европе, могло позже продолжаться в Азии и Африке европейскими колонистами, а отсюда понятно загадочное исчезновение с лица земли как белого дилювиального человека, так и целого класса животных

питекантропов.

Вероятность такого события доказывается множеством фактов, которые будут изложены в последующих главах, теперь же приведем несколько таких доказательств, наиболее бросающихся в глаза:

1). Верхи и низы современного человечества даже и в настоящее время так далеки друг от друга по наружности, по характеру, по уму, как два очень близкие вида, один плотоядный, другой – растительноядный.

2). Факт непонятного исчезновения с лица земли питекантропов, на существование которых указывают как теоретические соображения, так и кости найденного в Европе и на Яве ископаемого питекантропа.

3). Предания многих народов о происхождении их от смеси человека с обезьянами или с другими животными (см. ниже).

4). Свидетельство Священного Писания о грехопадении первого человека, виновницей которого выставляется женщина.

И, наконец, 5) Рассмотрение существующего у человечества социального строя, основанного на неравенстве людей, чрезвычайно легко объясняющегося с точки зрения нашей теории.

Конечно, вопрос о том, при каких условиях совершилось смешение белого дилювиального человека с питекантропом очень труден для разрешения. Может быть причиной смешения был недостаток женщин, а может быть и что-нибудь другое. Но во всяком случае здесь не было ничего экстраординарного, а напротив, был только исполнен закон природы, общий для всего животного царства.

Как мы уже говорили выше, различные виды животных попадали в Европу перед ледниковыми периодами и подвергались там изменениям под влиянием борьбы за существование. Но мог ли хоть один из них переселиться туда целиком, до последнего экземпляра? Конечно нет, или только в виде очень редкого исключения, потому что никто его в Европу не загонял. Следовательно, при начале ледникового периода каждый или почти каждый вид делился на две части: одна попадала в Европу и подвергалась там усовершенствованию естественным отбором, а другая оставалась в Азии или Африке без изменения. Но теряли ли обе половины одного и того же вида стремление и способность к скрещиванию между собою когда они снова встречались по окончании ледникового периода? Я думаю, что нет, потому что подбор только в редких случаях мог резко изменять половую систему животных.

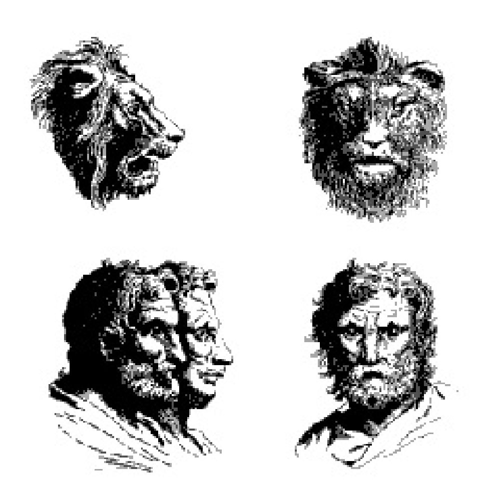
Следовательно, в условиях при которых совершалось усовершенствование каждого вида, уже лежал залог его будущего несовершенства. Он должен был рано или поздно скреститься с другой своей несовершенной половиной и при этом, во-первых, утратить часть своих полезных приобретений, а во-вторых, потрясти организм своих потомков процессом смешения. Позже мы увидим, что следы этого явления сохранились у большей части видов животного царства.

Свидетельствует ли это обстоятельство о беспорядке в природе, и об отсутствии в мире закона прогресса?

Нисколько. Это только один неизбежный шаг на том длинном пути, по которому природа неуклонно и неустанно ведет все живущее к усовершенствованию.

На самок питекантропа, сделавшихся женами белого человека, и на их детей этот последний вначале не мог конечно иначе смотреть как на одну из пород своих домашних животных, которых можно было, смотря по надобности, или съесть или приспособить к какой-нибудь работе или променять на что-нибудь соседям. Вот здесь-то и было положено основание рабству, которое нас теперь так возмущает. В самом начале оно не имело в себе ничего возмутительного и только впоследствии стало таковым, когда человечество сильнее перемешалось и различие между рабами и господами уменьшилось. Через несколько поколений белая раса пала, а бывшие рабы от примеси благородной крови постепенно сравнивались со своими господами. В конце концов выработалось современное человечество, как ублюдок древних видов. Вот где была причина изменения человека в худшую сторону. Вот почему емкость черепа современного человека стоит ниже емкости первобытного, неолитического.

Очень естественно, что среднегодовая раса, которая явилась результатом смешения, и в физическом и в умственном отношении была средней между расами первоначальными. «Там, – говорит Гелльвальд, – где высокостоящая раса скрещивается с низшей, возникает, правда, продукт, занимающий середину между обеими, но если низшая раса при этом выигрывает, облагораживается, то высшая теряет, понижает уровень развития. Природа – величайшая аристократка, всякий проступок против чистоты крови жестоко карается ею».

По-видимому, кроме сухопутных экспедиций, из которых привозились в Европу короткоголовые азиатские питекантропы, белые предпринимали и морские, в Африку. В пещерах Франции, относящихся к позднейшему (маделенскому) периоду неолитического века, было найдено несколько фигурок из слоновой кости, изображавших исключительно женщин с значительным развитием волосяного покрова по всему телу, длинными висячими грудями, объемистым отвислым животом и так называемой «стеатопигией» (чрезмерное развитие жира в ягодичной области).

Черты этих фигурок очень напоминают женщин бушменов, готтентотов, кафров

и карликовых народов внутренней Африки.

По словам путешественников, все тело африканских карликовых народов покрыто прямыми, хотя и свалявшимися, волосами, живот большой и отвислый. Длинными и отвислыми грудями отличаются преимущественно женщины бушменов, готтентотов и кафров. Что касается «стеатопигии», то, повидимому, это чрезвычайно характерная черта африканских рас, отличающая их от остального человечества. Она замечается в самой сильной степени у женщин готтентотов, бушменов, намаков, кафров, боргосов, туземцев Сомали и пр. Кроме того, следы стеатопигии наблюдаются у народов Северной Африки и Южной Европы. Она есть в настоящее время у берберов, в отдаленную эпоху существовала в Египте, а в Южной Европе во времена Рима, как видно из рисунков, найденных в Помпее, считалась признаком женской красоты.

Пока еще нельзя определить с достовереностью, когда именно белые люди стали выселяться из Европы, но, по-видимому, главная масса их держалась своей родины очень долго, вероятно до тех пор, пока не стало в ней тесно. В окончательном же результате вся земля населилась смешанными расами, у которых тем более в жилах крови белого дилювиального человека, чем они ближе к Европе, что и доказывается, как мы увидим, антропологическими данными.

Переселение, по всей вероятности, совершилось еще в каменном веке, так как каменные орудия найдены были путешественниками почти повсюду, а в некоторых местах сохранились и до настоящего времени. «Употребление металла, – говорит фон Котта, – началось очевидно только со времени отделения одних племен от других. Если бы металлы были коротко знакомы первым обитателям земли, то перешли бы конечно, ко всем их потомкам».

4. ЧЕЛОВЕЧЕСТВО – ВИД ГИБРИДНЫЙ

Полигенисты и моногенисты. Препятствия для классификации человечества. Несостоятельность попыток классифицирования человечества на расы. Различия между видовыми признаками животных и человека. Необходимость допустить, что человечество – вид гибридный

Мы пришли к заключению, что человечество составилось из смеси двух видов. Но посмотрим, не впали ли мы таким образом в противоречие с теми данными о человеке, которые уже выработала наука?

Вопрос о том, принадлежит ли человечество к одному или ко многим видам, оказывается одним из самых труднейших для науки и еще не решен окончательно до настоящего времени. В отношении его ученые поделились на два лагеря. Французская школа, с Брока во главе, держится полигенетического взгляда на происхождение человека, т.е. признает главные из человеческих рас видами. Немецкие же и английские школы – моногенисты, признающие единство человека и относящие человеческий род к одному виду, происшедшему из одного центра, человеческие расы – только его разновидности.

Уже одно это несогласие между учеными указывает, что человечество представляет собою нечто отличное от всего остального животного царства. А так как ни одна из спорящих сторон не может окончательно опровергнуть другую, то это значит, что каждая имеет достаточно фактов на своей стороне.

Из самого факта существования полигенистов следует, что человечество распадается на несколько групп настолько удаленных одна от другой, что их можно принять за отдельные виды.

Однако, не смотря на несомненные и крупные расовые отличия в человечестве, поделить его на виды все-таки не так легко, как это может показаться с первого раза. Для этого существуют очень серьезные препятствия:

1). Изменения типов внутри одного народа или расы так же велики, как и во всем человечестве. «Между личностями одной и той же расы существует огромное различие в отношениях и размерах различных частей тела, в длине ног, в форме черепа, в устройстве зубов и мускулов, в направлении главных артерий, в умственных способностях и т.д.». Цивилизованные нации представляют большее разнообразие, чем члены диких народов. Однако однообразие диких народов было часто преувеличено. Так, например, американские племена весьма различны по цвету кожи и характеру волос, между африканскими неграми встречается также легкое различие в цвете кожи и весьма большое в чертах лица. То же можно сказать и о всех других особенностях. «Относительно индейцев одного южноамериканского племени м-р Батес замечает: «Между ними нет двух совершенно сходных по форме голов: у одного лицо овальное и черты правильные, другой же совершенный монгол по ширине выдающихся скул, форме ноздрей и наклонному положению глаз».

«Мы не знаем страны в Европе, – пишет Ранке, – где среди значительного числа

людей встречалась бы только одна типическая форма черепа. То же самое показали измерения в других частях света. Так, черепа африканских и тихо-океанских народов, казавшиеся раньше исключительно типическими, разбились на множество разнообразных форм. В Австралии и среди чернокожих Африки найдены наряду с длинноголовыми, средне- и короткоголовые, наряду с короткими и широкими, длинные и узкие лица. Формы черепа, находимые в Европе, мы встречаем в их главных чертах по всей земле». Нигде на земле несмешанное по форме черепа население не занимает больших пространств. Лишь в очень немногих местностях главная форма черепа преобладает.

2). Все расовые признаки странно между собою перемешаны. Одинаковые формы встречаются у самых отдаленных народов, между которыми лишь самое смелое воображение может найти следы какого бы то ни было родства. С другой стороны, значительно разнящиеся черты мы находим у таких народов, между которыми не можем отрицать внутренней связи. Нет ни одного признака, который свойствен был бы одной какой-либо нации исключительно.

3). Все расовые признаки встречаются нам в бесконечных переходах и переливах. Все они соединены между собою промежуточными звеньями, выработанными в такой полной форме, что общая картина телесных отличий является нам как бы замкнутым кругом развития, среди которого единичная форма различается только благодаря пограничным линиям, искусственно проведенным.

Повсюду можно проследить постепенные переходы от длинноголовых к короткоголовым и от коротко- и широколицых, косозубых до длинно- и узколицых и прямозубых. Всюду наблюдается смешение различных форм черепа или в виде чистых типических экземпляров или промежуточных форм.

4). Рядом с крайним разнообразием отличительных расовых признаков замечаются многочисленные черты международного сходства. «Во время моего пребывания на корабле «Бигл» вместе с туземцами Огненной Земли, – читаем мы у Дарвина, – меня постоянно поражали многочисленные мелкие черты характера, показывавшие близкое родство между умами этих людей и нашими; тоже самое повторилось относительно чистокровного негра, с которым мне случилось однажды сблизиться. Даже самые несходные из человеческих рас более похожи друг на друга по внешнему виду, чем можно было ожидать на первый взгляд, так негритянские племена, за исключением некоторых, имеют черты кавказского племени. Хорошим доказательством этому могут служить французские фотографические портреты в антропологической коллекции музея, снятые с представителей различных рас, большинство их могли бы быть приняты за портреты европейцев».

Все перечисленные препятствия делают классификацию человечества на группы, называемые видами, совершенно невозможной. Этот факт как нельзя лучше иллюстрируется тем поразительным разнообразием мнений, к которому свелись попытки разных ученых определить число человеческих рас. Их не мешает здесь привести как удивительный курьез:

Человеческих рас: *одна* (Верт, Лунд), *две* (Вирей, Мецлан, Мейнерс), *три* (Кювье, Жакино, Топинар, Брадлей, Гобино, Бюшинг, Далль, Клаус, Смит, Латам, Брока, Катрфаж, Лидекер), *четыре* (Линней, Кант, Циммерман, Лейбниц, Гексли, Карус, Ретциус, Кин, Бернье, Жофруа С. Илер), *пять* (Блюменбах, д'Омалиус – д'Аллуа, Окен, Гольдфус, Велькер), *шесть* (Бюффон, Дюмериль, Лессон), *семь* (Гентер, Причард, Флоуер, Нешель), *восемь* (Агасси, Мори), *одиннадцать* (Пикеринг), *двенадцать* (Ф. Миллер, Геккель, Герлянд), *тринадцать* (Деникер), *пятнадцать* (Бори де С. Венсен), *шестнадцать* (Дюмулен, Мальте-Брюн), *восемнадцать* (Колльман), *двадцать две* (Мортон), *шестьдесят* (Крауфорд), *шестьдесят три* (Берк), *сто пятьдесят* (Глиддон). Наконец, американская школа допускает столько видов человечества, сколько возможно вообще установить народных типов.

«Эти колебания, – говорит проф. Петри, – от одной расы или вида до 150 или даже до неопределенного числа, производят удручающее впечатление; они беспощадно свидетельствуют о том, что наука в данном случае *не имеет твердой почвы под ногами*.

И вот естественные препятствия, мешающие разделить человечество на определенное число видов, заставили школу моногенистов признать «единство человеческого рода» т.е. принадлежность всего человечества к одному виду.

Это учение основывается на следующих признаках, которые в то же время считаются характерными для всякого зоологического вида: 1) плодовитость между всеми человеческими расами при их скрещивании; 2) сходство в строении тела у всех людей и в их духовной деятельности; 3) непрерывный ряд промежуточных последовательных ступеней между всеми разновидностями человека; 4) невозможность по какой-либо человеческой кости определить вид, которому она принадлежит.

Но здесь встречаются новые препятствия: «Животные, принадлежащие к одному виду несмотря на их индивидуальные различия, легко могут быть сгруппированы около известного типа е точно установленными признаками. Среди них мы всегда находим таких которые близко подходят к типу своего вида. У человека этого нет. Его различия физические и психические так велики, что не дают ни малейшей возможности установить какой-либо общий видовой тип». Существенное отличие человека от животных заключается в том, что изменчивость его организма колеблется в значительно более широких пределах нежели у животных. «Различие между англичанином и негром Золотого Берега, – говорил Ахелис, – так же велико, как между бурым медведем с его круглым лбом и белым с его светлой шубой и длинным плоским черепом». В психическом отношении, как мы увидим ниже, различия между крайними пределами человечества так же велики, как между млекопитающими хищниками и их растительноядными жертвами, как между львом или тигром и бараном.

Из всего приведенного видно, что наша теория имеет право на существование, так как вопрос о классификации человечества еще не решен наукой. Далее теории полигенистов и моногенистов одновременно существовать не могут, как потому, что они исключают друг друга, так и потому, что истина может быть только одна. Каждая из этих теорий, взятая в отдельности, также не имеют права на существование, так как она обладает только частью истины и каждая имеет факты, ею необъясненные. Чтобы найти истину, не остается ничего более, как взять от каждой теории только то, что в ней неопровержимо, а остальное отбросить. Но если мы это сделаем, то получается, что *«человечество составляет один вид, но вид особенный, какого нет во всем остальном животном царстве. Особенность его заключается в том, что он распадается на множество групп, которые при общем сходстве обладают отличиями, принимаемыми в остальном животном царстве за видовые»*. Но какой же это вид?

Очевидно – гибридный, потому что он и только он один удовлетворяет всем требуемым условиям. Он – единый, потому, что сколько бы видов питекантропа ни вошло в смесь, их потомки все связаны между собою общей им всем кровью белого дилювиального человека. Он состоит из множества групп, или пород, в которые вошли всевозможные комбинации чистокровных видов, то приближающиеся к белому человеку, то он него удаляющиеся. Самые крайние группы вида резко различаются между собою, потому что в одних преобладают черты белого человека,

в других – питекантропа.

Следовательно, данные антропологии не только не отрицают наше положение, но прямо подтверждают, что человечество – вид гибридный.

5. ВОЗМОЖНА ЛИ ПЛОДОВИТАЯ ПОМЕСЬ МЕЖДУ БЕЛЫМ ЧЕЛОВЕКОМ И ПИТЕКАНТРОПОМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЗАКОНОВ СКРЕЩИВАНИЯ?

Что мы знаем о законах скрещивания. Наша теория не встречает с этой стороны никакого препятствия.

Выше мы привели одно из доказательств, при помощи которого моногенисты пытаются установить принадлежность всего человечества к одному виду: они ссылаются на полную плодовитость между всеми человеческими расами. Но если бы действительно вполне плодовитое потомство могло давать только пары одного и того же вида, то, на наш взгляд, смешение белого дилювиального человека с питекантропом подверглось бы сильному сомнению. Выходило бы или: что белый человек принадлежал к одному виду с питекантропом, или что он не мог с ним смешаться, как один из самых ненадежных признаков для того, чтобы судить о принадлежности живых существ к одному виду. «У наших домашних животных, – говорит Дарвин, – различные породы при взаимном скрещивании совершенно плодовиты, а между тем они произошли от двух или более видов… Мы должны или отказаться от веры во всеобщее бесплодие видов при скрещивании, или смотреть на бесплодие у животных не как на признак неизгладимый, а как на такой, который может быть устранен приручением»… «Избежать того заключения, что некоторые виды вполне плодородны при скрещивании, мы можем только тем, что станем называть разновидностями (а не видами) все формы, вполне плодовитые между собой».

Но еще яснее обрисуется перед нами этот разряд явлений, если мы познакомимся с тем, что собрал о скрещивании или гибридизме у животных известный французский антрополог Брока.

«Животные, – говорит этот автор, – ищут в любви обыкновенно себе подобных, в границах своего вида, но иногда, под давлением сильного полового чувства, спариваются с животными других видов, в особенности близких с ними зоологически. В этом отношении самцы вообще менее колеблются в выборе, чем самки. До какого зоологического предела простирается возможность подобных связей, еще в точности неизвестно, но наблюдения доказывают, что спаривание случается иногда между очень отдаленными видами». Автор приводит целый ряд случаев, по его словам, вполне достоверных, наблюдавшихся известными естествоиспытателями, когда спаривались между собою такие отдаленные виды как бык и лошадь, собака и свинья, собака и гусь, кролик и курица, утка и петух, кошка и крыса, попугай и канарейка и т.д. Что и сам венец творения, человек, не избег такого рода противоестественных сношений, доказывается запрещением, наложенным на них в Библии. Связи между очень отдаленными видами остаются, разумеется, в большинстве случаев бесплодными, но дальность вида не всегда служит препятствием к плодовитости потомства. Так, козы и овцы значительно дальше отстоят друг от друга в системе зоологического родства, чем лошадь и осел, а между тем из сравнения полной плодовитости ублюдков от первых с бесплодием потомства у последних можно заключить, что степень близости между видами не может служить мерилом плодовитости гибридов. Для того, чтобы предсказать, будет ли потомство двух известных видов плодовито или нет, мы не имеем никаких научных данных и можем получить их только путем непосредственного опыта, так как *законы скрещивания в точности неизвестны*. Единственно, что можно сказать о скрещивании, это то, что гибридизм редко переступает границы между «родами».

Приблизительно такое же мнение высказал и Дарвин: «Виды, – писал он, – относящиеся к отдельным родам, скрещиваются очень редко, а относящиеся к разным семействам, никогда не скрещиваются между собою». Впрочем, параллельность эта далеко не полная, потому что множество тесно родственных видов не соединяются между собою или соединяются с большими затруднениями, тоща как другие виды, резко отличные друг от друга, скрещиваются очень легко. Трудность эта вовсе не зависит от естественного различия в сложении, а, по-видимому, исключительно от «полового сложения» скрещиваемых видов.

Таким образом утверждение наше, что современное человечество произошло от смеси белого дилювиального человека с питекантропом, не встречает препятствия с точки зрения законов предыдущего, еще пока неизвестного.

6. СЛЕДЫ БЕЛОЙ РАСЫ ЕСТЬ ВО ВСЕМ МИРЕ

Блюменбаховская классификация человека на 5 рас. Малайская и медно-красная расы отвергнуты, как смешанные. Внешние отличительные признаки трех остающихся рас. Следы в Европе признаков всех трех рас. Африка. Существование негритянского типа подвергается сомнению. Азия. Белый элемент во всех ее углах. Америка и ее белый элемент. Полинезия, Микронезия, Меланзия и Австралийский материк с той же точки зрения.

На самом деле между человеческими расами нет скачков, а существуют такие же постепенные переходы, как между нашими блондинами и шатенами, как между людьми высокого и среднего роста. А потому нет ничего удивительного, что в Европе, о которой мы привыкли думать, что она населена исключительно «белыми», у ее населения оказывается примесь желтой и черной рас, а во всех остальных частях света у цветных туземцев повсюду видны следы белой расы

Чтобы в этом убедиться, послушаем рассказы известных географов, антропологов и путешественников.

В старинных учебниках географии человечество разделялось (по Блюменбаху) на 5 главных рас: 1) *Белую* или *кавказскую*, 2) *Желтую* или *монгольскую*, 3) *Черную* или *эфиопскую*, 4) *Медно-красную* или *американскую* и 5) *Коричневую* или *малайскую*.

Но такое деление к нашему времени устарело и оставлено как несоответствующее действительности.

Прежде всего была отвергнута самостоятельность коричневой малайской расы как переходной, происшедшей от смешения белой, желтой и черной в известной пропорции. Вслед за ней такая же судьба постигла и медно-красную, американскую расу, которую немецкая и французская антропологические школы отказались считать самостоятельной на том же основании, как и малайскую, и лишь английская продолжает еще ее отстаивать. «Название *краснокожие*, – говорит Топинар, – придано американцам не столько по причине окраски их кожи, сколько по очень распространенному между ними обычаю красить себе волосы и кожу в красный цвет». В действительности они представляют разнообразные оттенки от светлого у антисенов в центральных Андах до темно-оливкового у перуанцев и черного у древних калифорнийцев. Кроме того, медно-красный или коричневый цвет кожи, который считали прежде исключительной принадлежностью американцев, очень широко распространен в Полинезии, где также встречаются тона светлые, желтые и бурые. В Африке красный и желтый цвета кожи также очень обыкновенны в особенности на юге, в центре и у источников Нила. Фульбы – цвета желтого ревенного, бишари – часто цвета красного дерева. Кроме того известно, что древние египтяне рисовались на их памятниках красными. А потому старая классификация, приписывающая красный цвет исключительно индейцам, должна быть признана

неудовлетворительной.

Следовательно, таких рас, в существовании которых уже никто не сомневается, остается только три: белая, желтая и черная. К этому числу приходило и прежде большинство ученых, начиная с Кювье и теперь приходят новейшие систематики.

Хотя антропологические признаки у всех рас сильно перемешаны, но некоторые из них все-таки считаются преобладающими или типичными у каждой из рас. Главнейшие из этих признаков я и собрал здесь в таблице для того, чтобы облегчить чтение дальнейшего, изложенного в этой главе.

Белая Желтая Черная

Рост: Большой Малый Малый

Цвет кожи: Белый Буровато-желтый Черный

Ноги: Длиннее туловища Кроче туловища Длиннее туловища

Череп: Длинноголовые ортогнаты Короткоголовые прогнаты Длинноголовые прогнаты

Волосы: Белокурые, гладкие, тонкие, шелковистые Черные, гладкие, прямые, жесткие Черные, шерстообразные, курчавые

Волосяная растит.: Густая и обильная; есть усы и борода Очень слабая Очень слабая

Глаза: Большие, открытые. Прямая глазная щель Косо поставленные. Узкая глазная щель Большие, открытые. Прямая глазная щель

Цвет глаз: Голубой Карий Черный

Брови: Высоко поставленные

Нос: Орлиный или римский, прямой Плоский, широкий, приподнятый кверху Плоский, широкий, приплюснутый

Скулы: Не выступают Выступают Выступают

Губы: Тонкие, малые Толстые, мясистые, сильно вздутые, точно вывороченные

Подбородок: Не выдается, острый Выдается вперед, круглый Отступает назад

Черты лица: Правильные, красивые, интеллигентные Зверообразные

Шея: Длинная Короткая

Европа.

Хотя мы привыкли причислять население Европы к одной белой Кавказской

расе, но оно далеко не однообразно. По Деникеру, оно разделяется на шесть белых рас, причем между их внешностью и языками нет почти никакого соответствия. Из них наиболее сходство с белой дилювиальной, длинноголовой расой сохранила, так называемая, «северная». Она отличается светлым цветом кожи, волос и глаз, очень высоким ростом и длинноголовостью. Живет она на Скандинавском полуострове, в Дании, в Англии, в Голландии, в Северной Германии, в Прибалтийских губерниях России и в Финляндии.

Помесью белой расы с желтой считается раса «восточная», подкороткоголовная с прямыми светло-желтыми или льняными волосами, с квадратным лицом, вздернутым носом и голубыми или светло-серыми глазами. Эту расу находят в Пруссии, в Силезии, в Саксонии, в Литве, в Польше и в России.

Смесь белой расы с черной называется «Иберийской» или «Среднеземноморской», она длинноголова, с черными курчавыми волосами, смуглой кожей и прямым или вздернутым носом.

Наконец, три остальные расы, живущие в Южной и Средней Европе, судя по их описанию, представляют из себя смесь всех трех рас, белой, желтой и черной в различных пропорциях. Они коротко- или среднеголовые, роста высокого или среднего, с волосами черными или каштановыми, то прямыми, то волнистыми, с глазами светло- и темно-карими или черными.

Но надо сказать, что классификация европейского населения по антропологическим признакам считается делом в высшей степени трудным и впасть в этом отношении в ошибку нет ничего легче, так как «европейские расы сильно смешанные». «Каждая этническая группа, – говорит Ранке, – есть продукт смешения и скрещивания многих рас. Нет такого племени в Европе, которое состояло бы ныне лишь из одной расы».

Африка.

В литературе очень часто называют Африку «черным материком» по цвету кожи ее жителей, но такое название, равно как и мнение, что Африка по преимуществу населена неграми, совершенно не соответствует действительности.

«Еще не так давно, – говорит Вирхов, – весь «черный материк» рассматривался в Европе как одна антропологическая единица; черная раса или негры принимались за людей одного племени. Мало помалу, однако, научаются расчленять их и определять связь между отдельными членами».

Гартман в своем сочинении о народах Африки высказывает мнение, что понятие о расовой однородности негров ложно. «Среди негров, – пишет он, – существуют такие племенные различия, что мы должны совершенно оставить обыденное мнение о негрском типе, который определяется волнистыми волосами, вздернутым носом, толстыми губами и черной кожей. Пусть подобные фигуры

рисуются на лавочных вывесках, – антропология таких типов не знает». Точно так же и Пассавант предостерегает от употребления слов: «известный негрский тип», потому что эта фраза не имеет никакого значения: «Если форма негрского черепа колеблется между крайней долихоцефальностью и начинающейся брахицефальностью, если рядом с широким и плоским носом мы видим узкий и крючковатый, если цвет кожи переходит от светло-бурого до самого черного и часто являются тона желтоватые или красноватые и если, сверх того, мы встречаем два сорта волос – то нужно отказаться от претензий установить общий негрский тип».

«Известно, – говорит Вайтц, – что вся северная часть Африки, включая и Египет, не может считаться негритянской. Жители его, берберы и копты, так же чужды неграм, как и прибывшие сюда позже арабы». Даже самая характерная черта белого человека, белокурый тип, найдена была в Тунисе, Алжире, Марокко, Сахаре и на Канарских островах. Но кроме того, белые туземцы известны на юге Африки. Вайтц указывает два центра их в Маниссе и Блидо. Происхождение этих двух народов и до сих пор темно. Одни предполагали в них потомков арабов, другие португальских золотоискателей XVI века, но ни то, ни другое еще не доказано.

Если затем от Сахары и Египта подвигаться на юг, во внутреннюю Африку, то прежде, нежели достигнем страны настоящих негров, мы должны пройти очень широкий пояс народов, которые всеми исследователями считаются переходными между черной и белой расой. Сюда относятся: абиссинцы, бежда, нубийцы, галла, массаи, вагумы, бонги и народы Борну. Такими народами населена вся нильская область от тропика Рака до экватора. Затем в Судане лежит широкий пояс соприкосновения двух небольших этнических групп хамито-семитской (белой) и негроидной. «Если мы, – говорит Ф.Ратцель, – допустим вместе с Вайтцем, что галласы, нубийцы, готтеноты, кафры, народы Конго и мадагассы (на острове Мадагаскаре) не настоящие негры, если мы также с Швейнфуртом исключим из числа их шиллуков и бонго, то мы должны будем признать, что Африка на своей периферии обитаема другими народами, а не настоящими неграми. Точно так же внутри материка, от южной его оконечности и далеко заходя за экватор, мы находим светлокожих африканцев и так называемых банту. Для негров при таком критическом отношении к ним остается полоса земли не более 10-12 градусов широты к югу от устья Сенегала к Тимбукту и оттуда до страны Сеннаар. Причем эта, значительно урезанная раса, перемешана еще со множеством представителей других рас. По Латаму настоящая страна негров простирается лишь от Сенегала до Нигера». Об остальных африканских народах говорят, что они «настолько перемешаны между собою, что о подборе настоящих негров не может быть и речи. Это было бы напрасным трудом». О внутренней Африке Швейнфурт передает, что «смешение тамошних народов беспримерно» и что «невозможно найти элементы тела, составные части которого обладают чрезвычайной подвижностью».

Что касается западных негров, между Сенегалом и Нигером, которые признаются за «настоящих», то и об их типичности мы находим в этнографической литературе отзывы весьма неблагоприятные. «Неграм западного берега, – говорит Ф. Ратцель, – гораздо дольше, чем неграм востока, «кафрам», в обширном смысле, приписывали настоящие негрские признаки. Прежде существовало стремление какую-либо часть Африки предоставить настоящим, т.е. обезьяноподобным

неграм… Но и западные африканцы давно уже не подходят на те карикатуры, какими их представляли во времена плохих этнографических изображений. Бастиан высказался почти уже 40 лет тому назад о невозможности найти условный негрский тип, что было результатом его западно-африканских исследований. Попытку установить особую западно-африканскую расу можно считать безнадежною».

Если от этих общих взглядов на черную расу мы обратились бы к описаниям африканских племен, составленных различными путешественниками, то почти у каждого народа окажутся свойства, сближающие его с белыми и отличающие от других черных. Об одном племени говорят, что у него «смягченный негрский тип»(жители Кордофана) или «негроидный» (языческие племена Дарфура, Багрими и Гаусса). О других, что у них цвет кожи не негритянский, например красно-бурый (бонго), светло-бурый (баньяны), красный и бурый (фулахи), бронзовый (ваганды), шоколадный (нямнямы и монбутто). У третьих встречаются различные оттенки кожи от самых светлых до самых темных (зулусы, кафры, баланда), или женщины светлее мужчин (туземцы над Луалабой). У пятых замечается «отклонение от негритянского типа» (овагереры, негры Западного берега) или «отсутствуют некоторые характерные признаки негров» (племя бертат). У шестых – «европейский тип лица» (кафры, балемцы). У седьмых черный цвет кожи, но «греческий профиль» (мангаджи) и т.д.

Ничего нет удивительного поэтому, что самое существование негритянского типа подвергается сомнению. Ранке говорит, что у кафров «пытаются отыскать типическое строение негра, установленное схоластически, и естественно не находят, так как подобного этнического типа вообще не существует». Исследования немецких путешественников по Африке, обладавших прекрасной анатомической подготовкой, Фритча, Гартмана, Нахтигаля, Бастиана, Фалькенштейа и многих других не могли открыть негрского типа или находили его лишь в единичных случаях.

Азия.

Известно, что вся Юго-западная Азия, включая Ост-Индию, с древнейших времен была ареною деятельности арийских и семитических, т.е. белых племен, а потому, отыскивая в Азии белый элемент, нет надобности даже и касаться этой обширной части азиатского материка. В остальной же Азии, которую мы привыкли считать населенной желтыми племенами, по словам Катрфажа, «следы смешения видны повсюду». «Если исключить, – говорит этот ученый, – собственно монголов, калмыков, якутов, несколько изолированных тюркских племен и тунгусов, то все остальные народы желтой расы представляются помесью с белыми». Однако и эта небольшая горсточка чисто желтых людей несколько поредеет, если добавить со слов Ф. Ратцеля, что у бурят, относимых обыкновенно к монголам, замечаются белокурые волосы, а волосы у калмыцких детей зачастую оказывались

каштановыми.

Делая детальный обзор народов «желтой расы», приходится исключить из числа их очень крупные народные группы, которые Катфарж прямо причисляет к белой расе. Если бы мнение этого ученого оказалось даже преувеличенным, то в примеси у этих народов белой крови сомнения быть не может. Таким образом к «белой расе» относятся и финнь (вогулы и остяки), живущие в западной Сибири, чукчи (между рекою Анадырью и Ледовитым океаном), айны, населяющие остров Иессо, часть Ниппона, Сахалин, Курильские острова и острова Лиу-Киу, и, наконец, малайцы полуострова Малакки и Зондских островов.

Тюркская ветвь монгольской расы, по словам Картфажа, «путем скрещивания приближается к белой». Сравнение черепов древних обитателей Алтая, так называемых «алтайских рудокопов», привело академика Бера к признанию «тождества их с черепами скифскими». Черепа, вырытые из некоторых могил в долине верхнего Енисея, оказались длинноголовыми, а погребальные гипсовые маски напоминают европейский тип. Тюрки Туркестана в окрестностях Кульджи, а также население Кашгари и Семиречия составляют несомненную помесь белой расы с желтой. У киргизов Туркестана и у некоторых таджиков Персии Топинар указывает «белокурый тип». Самоедов, живущих на севере Сибири, Миддендорф считает «помесью финнов (т.е. белых) с монголами».

В пределах обширной Китайской Империи присутствие белого элемента также вне всякого сомнения. Во-первых, физиономии тибетцев, напоминающие цыган, казались Пржевальскому «смесью монгольских и индийских черт». Затем в западном Китае по направлению к Тибету, у тунгусов «встречаются элементы, чуждые монгольской расе», они имеют вид «монголов смешанных с цыганами». Тоже самое можно сказать о населении Кашмира, Непала и Бутана, а также о тераях подгималайских. На юге Китая Топинар находит «белокурый тип, европейские черты лица и обильную бороду» у китайских горцев мяо-таэ и лалов. В Манджурии Клапорт, Барроу и Кастрен также нашли «белокурый европейский тип». О корейцах Катфарж сообщает, что они имеют «европейские черты лица, светлые волосы и густые бороды, напоминающие айнов». Наконец, даже и сами китайцы, кажущиеся нам наиболее типичными монголами, имеют некоторые особенности, сближающие их также с белыми. Во-первых у них в противоположность всем другим желтым, преобладает «длинноголовие», во-вторых древние китайские знаменитости – мандарины, а в том числе и Конфуций, изображаются на старинных китайских рисунках непременно с длинной и густой бородой, которая у современных китайцев почти отсутствует. «Китайский народ, – творит Деникер, – является результатом весьма сложного смешения. Уже на основании исторических документов позволительно предположить, что в состав его входят не менее пяти или шести различных элементов».

В Индо-Китае Картфаж считает жителей Лаоса «помесью желтых с индусами», а в Тонкине французские этнографы находят «белокурый тип» у народов То, Ман и Мао.

Даже в самом отдаленном северо-восточном уголке Азии, на так называемом Дальнем Востоке, не обошлось без белого элемента. Кроме чукчей, о которых уже

было упомянуто, Катрфаж считает коряков и камчадалов «помесью чукчей с желтыми», а японцев признает «сильно смешанной» расой, составившейся из «белых» айнов, «белых» малайцев, желтых и негритосов. А Бельц указывает, что высшие японские классы «приближаются к европейцам сравнительно большим ростом, стройным телосложением, орлиным носом, большим ртом и проч.». Между ними, по его словам, встречаются типы «кавказские» и «европейские».

Америка.

Об американских расах мнения антропологов почти такие же, как и об африканских. Вот, например, что пишет о них Колльман: «В Америке мы не найдем ни одного народа, ни одного племени, ни одной орды, которые бы составлялись из потомков одной и той же расы. И там также в каждой этнической целости, находим антропологическую разнородность. И там также видим смесь общин, племен и народов, но не рас. Типы социальные и этнологические затираются так, что поверхностный наблюдатель видит перед собою однородную расу. Но это – заблуждение, краниолог и антрополог укажут ему в каждой такой, якобы однородной, группе, мирно живущих рядом друг с другом представителей различных рас, которых отличительные черты не изменились многие века».

Топинар говорит об американских индейцах, что они «без сомнения происходят от бандитов, ввезенных из Европы, как бы ни была отдалена эпоха, к которой относят этот ввоз и какова бы ни была причина, приведшая их сюда». Предание такого рода существует между бороносами в чилийских Андах, у которых встречаются «голубые глаза», сопровождаемые то черными, то «светлыми или рыжими волосами», с обыкновенными чертами американских рас. Другой замечательный пример – это манданы, у которых также черные волосы, а глаза карие, «серые или голубые». Находят также «серые глаза» между атапасками, «светлые волосы» – у липанис, «цвет кожи очень светлый» между антисенами и колошами.

«Большая часть американских народов, – говорит Ш. Летурно, – очень близка к великой монгольской расе. Но надо отметить следующий любопытный факт:

американский индеец тем более приближается к монгольской расе, чем южнее живет он. Так туземцы, живущие на берегах Амазонки, являются совершенным типом желтой расы. Наоборот, индеец Северной Америки, тоже принадлежащий к монгольской расе, вместе с тем приближается некоторыми своими физическими чертами к белым расам. Мы приходим к интересному выводу: Северная Америка должно быть получила контингент иммигрантов европейского происхождения, быть может даже из бассейна Средиземного моря. Несомненно, что краснокожие Северной Америки обнаруживают все черты метисов, происшедших от смеси монголов с белыми и что некоторые разновидности их, например столь любопытное племя манданов, тяготеет даже более в сторону белой расы, чем желтой».

«Многие из северо-американских индейцев, – говорит Ф. Ратцель, – безусловно выделяются примесью чуждой крови». Отличительные черты некоторых из этих народов хиваросов, нью-фаундлендцев и гайдахов принадлежат белой расе, как-то: «большой рост, стройность, малопрогнатическое лицо, правильные черты лица, интеллигентное выражение. Тонкие губы, маленькие зубы, прямолежащие глаза, изогнутый нос, светлый цвет кожи» и пр.

Первые европейские завоеватели Америки вспоминают о существовании в их время «светло-лицых бородатых людей» в Канаде, по берегам Миссури и в Андах, а мексиканские хроники указывают на них в Центральной Америке. На типы «средиземноморской белой» расы указывают у антисенцев и караибов. Но многочисленнее всего «светло-лицые элементы» в северо-западном углу Америки.

В Центральной и Южной Америке, особенно на Юкатане, древнейшие мексиканские барельефы изображают людей «с носами еще более горбатыми, чем у семитического типа». Такой нос образует традицию стиля мексиканских и перуанских художников. Известно также, что предания Мексики и Перу представляют основателями этих двух государств пришельцев, «белых и бородатых людей».

Из числа южно-американских народов многие исследователи выделяют людей «светло-кожих, светло-бородатых, голубоглазых, великорослых», т.е. опять-таки с отличительными признаками белой расы. Сюда относятся народы: майруна, юракары (имя которых означает «белые люди»), бороносы, манданы, антисы и пр.

Об огнеземельцах Мартин выражается: «Если бы мне пришось высказаться определенно по поводу этого важного вопроса (происхождения огнеземельцев), то я остановился бы как на самой вероятной гипотезе, на первичном переселении их из Европы. Уже не раз допускали с большим или меньшим правом сходство послетретичной европейской, так называемой неандертальской, расы с первобытной американской».

Полинезия, Микронезия и Меланезия.

«Порода людей на островах Тихого океана, – говорит Ф. Ратцель, – была уже Форстером разделена на две главных группы: одну – более светлого цвета, хорошо сложенную, с сильной мускулатурой, достаточным ростом, другую – более черную, с кудрявыми, шерстистыми волосами, более худощавую и малорослую. Это полинезийцы и меланезийцы новейших этнографов. Их нельзя строго отделить друг от друга: там, где предполагались одни лишь члены последней группы, оказывались светло-кожие и прямоволосые представители и даже целые племена другой группы». Финш изображает следующим образом обитателей порта Моресби: «Здесь находятся все видоизменения от совершенно гладких до скрученных папуасских волос, кудрявые головы, между прочим, и красновато-белокурые встречаются часто, нередки и японские, и еврейские физиономии и люди с орлиными носами, напоминающие краснокожих. То же можно сказать и об окрашивании кожи». Вообще, путешественники черты лица полинезийцев называют то «европейскими», то «еврейскими», то монгольскими. Катрфаж думает, что «полинезийцы составились из смеси трех великих рас: белой, желтой и черной». Цвет их кожи, по Вайтцу, колеблется между светло и темно-бурым с оттенком в желтый или оливково-зеленый. Замечательно, что самые светлые племена живут на экваторе. Рост варьируется так необыкновенно, что это непостоянство много раз внушало наблюдателям мысль о «сильном смешении».

Из числа полинезийцев особенно выделяются самоанцы и тонганцы своим «белым цветом кожи». Они немного темнее загорелых от солнца европейцев. Тонганцев же за их красоту называют англо-саксами Южного океана. На Новой Зеландии по цвету кожи различаются даже три племени: одно – «белое или желтое», другое – бурое и третье – черное, негрообразное. Особенно «густой бородой» отличаются туземцы о-в Гекелау и Помоту.

Микронезийцы по цвету кожи «еще светлее» полинезийцев.

В Меланезии «наибольшим сходством с европейцами» отличаются каролинцы, туземцы о-ва Ротума и сикоянцы, исполинского роста «с совершенно европейскими лицами».

Что касается австралийца, которого считали больше животным, чем человеком, то Гексли прямо относит его к типу «европейских брюнетов». «Всюду, – замечает по этому поводу Ранке, – где мы ближе узнаем человека, он оказывается в тесном родстве с европейцами».

Таким образом мы видим, что на всем свете находятся следы примеси к разным цветным расам белой. К этому не мешает еще добавить, что в разных частях света между цветными расами попадаются предания, верования и обычаи, идущие из отдаленной древности, которые указывают, что кое-где сохранились даже воспоминания о тех древних временах, когда белая раса выступала сильнее, чем теперь, потому что была менее смешана с расами цветными. Так, народные имена некоторых цветных племен, как фулахи и мандинго (в Африке) и юракары (в Южной Америке) означали на местных языках – «белые люди». Собственные предания вагумов (на Ниле) и зачатки истории Уганды и Уньоро показывают, что происхождение их от *светлокожих* людей столь же постоянны в их преданиях, как и происхождение этого народа с Севера, с Северо-Востока или с Востока. В семье властителей Уньоро господствует убеждение что их предки были наполовину белыми и что вся Африка некогда принадлежала белым. Далее, между черными народами Африки, Австралии, о-ва Тасмании, о-ва Танна, Новой Гвинеи и Новой Каледонии существовало верование, судя по его широкому распространению, очень древнее, что после смерти они обратятся в белых. Поэтому туземцы Австралии некоторых белых принимали за людей умерших ранее или за своих предков.

Любопытно, что в Конго, по словам Вайтца, идолы имеют европейскую физиономию. Особенно интересен один, найденный там деревянный идол, который имеет «выдающийся нос, маленький рот, тонкие губы и хорошо сложенный лоб», т.е. несомненные признаки белой расы.

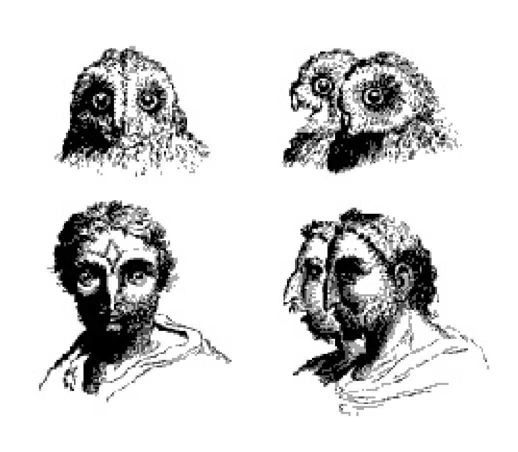
7. ФИЗИЧЕСКОЕ СЛОЖЕНИЕ И ХАРАКТЕР КРАЙНИХ ПРЕДЕЛОВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Физическое сложение низших рас. Низкий рост. Слабость и кривизна ног. Слабое развитие икр. Тяжелая, переваливающаяся походка. Длинные руки. Отвислый, выдающийся живот. Худощавость. Величина головы. *Чувства низших рас*. Равнодушие к неприятным ощущениям. Тупость пяти внешних чувств. Слабое развитие чувства любви. Слабость полового чувства. Отсутствие стыдливости. Слабость воспроизводительной способности. *Ум и характер низших рас*. Ум дремлющий. Слабая намять. Бедность языка. Отсутствие любознательности и любопытства. Отсутствие энергии, инициативы, предприимчивости. Равнодушие к религии. Консерватизм. Недоверие и подозрительность. Трусость и робость. Раболепие. Миролюбие. Стадность. Привязанность к месту.

Если современное человечество как помесь белого дилювиального человека с питекантропом занимает во всех отношениях середину между своими предками, то, изучая его крайние типы, мы получим понятие об этих предках, для чего должны только помнить, что, по условиям смешения, высший предел, до которого достигает современное человечество, должен стоять ниже дилювиального человека, а низший – выше питекантропа. С этой целью я и собрал здесь данные о физическом строении, об уме и характере высших и низших рас человечества. Начнем с характеристики их физического строения, как о нем сообщается в антропологической литературе.

Физическое строение низших рас.

Прежде всего я должен напомнить читателю, что чистых человеческих рас на земном шаре не существует, а есть только смешанные, в которых густо переплетены свойства белого дилювиального человека со свойствами питекантропа. Поэтому, найти такую расу, у которой были бы собраны все черты питекантропа, немыслимо. Такой целью я и не задаюсь, а хочу только нарисовать идеального представителя низших рас, черты которого собраны от различных племен и народов, принадлежащих к так называемым «низшим расам».

Герберт Спенсер и Вирхов обращают внимание на выдающуюся низкорослость дикарей. Первый из них дает даже длинный список диких племен, отличающихся очень низким ростом. Это свойство наружности происходит, главным образом, от коротких в сравнении с туловищем ног. Ноги дикарей, кроме короткости отличаются еще тонкостью, слабым развитием икр, кривизной и слабостью. Колени их несколько согнуты, а потому способность дикарей к передвижению страдает большими недостатками. Походка их характеризуется наблюдателями как «тяжелая, переваливающаяся, при сильном махании рук». Ходят они тихо, несколько наклонившись вперед, как будто ищут потерянное. Каждый делаемый ими шаг сопровождаегся каким-то ковылянием». По словам Швейнфурта, один из людей племени акка, служивший у него несколько месяцев, никогда не мог донести полного блюда, не расплескав его. Эта черта, по словам Герберта Спенсера, имеет отдаленную связь с тою же отличительною особенностью у обезьян. «Редко негр стоит прямо, – говорит Карл Фохт, – обыкновенно колена его несколько согнуты и часто голени искривлены наружу».

Руки дикарей, наоборот, длинны сравнительно с туловищем, что опять таки увеличивает их сходство с обезьянами.

Верхняя часть грудной клетки плоска и сильно сужена, но расширяется внизу для поддержания громадного живота. О животе низших рас пишут, что он «висячий» или «отвислый» и «чрезвычайно выдающийся». Все брюшные железы несоразмерно велики, особенно печень и придаточные почки. Эти органы «как будто постоянно страдают венным переполнением».

Дикари худощавы, плечи их угловато выступают, лопатки и ключицы сильно выдаются. Седалищные части мало выдаются, таз сильно наклонен и ноги кажутся слегка отодвинутыми назад.

Голова слишком велика относительно туловища, что дает им сходство с карликами.

По мнению анатома и путешественника Густава Фритча, «между скелетом дикаря и европейца такая же разница, как между скелетом дикого животного и приученного того же вида». «Гармоническое развитие человека, – говорит он, – возможно, среди дикарей встречается реже, чем среди нас, по-видимому, отживших культурных людей. Нормально развитой германец по отношению к пропорциям, к силе и полноте форм, стоит выше среднего человека, принадлежащего к племени

банту. Между тем как банту относятся к самым сильным и закаленным племенам Африки».

Иные из дикарей кажутся по наружности сильными и хорошо сложенными с громадным развитием мускулатуры, но динамометр показывает, и на деле они оказываются, ниже нас по своей мускульной силе или даже просто слабосильными. В длинных, утомительных путешествиях, они быстро теряют силы и устают.

Что касается других наружных признаков низших рас, как устройство головы, черты лица, строение кожи и волос, различие по полам и пр., то о них я здесь говорить не буду, так как все это рассмотрено в различных главах моего сочинения по поводу различных более или менее важных вопросов. А теперь перейду к чувствам низших рас.

Чувства низших рас.

По словам Герберта Спенсера, у низших рас «существует сравнительное равнодушие к неприятным или мучительным ощущением или, лучше сказать, ощущения эти не имеют столь острого характера. Про разных дикарей рассказывают, что самые поразительные перемены температуры не вызывают у них никакого ощущения. Они преспокойно поправляют голыми ногами горящие уголья, погружают руки в кипящее содержимое котлов и чрезвычайно равнодушны к суровостям климата. То же самое замечается и по отношению к ощущениям, вызываемым телесными повреждениями. То спокойствие, с которым они переносят самые серьезные операции, невольно заставляет нас придти к убеждению, что причиняемые им страдания должны быть гораздо меньше тех, которые были бы вызваны при тех же условиях у людей высших типов».

По тому же поводу у Карла Фохта мы находим следующее: «Относительно тонкости чувств, негры вообще, кажется, уступают людям белой расы и вовсе не соответствуют тому мнению, по которому диким народам в естественном состоянии приписываются более острые чувства. Зрение даже обыкновенно бывает тупо. Обоняние, вкус и слух не отличаются ни особенной тонкостью, ни остротой. Осязание не особенно тонко, осязательные сосочки на концах пальцев развиты гораздо менее, чем у белых, но самое поразительное явление относится к ощущению, к кажущейся, по крайней мере, нечувствительности негра к боли».

Чувство любви слабо развито у низших рас. Они удивительно холодны и равнодушны друг к другу. У многих из них не существует слов «любить», «любимый», «милый».

Половое чувство также слабее у низших рас, чем у высших. Дикари вовсе не проявляют нежности к женщинам в виде поцелуев, объятий и пр.

Способность, по выражению французов, «faire amour en tous temps», по-видимому, есть исключительная принадлежность высших рас, а у самых низших,

наоборот, существует, как у остальных животных, периодическое спаривание раз или два раза в году. Вестермарк, много занимавшийся этим вопросом, находит остатки такого порядка вещей у калифорнийских индейцев, у туземцев западной Австралии, у дравидийских племен Ост-Индии и у многих африканских племен.

Чувство стыдливости надо также признать принадлежностью высших рас, так как у многих из низших рас его совершенно нет. Еще Геродот и Страбон указывали на тамилов и кельтов Ирландии, как на людей, совершавших любовный акт публично. Из числа же современных дикарей такое явление наблюдалось у калифорнийских индейцев, алеут, эскимосов, гуякурусов в Парагвае и гоаранисов. Другие народы выказывают тоже недостаток стыдливости в полном отсутствии одежды, как бушмены, жители Андаманских островов и др. Но из сказанного однако не следует, чтобы отсутствие стыдливости имело что-либо общее с безнравственностью. Безнравственность, немыслимая без сильного полового чувства, находится в обратном отношении к полноте костюма. Вполне одетые, то есть сравнительно более высокие племена, оказываются в то же время и наиболее безнравствеными.

Ум и характер низших рас.

Ум дикаря кажется образованному человеку как бы дремлющим. Если вы предложите ему новый вопрос, вам придется повторить ему несколько раз, пока мысль дикаря не пробудится, и при этом нужно говорить как можно выразительнее, чтобы ваша мысль была понята. Внимание его крайне неустойчиво, он не может следить даже в течение очень короткого времени за самой простой мыслью. Не способный к напряжению мысли, он иногда даже не может ответить на самый простой вопрос словами «да» или «нет». Так, будучи спрошенными о названиях и расстояниях ближайших местностей, дикари никогда не дадут точного ответа. Если два раза спросить их, как далека какая-нибудь местность, то они дадут противоречащие друг другу показания. Краткий разговор утомляет их, в особенности если предложенные вопросы требуют напряжения мысли и памяти. Дикари перестают тогда слушать, физиономия принимает усталое выражение, они жалуются на головную боль и обнаруживают все признаки того, что неспособны более переносить эти усилия. Ум их кажется в это время как бы блуждающим. Они начинают лгать и говорить бессмыслицы.

Спис и Марцус рассказывают о бразильском индейце, что «едва лишь кто-нибудь начнет задавать ему вопросы об его языке, как он становится раздражительным, жалуется на головную боль и вообще обнаруживает все признаки того, что неспособен переносить это усилие», а Бетс говорит о тех же самых племенах, что «от них очень трудно добиться их понятий насчет предметов, требующих хотя немного отвлеченной мысли». Точно так же и Добрицгофер замечает о пионах, что «когда им не удастся понять чего нибудь с первого раза, они

быстро утомляются исследованиям и догадками и восклицают: что же это наконец?».

Память дикарей так слаба, что один, например, забыл имя своей жены, с которой расстался всего три дня. Другой не помнил имен своих покойных отца и матери.

Язык низших рас соответствует их умственным способностям, он состоит из незначительного числа слов, с помощью которых нельзя описать самых обыкновенных вещей, не прибегая к самым странным перифразам. Некоторые из дикарей не в состоянии усвоить себе понятия числа. Их язык совершенно лишен выражений для чисел, и они не могут сказать: «один», «два», «три», не умеют считать даже по пальцам. Есть у них слова для обозначения всех известных растений и животных, но нет слов для общих понятий, как «дерево», «рыба», «птица» и пр., а тем более нет слов для таких отвлеченных понятий, как «правда», «заблуждение», «преступление».

У низших рас отсутствует не только любознательность, но даже простое любопытство: при виде новых предметов они остаются совершенно равнодушными и не выражают никакого удивления. Новые вещи ни на минуту не приковывают их внимания. Все развлекает их как детей, но ничто не может заинтересовать.

Когда австралийцы увидали впервые европейское судно, корабль Кука и людей, так сильно отличавшихся от них, они не выказали ни малейшего удивления. На палубе корабля их более всего заинтересовали 12 черепах, пойманных моряками. Кук передает о новозеландцах, что они «кажутся совершенно довольными ничтожными знаниями, которыми обладают, нисколько не выказывая стремления улучшить их. Они и не любопытны ни в к своих расспросах, ни в наблюдениях. Новые предметы совсем не так поражают их, как это можно предположить, и часто даже ни на одну минуту не приковывают их внимания».

По словам Кука, огнеземельцы обнаруживали совершенное равнодушие в присутствии вещей, которые были вполне новы для них. Точно так же о тасманийцах Кук рассказывает, что они ничему не удивлялись. Капитан Валлис утверждает о патагонцах, что они «проявляли самое непонятное равнодушие ко всему окружающему их на корабле, даже зеркало не возбуждало в них никакого изумления, хотя очень забавляло их». Двое из веддахов «не выказали ни малейшего удивления по отношению к зеркалу». А о самоедах мы читаем у Пинкертона, что «ничто не вызывало у них удивления, кроме зеркала, да и то лишь на одно мгновение». Берчель замечает по этому поводу о бушменах: «Я показывал им зеркало, при этом они смеялись и глазели в него с тупым удивлением, что они видят свои собственные лица, но они не выразили ни малейшей любознательности по этому поводу».

В человеке низшей расы нет ни энергии, ни инициатив, ни предприимчивости, ни чувства, ни радости, ни надежды. Ничто духовное для него не существует. Все подчеркнуто мраком ночи, поэтому он бесстрастно смотрит на все явления жизни и природы и проявляет какое-то скотское равнодушие ко всему на свете за исключением еды. Настоящая минута для них все. Заглядывать в будущее они не

способны, потому что мысль о будущем – это уже отвлеченная мысль. Отсюда у низших рас нет никакой предусмотрительности. Если им повезет на охоте, то они без всякой необходимости убивают сотни животных. Утром отдают ту же вещь за бесценок, которую накануне вечером не соглашались продать ни за какую цену. Отдают запасы пищи в обмен на блестящие безделушки, а через несколько времени платят невозможные цены за свой же товар. Они повторяют это из года в год и урок прошлого не служит им на пользу.

Но если даже мысль о будущем не приходит в голову самого низшего дикаря, то у него не может быть никаких религиозных потребностей, а потому миссионеры и путешественники указывают несколько народов, у которых они не нашли никакой религии. Сюда относится несколько эскимосских племен, некоторые племена Бразилии и Парагвая, некоторые из полинезийцев, андаманцы, некоторые дикие племена Индостана и Восточной Африки, готтентоты и дикие бедуины.

Но не только самые низшие расы, а даже и несколько более высокие племена, как кафры, обнаруживают полное равнодушие к религии. Они поднимают на смех проповедников и шутят над бессмертием души. Для них смерть – лишь уничтожение, а высшее блаженство – изобильная пища.

Неподвижностью мозга у низших рас объясняется и их поразительный консерватизм, благодаря которому верования, обряды и обычаи уцелели у них в течение многих тысячелетий. Уже древние поражались консерватизмом некоторых современных им народов. Так Геродот, передавая об одном народе, писал: «По крайней мере более 2000 лет, а может быть еще гораздо дольше, эти люди живут все также, как и жили. Они и теперь настолько же богаты и бедны, как были тысячелетия тому назад. Они ничего не прибавили к тому, чем обладали в те времена. История каждого поколения была та же, что и предыдущих». «Первобытный человек, – говорит Герберт Спенсер, – консервативен до чрезвычайной степени. Даже из сравнения высших рас между собой, и из сравнения друг с другом различных классов того же самого общества, можно заметить, что наименее развитые выказывают наиболее отвращения ко всякой перемене. Какой-нибудь улучшенный метод прививается к простонародью с большим трудом и даже

всякий новый род пищи встречается обыкновенно неприязненно. Нецивилизованный человек отличается этим качеством еще в большей степени. Его более простая нервная система, теряющая ранее свою пластичность, оказывается еще менее способною подчинятся перемене. Отсюда его бессознательная и сознательная преданность тому, что уже раз установилось». «Так как это было хорошо для моего отца, то оно хорошо и для меня», – говорят все нецивилизованные люди. Ко всякой самой ничтожной перемене они выказывают отвращение и постоянно противятся всякому нововведению и улучшению в их быте. Поэтому обычаи их остаются неизменными. Жилища их так же постоянны, как гнезда птиц, каждое племя, подобно отдаленным видам птиц, имеет в этом отношении свои постоянные особенности. Одежда и покрой ее не подвергается влиянию моды до малейшей пуговицы или складки, каймы или обшивки.

Из числа прочих нравственных качеств низших рас надо упомянуть об их осторожности, недоверии, подозрительности и скрытности. Все эти свойства, конечно, отнюдь не свидетельствуют об их высоте, так как известно, что животные, плохо защищенные в борьбе за существование, как например, зайцы или овцы, наделены этими свойствами в высшей степени и без них погибли бы в борьбе за существование.

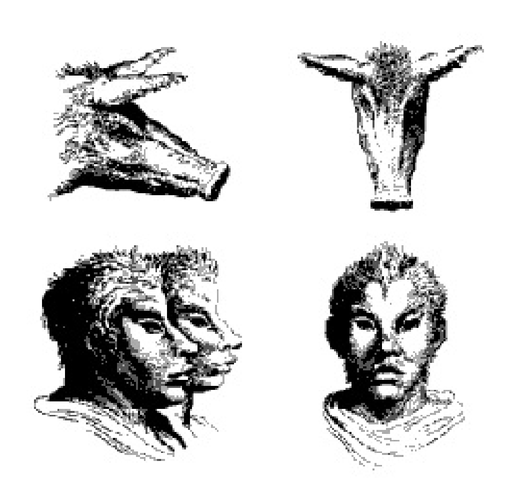
Очень близко к осторожности стоят еще два порока низших рас: трусость и робость. Вот для примера рассказ, ярко рисующий эти два порока у лопарей. Раз, один русский чиновник, объезжавший лопарские погосты по делам службы, в досаде на одного лопаря за то, что тот нечаянно опрокинул чайник, потаскал его за волосы. Лопарь ударился в слезы, а за ним и вся его семья. Перепуганный бедняк долго не мог успокоиться, воображая, что он совершил страшное преступление и, уже наказанный не в меру за свою неловкость, спрашивал сквозь слезы, что ему за то будет. Своих ближайших властей лопари боятся чуть ли не более высших, они сами говорят, что для них рассыльный – бог. И о вотяках: «Одна из выдающихся черт в характере воятков, – говорит гр. Верещагин, – необыкновенная робость. Замахнись на здешнего вотяка, ради шутки русский, и вотяк в момент встанет в тупик и чуть не задрожит».

Замечательно, что некоторые из низших рас робкие от природы, но унаследовавшие от своих отдаленных предков обычай войны и грабежа, проделывают все это, но в очень курьезном виде. По описанию миссионеров и путешественников, война между такими дикарями ведется только для того, чтобы обманывать друг друга. Сражаются они легким оружием и очень неохотно, единственно для изображения стыда вернуться домой ни с чем. Для решения победы достаточно бывает двух-трех убитых или раненых и сражение кончается. Страх одолевает этими людьми при виде крови, они, так сказать, боятся обагрить ею поле сражения, а потому тотчас же разбегаются в разные стороны, после чего наступают переговоры. Подобные же трусливые народы, занимаясь грабежом, стараются прежде всего напасть на людей таких же трусливых как они сами, проделывают это воровски, внезапно, врасплох, но при малейшем отпоре обращаются в бегство, бросая все, что могло бы их задержать.

Некоторые из низших рас кроме трусости обнаруживают рабское

подобострастие к тем, кто сурово обращается с ними и презирают тех, кто обращается с ними мягко. Они лишены всякой независимости и не только не избегают рабства, но ищут его. Раболепное почтение к высшим и страх – у них самые сильные чувства.

Дамары, по словам Дальтона, «добиваются попасть в рабство» и «следуют за господином, как болонка». Подобные явления встречаются и у других южных африканцев. Один из них говорил европейцу: «Какой же вы господин; я у вас был два года и вы меня ни разу не побили?».

Стадность обнаруживается между прочим и в страхе низших рас перед общественным мнением своего села или племени, перед неудовольствием или насмешками товарищей. Этот страх так силен, что вполне управляет поведением человека и заставляет его неукоснительно следовать предписаниям местных обычаев, как бы они ни были бессмысленны или жестоки.

Из числа пороков, в которых упрекают низшие расы, на первом месте должна быть поставлена ложь, которая местами возводится в добродетель. Человек, способный лгать так, что ему верят, считается человеком ловким и пользуется всеобщим уважением. Затем в числе пороков указываются: лицемерие, непостоянство, неверность данному слову, обман, хитрость, алчность, беспечность, лень и склонность к праздности.

Сходство низших рас с животными травоядными обнаруживается между прочим в том, что они крепко привязаны к известному уголку земли. Дикарь, по словам Дарвина, так же восприимчив к значительным климатическим и другим изменениям, как его ближайшие родичи человекообразные обезьяны, которые, будучи увезены со своей родины, как известно, никогда долго не выживали. «Удивительное дело, – говорит один путешественник, – как мало дикий человек удаляется от своего места рождения. Я знал черных, которые хотя уродились в расстоянии 3 немецких миль от берега моря, никогда его не видали».

Все собранные здесь наблюдения над характером дикарей и людей нецивилизованных не составляют какой-либо новости, они хорошо известны людям науки, и многие из этих последних пришли даже к очень печальным выводам

относительно положения дикарей в человеческом обществе и их будущности.

Нельзя, говорит Дарвин, назвать ничтожной разницу в умственном развитии варвара, который, по описанию мореплавателя Байрона, бросил своего ребенка о скалу за то, что тот уронил корзинку с морскими ежами, и таких людей, как Говард или Кларксон; или разницу в умственных способностях между дикарем, не употребляющим никаких отвлеченных выражений, и Ньютоном и Шекспиром.

«У этих племен, – говорит Герберт Спенсер, – мысли, ограниченные в своем течении узкими, прочно установленными путями, не имеют той свободы, которая требуется для вступления в новые комбинации и для порождения таким образом новых способов действия и новых форм промышленности. Первобытным людям не следует приписывать даже той изобретательности, на которую, по-видимому, указывают их простые орудия».

По утверждению Нота и Глиддона, готтентоты и особенно бушмены нравственно и физически только немного отличаются от орангутанга и не дальше от него, чем европеец от них самих. Африка южнее 10 градуса обитаема только людьми, ум которых темен, как их кожа, и строение их черепа делает утопической мечтой всякую надежду на их будущее улучшение.

Вайтц, описывая характер дикарей, заключает: «следовательно, мнение некоторых ученых, что умственная жизнь низших рас стоит не выше обезьян, а сердечная не выше жизни хищного животного, до некоторой степени справедливо».

«Я считаю, – говорит он, – поэтическим заблуждением приписывать первобытному человеку стремление, непреодолимое страстное стремление к моральному и интеллектуальному развитию. Напротив, вследствие ли лени или силы привьики, он предпочитает оставаться в своем прежнем состоянии; он вряд ли решится по собственному почину, без внешнего принуждения, взяться за тяжелую работу цивилизации. Ведь точно так же низшие классы общества, предоставленные самим себе, не предпринимают ничего подобного, пока им живется хотя бы сколько-нибудь сносно в материальном отношении, и это несмотря на то, что они постоянно имеют перед глазами примеры высшего развития. Не будь это так, оставался бы совершенно непонятным чрезвычайно медленный ход прогресса в человечестве, взятом во всем его целом».

8. ЧЕЛОВЕК – ХИЩНИК

Горцы Европы. Их высокий рост. Мускулистость. Тонкое строение оконечностей. Правильный овал лица. Быстрота и мягкость движений. Решительная и твердая походка. Свободолюбие. Умственные способности. Чувствительность. Склонность к увлечениям. Добродушие. Честность и верность данному слову. Собственное достоинство. Сладострастие. Мстительность. Воинственные наклонности. Характер горцев встречается и у жителей равнин.

Для контраста с низшими расами, этими людьми-овцами, мы можем привести описание другого крайнего типа человечества, людей-хищников, образцом которых в наше время могут служить горцы Европы и Азии.

Известно, что горцы отличаются от равнинных жителей высоким ростом, хорошим сложением, красотой, сильным характером, воинственностью и любовью к свободе. Последнее и дало повод Монтескье высказать мнение, что «в плодородных обширных местностях, в которых человек не умеет ничего отстоять от сильного и подчиняется ему, – находится главный очаг деспотизма, тогда как гористые полосы производят сильное, независимое, гордое своей свободой поколение». Факт этот не подлежит сомнению, но вопрос в том, как его понимать.

Некоторые антропологи думают, что горы своими исключительными условиями буквально вырабатывают известный тип людей. Постоянная ходьба по горам, по мнению Ранке, увеличивает рост человека, а борьба с суровой природой, по мнению других, закаляет характер. Но мне кажется такое объяснение натяжкой. Если бы тип горца действительно вырабатывался горами, то повсюду, в горах всего мира, тип этот был бы совершенно одинаковым. Но на самом деле это совсем не так. Во-первых, в горах каждой части света народ по цвету кожи приближается к той расе, среди которой он живет. В Африке он черный, в Азии – желтый, в Америке – медно-красный: в Европе – белый.

Во-вторых, у того же Ранке мы находим: «При известных условиях жизнь в горах *задерживает развитие величины тела*. Причины, которые во *многих* горных местностях приводят к развитию кретинизма часто *действуют* и *на некретинов* тех же областей, отчасти *путем задерживания роста*».

В-третьих, оказывается, что горцы отличаются высоким ростом и воинственным характером не только в Европе, но даже и в Азии они далеко не все воинственны. Так, например, туземцы в горах полуострова Малакки, оранг-унон, по словам Вайтца, «трусливый народ, которому грабеж неизвестен». То же самое можно сказать и об Африке: о горных дамарах в германских владениях сообщают, что этот народ во всех отношениях стоит ниже своих равнинных сородичей. «Язык их несколько грубее готтентотского, а по цвету кожи они чернее остальных дамаров». Наконец, Альсид Д’Орбиньи, который занимался исследованием в антропологическом отношении Южной Америки, находил «наименьший рост» у обитателей тамошних гористых местностей и даже приписал это «влиянию разреженного воздуха».

Высказывать свое мнение о причинах воинственности, свободолюбия, силы, красоты и крупного роста горцев мы теперь не будем, потому что это видно будет из нашего дальнейшего изложения, мы мимоходом только указали на скороспелость выводов некоторых антропологов, приводящую их же самих к противоречию с самими собой. Если мы взяли здесь горцев за образец высшего типа человечества, то это потому, что только в описаниях горцев нашли в этнографической литературе наиболее тщательную и подробную характеристику этого типа.

Чтобы дать наиболее полный тип человека-хищника мы повторили тот же прием, что и для низших рас, т.е. сложили в одно место все, что нашли в литературе о разных горцах Европы и Азии.

Горцев европейских описывают людьми высокого роста, мускулистых, крепких, с выпуклой грудью и стройным станом. Отличительная черта их тонкое строение оконечностей: очень малые по росту кисти рук, длинные и костлявые и маленькие стопы. Лицо горцев продолговато, но без углов, правильное, с правильными чертами и с прямым римским носом. Правильность черт кавказских горцев настолько известна, что даже всю белую расу назвали «кавказской». Горцы очень подвижны. Их движения мягки и быстры; в них есть что-то гордое и благородное: походка решительная и твердая. Они хорошие стрелки и отличные пешеходы в отношении дальности и скорости переходов.

Г. Евгений Марков в своих «Очерках Кавказа», сравнивая кавказских горцев с русским простонародьем, так описывает их наружность: «Когда смотришь в одно время на лезгина и на нашего брата Вахлака русского, то русский производит впечатление неуклюжего травоядного животного рядом со статным и смелым хищником. У лезгина пестрота наряда какой-нибудь пантеры или барса, грация и гибкость его движений, его страшная сила, воплощенная в изящные, стальные формы. Это поистине зверь, отлично оснащенный всяким боевым оружием, острыми когтями, могучими зубами, прыгающий как резина, как резина увертливый, уносящийся с быстротою молнии, с быстротою молнии настигающий и разящий, мгновенно загорающийся такою злобою и гневом, какими никогда не в силах одушевиться травоядный вол».

Горцы живут малыми племенами или кланами. Каждое племя – независимое государство и враг всех остальных. Между ними ведутся вечные распри, вечная война, вечные убийства и беспрерывные насилия. Грабеж и воровство очень часто совершаются даже не с корыстной целью, а для отличия своей удалью и ловкостью. Удавшееся воровство было прежде доказательством зрелости: девушки неохотно выходили замуж за молодых людей, не совершивших кражи.

Горцы никого не пропускают через свои горы. К жителям равнин относятся с величайшим презрением и очень часто выделяют из своей среды шайки разбойников, которые опустошают окрестности. Иные из них воевали в войсках иностранных государств в качестве наемных солдат; и даже, как швейцарцы, составляли себе из этого специальность.

В политическом отношении многие горцы сохраняют и до сих пор свою независимость и энергично отстаивают ее от всяких покушений. Слабые

государства, как Турция, не в состоянии овладеть их горами в течение многих столетий и только постоянным содержанием военных команд или натравливанием горцев друг против друга спасаются от вреда, наносимого ими мирным обывателям. Но, даже и овладев горами, государства долго борются, прежде чем их разоружат, так как горцы питают страсть к оружию, а все занятия, кроме войны и грабежа, считают ниже своего достоинства.

Они сильно привязаны к своей родине, большие патриоты, зачастую считают себя народом, избранным самим Богом, верят в свою широкую будущность и уважают только храбрых.

Горцам приписывают большие умственные способности, сметливость, рассудительность, живость и тонкость ума, остроумие, дальновидность, энергию и предприимчивость. Они красноречивы и часто бывают очень искусными дипломатами. Если обстоятельства их заставят, то они преуспевают и в мирных занятиях, причем проявляют способность к торговле, к разным ремеслам и даже к механике. Они любопытны, обладают пылким воображением, врожденным чувством изящного и поэтическим чувством. Они чувствительны, впечатлительны, склонны к увлечениям и неудержимым порывам. В отношениях к другим горцы добродушны, приветливы, быстры на знакомство, честны, верны данному слову, отличаются благородными, рыцарскими качествами и хлебосольны до расточительности. Горцы полны сознанием собственного достоинства, скромны, презирают хвастовство. В компании они необыкновенно веселы и когда разойдутся, то, как говорится, все суставы у них заходят. В половом отношении горцы сладострастны, иногда отличаются волокитством и разнузданностью нравов.

Если горца раздражить, что очень легко при его вспыльчивости, то он выходит из себя и не успокоится до тех пор, пока не выместит на ком-нибудь свой гнев. При своих ссорах горцы тотчас же бросаются друг на друга с оружием в руках и тогда становятся жестоки, кровожадны и не останавливаются ни перед каким самым ужасным преступлением. Они злопамятны и мстительны. Кровавая месть не только оскорбителю, но всему его роду, считается самой священной обязанностью и бывает одной из главных причин вечных раздоров между ними. Целые роды вымирали, целые столетия совершались зверства из-за какого-нибудь пустого недоразумения.

Горцы воинственны, на войне храбры, мужественны и так любят свободу, что предпочитают лучше умереть, чем попасться в плен. Но они так горды, что согласятся скорее умереть в неволе, чем дозволят обменять себя на пленную неприятельскую девушку.

Как видно из этого описания, современные горцы не представляют собою чего-нибудь особенно оригинального, чего бы мы не могли найти на равнинах и что заставило бы нас искать в горах каких-то необыкновенных условий, которые могли выработать необыкновенную породу людей. Достаточно припомнить древнюю историю, чтобы убедиться, что в хорошо известных условиях жители равнин нисколько не уступают в воинственности и свободолюбии горцам, я приведу здесь выписку о древних германцах и современных фризах:

«Воинственный кровавый пыл, запечатленный религиозностью, проявлялся у

германцев уже в первых столкновениях с Римом. Их три божества, свойства которых с трудом поддаются определению, имеют тот обширный характер, что все они боги войны и насилия. Это кровавое тройственное божество. Им объясняется верование в загробную жизнь, предназначенную для воинов и убийц в диком замке Валгаллы, где вечные битвы сменяются вечными пирами. Эти неистовые борцы, опоясанные железным кольцом в течение всей своей жизни и образующие всегда первый ряд в битве, с лицами никогда не смягчающимися даже в мирное время, одержимы неистовой страстью убийства и разрушения. Умереть для них – значит возвратиться к Одину, в Валгаллу, на войну».

Фризы принадлежали к древнему германскому племени и еще до Р. Х. отличались замечательною храбростью. Первоначальные обитатели соседних стран всегда с завистью и уважением относились к смелым, самостоятельным и свободным фризам. «Старательно избегая смешиваться с соседями», фризы до сих пор сохранили свой оригинальный характер. Еще и теперь, когда вы встретитесь в Фрисландии с мужчиною и спросите его, к какой нации он принадлежит, он не ответит вам «я фриз», но непременно прибавит: «я свободный фриз». Хотя графы голландские и епископы утрехстские несколько раз старались покорить их, это единственный народ в Европе, сумевший во время владычества германских императоров остаться свободным от ленной зависимости. Хотя народ этот чрезвычайно прямодушен, но в гневе он становится подобен дикому зверю: глаза его расширяются и блестят диким огнем, ноздри раздуваются, волосы в беспорядке падают на шею. Человека, с которым фриз за минуту говорил спокойно и дружелюбно, он готов задушить собственными руками за какое-нибудь ничтожное, неприятное для него слово или даже намек. Фриза можно узнать по его твердой походке и по открытому выражению его лица. Мужчины всегда довольны и веселы, с живою речью на устах, с оживленною мимикой и быстрыми движениями.

Но и помимо фризов люди того же самого типа встречаются даже в наше время среди мирных народов, но только мы не замечаем их, во-первых, потому, что видим их в другой обстановке, а во-вторых, потому, что они заброшены в одиночку среди массы людей совершенно других типов.

9. СХОДСТВО КРАЙНИХ ТИПОВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА С ЖИВОТНЫМИ РАСТИТЕЛЬНОЯДНЫМИ И ХИЩНИКАМИ

Сходство низших рас по их характеру с овцами. Сходство людей-хищников с хищниками животного царства.

Итак, перед нами совершенно отчетливо обрисовались два крайних типа человечества. Низший из них чрезвычайно напоминает животных растительноядных, живущих большими стадами, как коровы, овцы и некоторые из обезьян. Выдающиеся челюсти и объемистый желудок указывают на приспособленность их к растительной пище, которой действительно и придерживается большинство низших рас. Чувства их слабы, а ум неподвижен. Непредусмотрительность, трусость и стадное чувство – все это черты животных травоядных. Такие существа не способны вести активную борьбу, они могут быть только жертвами. Их единственная защита – стадо.

Невольно напрашивает на сравнение с тем, что сообщено выше о низших расах человечества, следующая выписка из учебника зоологии. «Домашние бараны представляют из себя глуповатых созданий. Бесхарактерность этого животного выражается во всем его образе жизни и привычках. Сильнейший баран трусливо отступает перед самой маленькой собачкой; самое безобидное животное может навести страх на целое стадо: вся толпа следует слепо за своим вожаком. Никакое животное нельзя обуздать с такой легкостью, как домашнего барана… он, по-видимому, радуется, когда какое-либо другое создание снимает с него бремя забот о собственном благе. Нет ничего удивительного, что такие животные всегда *добродушны, кротки, миролюбивы* и *беспечны*» (А. Брэм).

Высший тип человечества – прямая противоположность низшему; он сильно напоминает хищников животного царства.

Как ни различаются эти последние между собой в разных классах животных, но по их сложению, по характеру, образу жизни, отношению к себе подобным и пр., они несомненно имеют некоторые общие черты, вытекающие из одинаковых условий жизни. Они должны быть как в физическом, так и в умственном отношении выше растительноядных животных своего класса, которыми питаются. По словам зоологов, хищники *«сильнее, ловчее, подвижнее и грациознее своих жертв, обладают более сильным умом, более развитой нервной системой, большей силой воли, решительностью, отвагой, предприимчивостью, предусмотрительностью, бате живым и горячим темпераментом»*. Все эти свойства необходимы хищнику, потому что, не имея которого либо из них, он непременно умер бы с голоду. Кроме того, хищники должны быть более или менее индивидуальны, самостоятельны и иметь собственную инициативу, так как им очень часто приходится действовать в одиночку. Жизнь большими обществами, жизнь стадная для них менее необходима, чем для травоядных. Вот почему истый хищник нередко бывает животным антиобщественным.

Хищники по природе своей свободолюбивы. Хотя эти животные очень способны к дрессировке, но человеку удалось приручить к себе только два вида хищников и притом не самых крупных, собаку и кошку, тогда как из растительноядных он приручил: слона, верблюда, лошадь, корову, осла, оленя, ламу, козу, овцу и свинью, т.е. 10 видов. Это обстоятельство именно и указывает на свободолюбие хищников. Некоторые из них, по словам зоологов, отличаются особенной необузданностью. Так, например, о носухе (nasua rufa) пишут, что «она никогда не подчиняется воле человека и тотчас же приходит в ярость, коль скоро на нее налагают какую-либо узду. Ее не укрощают даже побои, при которых она только пуще защищается, кусая как своего сторожа, так и всякого постороннего».

Если принять теперь, что высший тип современного человечества все-таки ниже белого дилювиального человека, а низший – выше питекантропа, то можно себе представить от смешения двух каких противоположностей произошли мы. В отдельных экземплярах человеческого рода черты обоих типов перемешаны в самых невероятных комбинациях, а в общем он представляет собою постепенный переход между двумя крайностями.

10. МНЕНИЯ УЧЕНЫХ О ДВУХ КРАЙНИХ РАЗНОВИДНОСТЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА

Раса активная и пассивная. Расы: дневная, ночная и сумеречная. Антропо-социологическая школа. Долгоголовый блондин и короткоголовый брюнет. Невозможность классификации человечества по небольшому количеству признаков долгоголовца.

Факт резкой противоположности между двумя крайними типами человечества, которым я посвятил предыдущие главы, уже давно обращал на себя внимание мыслителей. Многие пытались воспользоваться им для классификации человечества. «Пейру де ля Кудреньер, – говорит Вайтц, – кажется был первым, установившим теорию, что одна только умственно-активная белая раса наделена от природы потребностью знания и развития». Все высокие культуры других рас, по мнению Пейру, обязаны своим существованием колониям белых, к ним пришедших. Из числа его последователей между немцами Вайтц упоминает Клемма и Вутке, принимающих ясное различие между высшими и низшими человеческими расами. Одну из этих половин человечества Клемм называл «активной или мужской», а другую – «пассивной или женской». «Первая, – говорит он, – гораздо малочисленнее второй. Она отличается в духовном отношении сильной волей, стремлением к господству и свободе, в ней живет неутомимая жажда деятельности, стремление вперед, в далекую ширь, скептицизм, энергия и любознательность». К активному человечеству Клемм причислял: персов, арабов, греков, римлян и германцев. «Эти люди, – по его словам, – переселяются из одной страны в другую, низвергают старые империи, основывают новые, это – смелые мореплаватели, они живут в свободном строе, зиждущемся на безустанном прогрессе; знания и мышление заступают у них место слепой веры. У них преуспевают науки и искусства». К пассивным народам Клемм причислял: египтян, китайцев, японцев, мексиканцев и др.

Те же факты привели и Латама к его оригинальной классификации человечества на людей «дневных» – кавказская раса, «ночных» – негры и «сумеречных» – все остальные. Но последнее слово науки, основанное на том же ряде фактов, дает новая теория антропосоциологической школы, классифицирующая человечество по антропологическим данным и, главным образом, по данным измерения черепа. Эта теория, кажется нам, подошла ближе всего к истине, жаль только, что она прилагается почти исключительно к европейскому населению.

Это последнее, по мнению теории, образовалось из смеси нескольких антропологических типов, из которых нужно обратить наибольшее внимание на два: долихоцефалов, высокорослых блондинов, и брахицефалов, низкорослых брюнетов. Такому физическому различию соответствует и психически эмоциональное. Долгоголовые блондины одарены сильной волей, способностью инициативы и богатством воображения. Это элемент авантюристичный, находящий наслаждение в самой борьбе и в достижении чего-либо. Длинноголовец уже издали видит свои интересы, равно как интересы своей нации и расы, которая рано или поздно будет бесспорным властелином земли, и его безграничная отвага, его могучая сила воли и сознание единства его расы дают ему величайшие права на успех.

Между тем, брюнет короткоголовец – человек пассивный, осторожный и практический. У него недостаток способности комбинирования идей и вообще элементов разума и критицизма. У него нет инициативы. Чувствительность в нем преобладает, но узкая, тесная. Отважный в необходимости, он не любит войны. Его цели узки и он терпеливо трудится над их осуществлением. Он очень недоверчив, но его легко провести словами, смысл которых он не старается исследовать. Он человек традиции и здравого обыденного рассудка. Прогресс кажется ему ненужным, он обожает равномерность во всем. Он понимает и оберегает выгоду своей семьи и ближайших соседей, но граница его отечества нередко слишком обширна для его взгляда. Если он образует помесь с длинноголовым, то в его потомстве возрастает себялюбие, вследствие сильного индивидуализма, присущего длинноголовцу, а семейное чувство и расовое сознание ослабляются.

Вследствие этого различия в психической природе обеих рас и самое поведение их в истории должно быть различным. И действительно, длинноголовый – индивидуалист в истории, он выделяет не массы, а одиночек. Он не сидит в углу, а везде, по всему земному шару, ищет лучших условий быта. От государства он прежде всего требует уважения к своему «я» и стремится лучше подняться до известного положения, чем понизить его из зависти. Прогресс является для него необходимой потребностью. Что же касается короткоголовца, то он высказывает стадные инстинкты и в исторической борьбе теряет свою индивидуальность. Вместо единичных личностей у короткоголовца выступают массы. Короткоголовец готов лучше подвести все под один уровень, чем самому подняться. В политике он ставит над личной инициативой государственную опеку. Короткоголовец проявляет сильную привязанность к месту рождения и не любит передвигаться на неизвестное. Характер обеих рас проявляется особенно резко в области религии. Длинноголовые: Англия, Скандинавия и северная Германия являются местопребыванием протестантизма, между тем как католицизм связан с короткоголовой расой Франции,

южной Германии и западных славян.

Почти все великие люди принадлежали к светловолосой длинноголовой расе, как бы различны они ни были по своей национальности. «Я нисколько не удивился бы, – говорит Ляпуж один из главных представителей антропо-социологической школы, – если бы просвещение, происшедшее от других рас, оказалось необходимым приписать присутствию в их вялой массе белокурого длинноголового элемента, затерявшегося во тьме веков». Светловолосая длинноголовая раса дала из себя, по видимому, руководящие классы в Египте, Халдее, Ассирии. Это почти доказано для Персии и Индии и возможно даже для древнего Китая. Роль этой расы во всяком случае вполне проявилась в греко-римской цивилизации, а в наше время ранг отдельных наций почти строго пропорционален количеству длинноголовых блондинов в их руководящих классах.

Как видят читатели, теория антропо-социологической школы во многом сходится с нашей, хотя выходит из совершенно различных оснований. Она рисует перед нами два человеческих типа, из которых длинноголовец очевидно имеет большую, а короткоголовец – меньшую примесь крови белого дилювиального человека.

Такие исследования несомненно представляют огромный интерес и обогатят науку множеством ценных открытий. Но школа, о которой мы говорим, создавши свою теорию, по-видимому хочет приложить ее к практике человеческой жизни. Она определяет процент длинноголовых голубоглазых блондинов у различных человеческих групп (пока еще исключительно в Европе), вероятно, с целью поставить на научную почву искусственный отбор среди человечества. С точки зрения нашей теории, это значит отыскивать при помощи антропологических измерений, в каких человеческих группах сохранилось всего более примеси белого дилювиального человека. Совершенно справедливо ожидать, что в тех группах, где более высокого ума, энергии, порядка и богатства, но к сожалению прошло уже много времени с тех пор, как совершилось падение белого человека, и смешение его с питекантропами зашло слишком далеко. Признаки белой расы так странно и причудливо переплелись с признаками питекантропа, что характеризовать не только отдельного человека, но даже целый народ по одному или немногим признакам белого дилювиального человека очень трудно.

Так, например, высокий рост и длинная голова – несомненные признаки высшей расы. Но противники антропо-социологической школы совершенно справедливо указывают на Наполеона и на некоторых других заведомо великих людей, у которых был малый рост, короткая голова и черные волосы. Правда, что таких примеров они не могут привести много, но достаточно и одного, чтобы правило не было абсолютным, чтобы к нему отнеслись с недоверием. Подобным же образом антропо-социологическая школа при своих исследованиях заметила, что городские жители и высшие классы среднеевропейского населения имеет более длинную голову, более высокий рост и более светлые волосы, чем сельские. Но сейчас же нашлось множество исключений из этого правила в разных местностях Европы. В Италии и Испании сельские жители длинноголовее городских. В Англии длина головы у сельских и городских жителей одинакова. В Дании сельские жители

выше ростом, чем городские и т.д.

Если бы попытаться, вместе с вышеупомянутой школой, взявши какой-либо из признаков белой расы, применить его к сравнению между собою всех человеческих рас, то сортировка их оказалась бы еще менее совершенной. Действительно, какой бы из признаков белой расы мы ни взяли, сейчас же окажется, что существуют народы, очень низко стоящие во всех других отношениях, у которых есть взятый нами признак. Особенно неудачным признаком было бы длинноголовие у всех черных, не исключая папуасов, а из желтых – у китайцев и эскимосов. Подобным же образом высокий рост мы нашли бы у патагонцев, волосатость – у австралийцев, тодов и айнов, белокурые волосы – у финских племен и т.д.

Но главное препятствие для проведения на практике теоретических взглядов антропо-социологической школы это то, что в каждом обществе процент личностей, обладающих признаками белого дилювиального человека, как увидим ниже, величина далеко не постоянная. Он то поднимается, то падает. А потому основывать на нем какие-либо практические расчеты нет ни малейшей возможности.

11. ВТОРИЧНЫЕ ПОЛОВЫЕ ПРИЗНАКИ ЧЕЛОВЕКА

Физические отличия между полами. Различие в их уме и характере. Изменения в женском организме после смешения белого человека с питекантропом.

Если белая дилювиальная раса с ее умом и характером была выработана тяжкими условиями ледникового периода, то женщины этой расы вынесли на своих плечах все тягости этой борьбы и находились в совершенно одинаковых условиях с мужчинами, а следовательно, должны были подвергнуться совершенно одинаковому с ними естественному отбору. Вот почему мы думаем, что современная европейская женщина, сильно отличающаяся от мужчины в сторону, невыгодную для борьбы за существование, совсем не та, которая некогда разделяла с дилювиальным европейцем его невзгоды. Древняя подруга белого человека должна бьиа исчезнуть и замениться какой-то новой.

Действительно, если сравнить телосложение и психику современной европейской женщины с таковыми же у европейского мужчины, то разница между ними если не громадна, то весьма значительна. «Уже при самом рождении, – говорит Ранке, – между детьми обоего пола замечается неравенство в весе и росте». Тот и другой у женщины меньше, чем у мужчины, и разница эта с минуты рождения остается на всю жизнь. Туловище женщины (в сравнении с длиной ног) длиннее, грудь уже, руки и ноги короче, стопа более плоска, мускулатура икр и предплечья тоньше, седалищная область и бедра толще чем у мужчины.

Женский череп меньше и во всех отношениях нежнее мужского. По словам проф. Петри, он более походит на детский. Емкость черепа и абсолютный вес мозга женщины меньше, борозды его мельче, а извилины имеют меньше изгибов. В отношении емкости черепа негров, малайцев и американских индейцев соответствуют наименьшим и средним черепам немецких женщин. Лицевой угол женщины меньше, у нее замечается большая наклонность к косозубию (прогнатизму). Скелет женщины по всем своим физическим признакам составляет середину между скелетом ребенка и взрослого мужчины. Наконец, женщина менее покрыта волосами, чем мужчина, волосы ее толще и меньше обнаруживают склонности к выпадению.

Не станем перечислять всех остальных мелких отличий женского организма, скажем только, что их очень много и что, по мнению ученых, женский организм «стоит в эмбриологическом отношении на более низкой ступени, чем мужской и приближается с одной стороны к детскому, а с другой к организму низших рас».

Что же касается женского ума, то его отличие от мужского вполне соответствует разнице в устройстве мозга и черепа. «Главное различие в умственных способностях обоих полов, – говорит Дарвин, – проявляется в том, что мужчина во всем, за что он берется, достигает большего совершенства, чем женщина. Это проявляется как в области глубокой мысли, разума или воображения, так и в вещах, требующих

простого употребления органов чувств и рук. Если составить две таблицы из мужчин и женщин, наиболее замечательных в поэзии, живописи, скульптуре и музыке – как относительно композиции, так и исполнения – в истории, науках и философии, поставив с полдюжины имен под каждым предметом, то обе таблицы, конечно не выдержат сравнения. Мы можем далее заключить, на основании закона уклонения от среднего уровня…, что если мужчины обладают положительным превосходством над женщинами во многих отношениях, то средний уровень умственных способностей у мужчин должен быть выше, чем у женщин».

Ломброзо говорит о том же следующее: «Хотя мы можем назвать достаточно знаменитых женских имен в поэзии, литературе, искусстве и науках, но, очевидно, что этим женщинам далеко до таких могучих гениев-мужчин, какими были, например, Шекспир, Бальзак, Аристотель, Ньютон и Микель Анджелло. Равным образом, окажется громадный перевес на стороне мужчин, если сравнивать между собой частоту появления гениев у обоих полов».

В отношении чувств тот же автор, ссылаясь на исследования разных ученых, доказывает, что у женщин слабее развиты, чем у мужчин, чувства осязания, обоняния и слуха, а отчасти и вкуса. У них более притуплено болевое чувство и слабее половое возбуждение. Из числа женских пороков он указывает именно на те, которые мы констатировали у низших рас, например, лживость, жадность и консерватизм.

Все эти различия между мужчиной и женщиной, или, как их называют, «вторичные половые признаки», обязаны своим происхождением вероятно тому обстоятельству, что белый человек скрещивался с питекантропами исключительно в лице их женщин. Если бы он смешался так, как смешиваются в настоящее время человеческие племена и расы, то сходство с низшими расами не выступало бы так сильно у женщин, как теперь. Древняя белая женщина не смешивалась с мужчиной питекантропом, а белый мужчина брал себе в жены самок питекантропов так много и так долго, что остатки древней белой женщины совершенно исчезли, растворились в массе новых.

Если мужчина со времени падения белого дилювиального человека подвергся сильному изменению, то не менее его изменилась и женщина. И действительно, масса женщин должна была вымереть от одних только родов. Выражение Библии, по

которому Бог, изгоняя Адама и Еву из рая, приговорил нашу прародительницу «в болезнях рождати чада», имело несомненное фактическое основание. Акт рождения вполне естественный для каждого животного чистой породы должен бы быть таким же и у человека, т.е. безболезненным, как и все другие физиологические отправления. Если же он стал мучительным, то только вследствие искусственного изменения нормальных условий. Если белый дилювиальный человек был великаном, а самка питекантропа – карлицей, то естественно ожидать, что роды у такой самки, вследствие несоразмерно больших размеров ребенка, были трудные и благополучно разрешиться от бремени могла только та, у которой был самый широкий таз. Все остальные должны были умирать от родов или рождать в страшных мучениях.

Много женщин должно было умереть от невозможности разродиться, но зато чем больше их умирало, тем тазовые кости женщин становились шире, так как в живых оставались и передавали свои свойства потомству только женщины с широким тазом.

Однако, чем больше белый человек в своем расселении по земному шару удалялся от Европы и чем больше приобретал крови питекантропов, тем более он мельчал, тем более мелкие рождались у него дети и тем менее приходилось его женщинам страдать от родов. И вот действительно оказывается, что тазовые кости сильно расширились только у белой женщины, а у женщин низших рас остались почти без всякого изменения.

«Мы не можем, – говорит Плосс, – не присудить премии за легкие роды первобытным племенам». Оказывается, что женщины низших рас переносят роды очень легко, иногда даже без всякой боли и только в весьма редких случаях умирают от родов, несмотря на то, что таз их почти не отличается от мужского. Но нельзя сказать того же о женщинах низших рас, рождающих от белых отцов. Так, например, про индианок племени умпквасов сообщают, что они очень часто умирают при разрешении от бремени ребенком смешанной крови от белого отца, между тем как чистокровные дети у них же легко рождаются. Многие индианки очень хорошо сознали опасность беременности от белолицего и потому, во избежании ее, предпочитают своевременно устранять последствия скрещивания плодоизгоняющими средствами. То же самое сообщают и об алурах в Восточной Африке.

Все сказанное о легких родах у женщин низших рас можно повторить и об европейских низших сословиях, у которых, как известно, роды также бывают несравненно легче, чем у интеллигенции.

12. СРАВНЕНИЕ ПОЛОВОГО ДИМОРФИЗА ЧЕЛОВЕКА С ТАКОВЫМ ЖЕ У ЖИВОТНЫХ

Почему виды бесплодны между собою. Самцы крупнее и сильнее самок. Большая страстность самцов. Их смелость и воинственность. Волосатость самцов. Большая изменчивость вторичных половых признаков у самцов. Переходные формы между мужчиной и женщиной. Приобретение женщинами мужских признаков. Сходство между человеком и животными в эмбриональном развитии. Одинаковое действие кастрации. Половые признаки касаются тех частей организации, которыми различаются виды того же рода. Самки – рабыни самцов. Заключение.

Если сопоставить все сообщенное здесь о результатах смешения белого человека с питекантропом, с тем, что нам известно об остальном животном мире, то оказывается что явления, наблюдаемые у человека, повторяются в таком же виде у животных.

Одним из ясных доказательств гибридного происхождения человека мы принимали его половой диморфизм. Но явление это вовсе не составляет исключительно принадлежности человеческого рода, а обще ему с другими животными различных классов.

Признаки, отличающие самца от самки того же вида, так называемые «вторичные половые признаки», встречаются не только у человека, но и огромной массы животных. Их не замечено только у самых низших классов.

Хотя, по Дарвину, признаки эти вызваны различным образом жизни обоих полов, но ведь это только предположение. Если можно предположить что они произошли от различия между полами в образе жизни и в привычках, то отчего же нельзя сделать и обратного предположения? Отчего нельзя предположить, что различие в привычках и в образе жизни между полами происходит от различия в их строении и внутренних свойств? А это последнее могло случиться так же, как и у человека, если самки и самцы видов, имеющих половой диморфизм, принадлежали первоначально к различным видам и, вследствие какой-то общей им с человеком причины, смешались между собою, образовав новые виды, гибридные.

Факт добровольного спаривания между самцами и самками разных видов вовсе не редкость в природе, а напротив явление довольно обыденное. «Известно, – говорит Дарвин, – что птицы различных видов случайно спариваются между собой и производят ублюдков. Этому можно привести много примеров». Большинство этих случаев объясняется, может быть тем, что птицы остались одинокими, не найдя себе пары между особями своего вида. Но эти замечания не приложимы ко многим примерам прирученных или домашних птиц различный видов, положительно влюблявшихся друг в друга, хотя они и жили между неделимыми своего вида. М-р Э. С. Диксон замечает, что «всякому, кто держал много гусей различных видов вместе, известно, что у них возникают необъяснимые привязанности друг к другу, и что они спариваются и выводят детей с неделимыми, по-видимому, очень отличных

пород (или видов) столь же охотно, как с птицами своего собственного вида». В другом месте Дарвин говорит о таком же спаривании не только у птиц, но и у других животных.

Что были за причины, вызвавшие смешение между разными видами животных, мы пока еще не знаем, но одной из них могла быть борьба за существование, при которой хищные виды истребляли не равномерно оба пола, а преимущественно один, чаще женский, поставленный в беззащитное положение необходимостью выводить или высиживать птенцов. «Самок у птиц, – говорит Дарвин, – легче истребить в то время, когда они сидят на яйцах. У насекомых женские личинки часто больше мужских, а потому легче могут быть истреблены. В некоторых случаях самки менее деятельны и менее быстры в движениях, чем самцы, а потому труднее избегают опасности, чем последние». Но, если один пол животного сильно истреблен, то естественно, что другой, руководимый половым инстинктом, ищет себе пар среди родственных соседних видов и скрещивается с ними.

Дарвин между прочим задается вопросом: как объяснить тот факт, что виды при скрещивании оказываются бесплодными или производят бесплодное потомство, между тем, как при скрещивании разновидностей плодовитость остается неизменной.

Большинство натуралистов, отвечает автор, думают, что виды «наделены бесплодием» именно для того, чтобы «предотвратить их смешение», так как в противном случае виды, живущие вместе, едва ли бы могли оставаться несмешанными.

Мне кажется такой ответ неудовлетворительным. Почему же природа могла задаваться целью «предотвратить смешение»? Разве ей нужны были непременно чистые виды? Плодовитость между видами, по словам Дарвина, зависит не столько от близости их между собою, сколько от их «полового сложения». Следовательно в геологические времена бесплодие между видами могло вовсе не быть общим правилом. Но так как природа, одаривши животных сильным половым инстинктом, ничем не оградила одни виды от смешения с другими, то такое смешение и шло беспрепятственно, до тех пор, пока было кому смешиваться, пока на свете не остались только такие виды, которые были уже бесплодны между собою, или давали

бесплодное потомство. Вот почему теперь нам и кажется, что виды «наделены бесплодием».

Сходство между человеком и животным в отношении полового диморфиза оказывается просто поразительным. У диморфных животных наблюдаются не только те же самые вторичные половые признаки, что у человека, но и те же явления половой жизни.

1). Самцы крупнее и гораздо сильнее самок у большинства млекопитающих, у птиц и у ящериц. Только рыбы и насекомые составляют исключение.

2). Самцы, по словам Дарвина, в многочисленных и разнообразных классах «страстнее самки, ищут ее и играют активную роль в ухаживании».

3). Самцы обезьян и других млекопитающих «смелее, храбрее и воинственнее самок». Воинственный нрав у большинства животных обнаруживается в так называемом «законе боя», т.е. в страшной драчливости самцов в сравнении с самками. Закон боя наблюдается у водяных и сухопутных млекопитающих, у птиц, ящериц, лягушек, рыб и насекомых.

4). Волосатость, свойственная у нас, белых, мужскому полу, отличает самок и у других млекопитающих. Так, у многих обезьян и у коз самцы снабжены хорошо развитой бородой, а у самок ее или не бывает, или же она гораздо меньше. У других млекопитающих большая волосатость у самцов обнаруживается или в виде гривы (у льва, павиана и бизона), или в виде широкого ошейника около горла (у рыси) или в виде курчавой шерсти на лбу (у одного вида быка).

5). Вторичные половые признаки человека все крайне изменчивы в пределах одной расы и весьма различны у отдельных рас; мужчины отличаются между собою гораздо более, чем женщины. То же самое указывает Дарвин у куриных птиц, у бабочек, многоножек и паукообразных.

6). У человека существует целый ряд переходных ступеней между мужчинами, обладающими наиболее ясными половыми признаками и женоподобными мужчинами. То же самое наблюдается у некоторых жуков.

7). Тот факт, что женщины под старость приобретают мужские черты, повторяется также и у некоторых птиц. Дарвин приводит много примеров, когда у птиц наступает полное сходство самок с самцами через год после выхода их из яйца, через 2, 3, 4 года, позже. Подобные же явления повторяются с наростом на носу у некоторых ящериц и с трескучим снарядом у кузнечиков.

8). Сходство между человеком и диморфными животными замечается даже в порядке их эмбриологического развития. У белой расы мужчины сильнее отличаются от женщин, чем у цветных рас и ребенок более похож на женщину, чем на мужчину. То же самое Дарвин передает от птицах: «Когда самец окрашен красивее или заметнее самки, то птенцы обоих полов при первом оперении близко походят на взрослую самку, например у кур и у павлина».

9). У негров в зрелом возрасте мужчина мало отличается от женщины, а их ребята в детстве похожи на белых людей. То же самое у многих птиц, у льва и пумы, у некоторых оленей, у всего семейства свиней и у тапиров. Их птенцы похожи не на

взрослых самку и самца, а на животных другого вида. Так, птенцы клеста походят на взрослую коноплянку или самку чижа. Птенцы многих видов стренаток походят на взрослую просянку и т.п.

10). Даже кастрация совершенно одинаково действует на животных с половым диморфизом, как и на человека. Белый мужчина после кастрации в детстве, как известно, теряет некоторые вторичные половые признаки, как например волосатость на лице и низкий голос. У птиц и млекопитающих самец приобретает свойственные его полу признаки незадолго до возмужалости, но в случае кастрации в ранний период жизни, теряет эти признаки. Например, олени (кроме северного), у которых рога составляют принадлежность самца, после кастрации иногда не возобновляют свои рога. Наоборот, у одного вида антилоп рога, свойственные только самке, вырастают у самца после кастрации.

11). У белого человека различие между мужчиной и женщиной обнаруживается в тех частях организма, которыми мужчина отличается от низших рас, например, в растительности на лице, в росте и т.д. У животных, по Дарвину, вторичные половые признаки касаются обыкновенно тех частей организации, которыми различаются и виды того же рода.

12). Некоторые из животных сходны с людьми даже и в отношениях между полами. Так, белый человек сделал себе из самок питекантропа рабынь и сошелся с ними в первый раз, вероятно, путем насилия. Даже и до сих пор женщины в половых отношениях только уступают воле мужчин. Следы такого же насилия в отношении самцов к самкам видны и у многих диморфных видов. Достаточно вспомнить, как сходится наш домашний петух с курицей: ухаживание его имеет вид насилия. Нечто подобное происходит, вероятно, и у других диморфных видов, судя по тому, что у многих самцов насекомых даже выработались так называемые «хватательные придатки», которыми самец удерживает самку.

Одним словом сходство явлений, сопровождающих половой диморфизм у человека и таковых же у животных так велико, что не может быть случайным, и потому заставляет искать для них одну и ту же у человека и животных причину. Следовательно, если у человека половой диформизм явился следствием его смешения с питекантропом, то его грехопадение есть только результат общего закона, управляющего всем животным царством, уступая которому все родственные чистокровные виды животных, образуя гибридов, не лишенных плодовитости, смешались между собой и дали огромное количество диморфных видов.

13. ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА

Отношения между женщиной и мужчиной, как и вообще между людьми, устанавливаются не по чьему-либо произволу, а в зависимости от различия между ними по уму и характеру. Древняя неолитическая женщина равноправна с мужчиной. Позднейшая женщина, самка питекантропа, – рабыня мужа. Глубокое различие между ними. Необходимость допустить, что характер женщины и ее физическое сложение много раз изменялись в доисторические времена. Положение женщины-рабыни.

Теперь, когда перед читателями уже достаточно выяснилась сущность нашей теории, нам остается выполнить еще две весьма важные задачи: во-первых, показать, как представляются с нашей точки зрения главнейшие стороны человеческой жизни, а во-вторых, подтвердить теорию возможно большим количеством фактов. Этому мы и намерены посвятить остальную часть первого тома.

Самыми главными сторонами человеческой жизни являются:

1) отношения между полами (семейные отношения),

2) отношения между высшими и низшими классами общества (общественные) и

3) отношения правительств к народу (государственные).

Взгляды, господствующие на этот счет в нашей науке и литературе, выходящие из принципа Ламарка, в высшей степени устарели и потому вряд ли уже могут удовлетворить человека вдумчивого.

Например, низкое положение женщины в человеческом обществе объясняется с чисто детской наивностью тем, что мужчина сильнее женщины в физическом отношении, а потому забил ее, овладел ее волей и лишил ума и характера. При этом забывается основной закон природы, что если живые существа вступают между собой в борьбу, то всегда умственная сила берет верх над физической, а не наоборот.

Достаточно вспомнить, что домашние животные, одаренные большей физической силой, чем человек, безусловно уступают его уму, что цивилизованные расы, одаренные высшими умственными способностями, чем дикари, повсюду господствуют над этими последними. И, наконец, мужчина при всей его физической силе, безусловно пасует перед той женщиной, которая умнее его. В браке он попадает в таком случае «под башмак».

С точки зрения нашей теории, большей умственной силой обладают те из людей, в жилах которых течет более крови белого дилювиального человека. А, следовательно, если женщина в обществе стоит ниже мужчины, то это самое доказывает ее большую близость к питекантропу, в чем мы уже и убедились из

сравнения мужского организма с женским.

Уже из предыдущего видно, что женщины в доисторические времена были двух совершенно различных характеров. Одна – женщина неолитического века – вполне равнялась с мужчиной в умственном, нравственном и физическом отношении, потому что иначе она не могла бы перенести тяжкую борьбу ледникового периода. Такая женщина на основании всего сказанного пользовалась полным равноправием с мужчиной.

Другая женщина – самка питекантропа – относилась к мужчине, как домашнее животное к человеку, а потому пользовалась положением домашнего животного или рабыни.

Этнографические материалы обрисовывают перед нами образчики того и другого отношения. Но последнее (состояние рабыни) встречается как общее правило, а первое как редкое исключение, да и то преимущественно во времена более отдаленные от нас.

Трудно допустить, конечно, что означенные материалы говорят прямо о неолитических временах, когда одновременно существовали оба вида женщины: слишком много времени прошло с тех пор. Но помимо неолитического века могло быть очень много случаев, когда женщина по своему интеллекту приближалась к мужчине. Дальше мы будем об этом говорить подробнее, теперь же укажем один из таких случаев. У человека нередко наблюдается наследственность перекрестная, когда дочери выходят в отца, а сыновья в мать.

«Известно, – говорит Дарвин, – что *при скрещивании двух различных пород* в потомке существует, в продолжение нескольких поколений, *сильное стремление* возвратиться *к одной* или к обеим родительским формам». «Чрезвычайно редко случается видеть, – пишет проф. Жоли, – чтобы два великие человека следовали друг за другом в одной и той же фамилии. Если природа и производит иной раз непосредственно после нее другую замечательную натуру, то эта натура является почти всегда в женской форме от матери, чем от отца. Изучение потомства великих людей показывает нам, что между их детьми гораздо легче встретить замечательных дочерей, чем сыновей».

И вот, если мужчинам какого-либо племени при их передвижениях по земному шару случалось в браке с женщинами другого племени, стоявшего много ниже их, т.е. ближе к питекантропу, то в первом же поколении, а может быть, и в последующих из их потомства должно было рождаться много женщин, похожих на отцов, тогда как мужское поколение, рождавшееся в матерей, сильно понижалось в сравнении с отцами. Отсюда в одном или нескольких поколениях нового племени женщины были равны мужчинам или даже выше их, ближе к белому дилювиальному человеку.

Намереваясь изобразить здесь положение женщин, стоявших ниже своих мужчин, и других, стоявших наравне с ними или выше, мы составили по этнографическим материалам народов разных частей света два очерка: один для положения женщины – рабыни или парии, а другой для женщины, равноправной с мужчиной. Так как первый из этих случаев составляет общее правило, а второй

только исключение, мы и начнем с первого.

Самое появление на свет девочки как бы не признается рождением, потому что женщина теряет свое девство только после рождения сына. В лучшем случае родители встречают рождение дочери безразлично, но чаще всего оно является огорчением для семьи, а мать смотрит на себя как на преступницу. Семья, где часто рождаются девочки, считается одержимой бесом, а новорожденные воплощением дьявола. Родители предаются целому ряду заклинаний и отец разбивает голову ребенка ударами ноги или о камень с проклятиями и злословием, чтобы помешать бесу воплотиться вновь.

Думают, что мужчину создало доброе божество, а женщину – злое, что женщина не имеет души. Большинство религий, не исключая и христианства, считало женщину существом нечистым. Она не имеет права приблизиться к тому месту, где помещаются идолы, не может присутствовать при жертвоприношениях, посещать дома молитвы. Поэтому в большинстве религий женщины устраняются от должностей жрецов и священнослужителей. Даже и рай существует не для женщин, а только для мужчин.

Почти все народы земного шара сходятся в признании женщины нечистой в момент наступления половой зрелости, в течение менструального периода и во время родов. Менструальная кровь считается самым ужасным ядом, какой только может представить себе человеческая фантазия, а потому в этот период боятся не только прикосновения женщины, но даже взгляда, брошенного ею. От действия этого яда портятся неодушевленные предметы, заболевают и умирают растения, животные и человек.

На время менструации женщину уединяют тщательнейшим образом от всех остальных людей, а так как она может осквернить своим прикосновением даже самую землю, то или строят для нее особую хижину на высоких столбах, или сажают менструирующую на крышу дома или же подвешивают на гамаке к потолку. Кроме того, боятся, чтобы взор женщины не повредил даже солнцу, а потому ей запрещают не только смотреть на солнце, но даже думать о нем. Само собою разумеется, что на время этого периода женщина совершенно устраняется от религии, ей не только запрещается посещение храмов и принесение жертв, но даже мысль о боге и молитвах. Часто специальные постройки для менструирующих делаются в виде темных клеток, в которых девушек в период зрелости держат в строгом заключении иногда до 4-х, 5-ти и даже 7-ми дней.

По окончании периода женщину подвергают различным заклинаниям и очистительным обрядам из которых иные слишком жестоки и мучительны. Так, например, в Бразилии девушку выводят среди родных и друзей, из которых каждый дает ей по 4-5 ударов куском ползучего растения, пока она не упадет без чувств или мертвой. Но если она поправится, то такая операция должна повториться 4 раза через каждые шесть часов и считается большим оскорблением для родителей, если кто-нибудь бьет не достаточно сильно.

Когда девушка выходит замуж, то предполагается, что она вводит собой в дом мужа нечистую силу, а потому над ней совершается целый ряд обрядов, имеющих

целью изгнание бесов.

Относительно положения женщины в семье у разных народов существует такое множество разных верований и обычаев, направленных к ее унижению, что ими можно было бы наполнить не одну книгу. Ее покупают как скот за деньги, иногда пользуются ею вместо ходячей монеты или телом ее уплачивают подати. У австралийцев муж может убить свою жену, когда ему угодно и съесть, но и в странах более цивилизованных убийство женщины наказывается легче, чем убийство мужчины. У самоедов и в Корее женщина в отличие от мужчины не имеет даже собственного имени.

При встрече с женщиной на улице мужчина произносит те же слова, что и при встрече с неверными. Женщина должна при этом остановиться и сойти с дороги, хотя бы была старуха, а мужчина – маленький мальчик. Если мужчина и женщина идут вместе, то женщина должна идти позади даже в том случае, если она из царского рода, а мужчина – слуга.

Этот краткий перечень обычаев, приравнивающих женщину к домашним животным, мы закончим букетом из соответствующих пословиц, характеризующих прекрасную половину рода человеческого. О душе женщины: «у бабы не душа, а пар», «на семь баб одна душа». Об ее уме: «у бабы волос долог, да ум короток», «мужчина с медной головой лучше женщины с золотой головой», «мужчина видит действительное, а женщина – ошибочное», «советы женщины годятся только для женщины». О женской хитрости и лживости: «у собаки нет измены, у женщины нет верности», «хитрость одной женщины составляет поклажу для 40 ослов», «женщина – наказание Божие, а ласки ее – яд змеи». О болтливости: «не будь другом глупого, не говори тайны жене», «три женщины вместе составляют базар, а четыре – ярмарку». Об обхождении мужа с женой: «бей жену как шубу, меньше будет шуму», «бей жену к обеду, а к ужину опять, чтоб были щи горячи, каша масляная, жена ласковая, обходительная» и т.д.

Не ясно ли, что такие отношения полов имели своим источником только действительное неравенство их, что они не могли выработаться в человеческом обществе, если бы женщина по своему уму и характеру не уступала мужчине, если бы она была равна ему во всех отношениях?

14. ЗОЛОТОЙ ВЕК ЖЕНЩИНЫ

Амазонки. Участие древних женщин в бою. Женщины-предводительницы. Случаи равноправия женщин с мужчинами у древних и современных народов. Сходство древних женских костюмов с костюмами духовных лиц. Причины этого сходства.

Уже давно высказывалось в европейской науке мнение о возможности существования в отдаленном прошлом «Золотого века женщины» или так называемой «Гинекократической эры». По следам швейцарского ученого Бахгофена возникла даже целая школа, придерживающаяся такого мнения.

Эта школа, желая доказать свою мысль, ссылаясь между прочим на известную легенду об амазонках, женщинах-воинах, по рассказам древних потеряли охоту выходиться замуж, взялись за оружие и защищали свою республику от врагов без помощи мужчин. Кроме древне-классического мира легенда эта была известна в Богемии, на Кавказе, в Африке, в Южной Америке и на Новой Гвинее.

По нашим русским былинам, тип амазонки – «поляницы» изображался таким образом:

Едет поляничища удалая

Ай, удала поляничища великая,

Конь под нею как сильня гора…

Ай, кидает она палицу булатную,

Ай, под облаку да под ходячую…

Ай, одной рукой палицу похватыват

Как пером-то лебединым поигрыват…

Сила и ловкость этой женщины, по словам былины, были так велики, что в первом бою она одолевает даже любимого нашего богатыря, Илью Муромца.

Но, помимо легенд, мы имеем много исторических данных, повествующих о действительной воинственности древних женщин. О сарматах, народе, жившем по берегам Азовского моря, передают, что у них женщины «не чужды были войны». Девушки вступали там в брак только тогда, когда убивали врага, а иначе не имели шансов выйти замуж. Жены древних германцев, иберов и кимвров следовали на войну за своими мужьями, с яростью бросались на штурм неприятельских крепостей и предпочитали смерть рабству. У древних бретонцев во главе армии всегда находились женщины. Наконец, есть исторические данные о существовании амазонок в Тибете в VI и VII веках нашей эры.

Но не говоря уже об исторических временах, до сих пор существуют: женская гвардия в Сиаме и войско из женщин у народов дагоме и ашанти в Африке. Там же, в стране Лунда, королеву сопровождает гвардия из женщин, а у фулахов –

дворцовые офицеры – женщины. Кроме того, есть еще и теперь народы, у которых женщины дерутся на войне вместе с мужчинами, или так же хорошо как они, владеют оружием или наконец принимают участие в примерных боях и дают из своей среды силачей.

У арабских племен войсками, выступающими в поход, предводительствует молодая женщина, сидящая на верблюде. В древности германские женщины, а в настоящее время женщины ирокезов, гуронов и оибваев, решают вопрос о войне и мире. На Марианских островах женщины с копьями в руках чинят суд и расправу над мужчинами.

Близкое отношение древней женщины к войне доказывается, сверх того, археологическими раскопками. В Ютландии и на Кавказе часто вырывают женские скелеты с кинжалами и разным оружием возле тела. На тот же факт указывают некоторые древние обычаи. В Швеции в провинции Блекинг, сохранился обычай дарить новобрачной на свадьбу оружие всех сортов, «чтобы, как говорят, напомнить ей, что она должна следовать за своим мужем на битву». У спартанцев от женщины требовалось такое же спокойное перенесение боли душевной и физической, как и от мужчин, а у бечуанов и до настоящего времени, чтобы заставить женщину мужественно переносить страдания, мать говорит дочери: «ты женщина, а женщина не должна плакать».

Если трусость и миролюбие вели их обладательниц к утрате независимости и к рабству, то воинственность и храбрость давали им не только свободу, но даже и власть над другими. Были и есть народы, у которых женщины состоят правительницами и королевами. Такие примеры в древности находим мы более всего у семитов: Семирамида, мудрая царица Савская и пророчица Дебора. Из современных народов, не считая европейцев, королевами управляются африканцы. Иные из африканских государств даже и называются не иначе, как «страной королевы» или «страной женщины». Во многих местностях Африки рассказывается легенда об основании государств пришельце, снискавшем любовь местной королевы. В Азии женщины являются вождями у малайцев, а в Северной Америке у нарраганзетов, согконате, винибег крик, потоватоми, тлинкитов, коскимо, кватсино и натчезов. На Палаузских островах существует особое женское правительство, которое наблюдает за порядком между женщинами, учиняет им суд и расправу безо всякого вмешательства со стороны мужчин.

Как весьма редкое исключение существуют народы, которых женщины равноправны с мужчинами в области культа, так что могут быть священнослужителями. Есть даже такой удивительный и оригинальный народ, как мингрельцы, которые радуются девочке.

Наконец, можно перечислить целый ряд древних и новых народов, у которых женщина пользуется высоким положением в семье и в обществе. Ее лелеют, освобождают от тяжелых работ, хорошо с нею обращаются, не позволяют мужу бить ее или бросать на произвол судьбы без веских доказательств в пользу развода и допускают на общественные советы с правом голоса.

Сюда относятся:

В Европе: древние галлы, башкиры и калмыки.

В Азии: древние персы, армяне, мингрельцы, киргизы, жители Гиндуку, индусы, сиамцы, малайцы, чукчи, корейцы и самоеды.

В Африке: дагоме.

В Америке: колоши, нафайосы, индейцы Никарагуа и Орегона, селиши, отовали, клапроты, чиноки, нутка и др.

Одним из остатков золотого века женщин можно считать их старинные костюмы, которые по-видимому, были когда-то общими с мужчинами. Данных для этого дает немало этнографическая литература. Начать с того, что древние изображали некоторых из своих богинь в мужских шлемах на головах и с оружием в руках. Таковы богиня Истар у ассирийцев и Артемида у греков. Но что изображение женщин в мужском костюме не было только символическим или фантазией художника, видно из слов Второзакония: «На женщине не должно быть мужской одежды и мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок пред Господом Богом Твоим всякий делающий сие». Ясно, что такое запрещение не имело бы смысла, если бы не существовало соответствующих обычаев.

Сюда же относится очень интересное и с первого взгляда загадочное явление, это сходство или тождество женских народных костюмов с костюмами духовных лиц. Так например, отдельные части костюма иудейского Первосвященника, как они описываются в Библии, мы находим в старинных женских народных костюмах.

Головной убор Первосвященника «кидар» состоял из мягкой шапочки вроде ермолки и четырехугольной стоячей металлической дощечки на лбу. Такой же головной убор носят наши полесские женщины и черемиски Казанской губернии, только дощечка на лбу сделана не из металла, а из лубка. Металлические же дощечки без остального головного убора сохранились у женщин: в Тибете, у бангалов (в Африке) и у голландского простонародья.

Иудейский Первосвященник носил на груди металлический квадрат, привешенный на металлических цепях к плечам – «наперсник судный». Такое же украшение носили египетские фараоны. Квадраты на груди носят до сих пор китайские мандарины и женщины: еврейские, черемисские, чувашские, вотяцкие, башкирские, болгарские и швейцарские.

Металлические цепи, свешивающиеся с обоих плеч, есть у швейцарок.

Позвонки или бубенчики, которыми был обшит подол ризы иудейского Первосвященника, и которые в настоящее время пришиваются к мантии православного архиерея, найдены в раскопках, как украшение костюма древних русских женщин. Такие же украшения были в старину у литовок. Есть они и теперь у шведок, латышек и мордовок. В Африке – в Анголе и у лундов они являются знаком достоинства у начальников, и там же их носят женщины негритянского племени фанов. Оказывается, что обычай носить позвонки имел в древности религиозное значение. Греки, римляне и скандинавы считали позвонки сохраняющим талисманом, и приписывали ламиям (ведьмам) одеяло с колокольчиками, при посредстве которого день обращается в ночь, а ночь – в день.

Далее, некоторые части костюма нашего православного духовенства встречаются в виде народного костюма – у женщин разных народов, ничего общего с православием не имеющих. Так, головной убор в форме архиерейской митры носят женщины-эстляндки в окрестностях г. Ревеля.

Очень близкое подобие ризы нашего священника в форме юбки, надетой на плечи, с вырезом на груди для рук можно было видеть несколько лет тому назад в костюме латышских женщин на Рижской этнографической выставке.

Византийское мужское одеяние, изображаемое на византийских иконах и называвшееся у греков «саккосом» или «далматиком», оказалось в очень близком родстве не только по своему покрою, но даже и по вышивкам с мордовским «панаром» (верхним женским костюмом).

Еврейский молитвенный плащ («талэс»), который теперь носят также буддийские ламы в Монголии, и который составлял когда-то необходимую принадлежность костюма древних греков, римлян, фесалийцев и скифов, мы встречаем теперь у польских крестьянок, у латышек и у шведок.

В Абиссинии отличием православного духовенства считаются башмаки с загнутыми вверх носками, и ту же обувь носят тамошние женщины.

Кроме того, нет почти ни одной части мужского или женского костюма, которой бы мы не нашли у другого пола. Так, мужские шальвары мы встречаем у женщин: гуцульских (в Карпатах), казанских татарок, пшавов, гагаузов (в Болгарии), джалдов, аббисинцев и сиамцев.

Великорусские красные мужские рубахи оказываются у женщин: ингушей, удинов, кистинов, пшавов, чеченцев, кавказских татар и армян. А в то же время юбки, считающиеся во всей Европе принадлежностью женского костюма, встречаются у мужчин албанцев. К той же категории фактов нужно отнести одинаковость покроя мужского и женского верхнего платья, которая часто наблюдается у малороссов и белорусов, и на которую указывают также у монголов и калмыков. А при несходстве мужского и женского костюмов у некоторых племен, как бы в воспоминание их прежнего тождества, существует обычай девушек в торжественные минуты жизни, например, при венчании, надевать некоторые части мужского костюма, как это мы видим у русских галичанок.

Обычай нашего православного духовенства носить длинные волосы, как известно, сходится с таким же обычаем всех европейских женщин. Он оказывается очень древним, международным и, по словам Герберта Спенсера, является признаком «земного достоинства».

Что касается волос, то кстати уже будет упомянуть, что еврейские «пейсы», в виде длинных локонов на висках, встречаются в разных местностях как принадлежность женского костюма: у крымских татарок, у гагаузок (в старину), у женщин турецких сербов, у русских галичанок, у грузинок, в Дагестане, у казанских вотячек и у женщин Сиама.

Сходство костюмов духовных лиц с женскими кажется мне не случайным. Произошло оно, вероятно, потому, что женщины, вследствие консерватизма, а

духовные по предписанию религии, носят одни и те же очень древние костюмы, которые были когда-то общими для мужчин и женщин.

Таким образом, из собранных нами этнографических материалов видно, что школа Бахгофена была далеко не безосновательна, отыскивая отдаленном прошлом человечества следы «гинекократической эры». Мы могли бы теперь исправить ее взгляды только в том отношении, что «золотой век» женщины не был явлением обязательным и одновременным во всем мире. В разные времена он существовал у отдельных народов, но у одних мог повторяться несколько раз через большие промежутки времени, а у других могло его и вовсе не быть. Это видно хотя бы из того, что приведенные нами факты высокого положения женщины в обществе встречаются в обычаях и верованиях далеко не у каждого народа.

В следующей главе мы дадим еще более материалов по тому же самому вопросу, но полное его освещение возможно только во втором томе настоящего сочинения, когда будет речь о «вырождении человечества».

15. МАТЕРИНСКОЕ ПРАВО

Древность этого обычая и причины его появления. Замена материнского права отцовским. Выбор невест по признакам белой расы. Испытание их ума загадками и неисполнимыми задачами. Обмен четверостишиями. Требование от невест веселого нрава. Испытание воинственности женщин и их физической силы.

Если, как мы приводили в предыдущей главе, существует наследственность перекрестная, и если в жизни народов могли быть такие случаи, когда в одном или нескольких поколениях рождались женщины, стоявшие наравне с мужчинами или даже выше их, то естественно, что у таких женщин, в силу той же перекрестной наследственности, от мужей, стоявших даже ниже их, рождалось мужское поколение более высокое, чем от других женщин.

Этот факт не мог пройти незамеченным. И действительно, многие народные обычаи подтверждают верность нашего предположения.

«Утроба матери, – говорили древние, – кладет печать на ребенка», и думали, что кто-бы ни был отец, но от благородной матери дитя будет всегда благородным. Такого мнения держался, между прочим, и знаменитый Ликург. На этом основании запрет на неравный брак существовал только для мужчин высших сословий, для женщин такого запрета не было. В Африке, например, принцессы могли совершенно свободно выбирать себе мужа, и даже в том случае, если он был рабом, дети считались принцами. Так что принцессы одним своим выбором могли возводить в начальники простых землепашцев. По той же причине у многих народов аристократическое происхождение передавалось по женской линии, а не по мужской.

Этот обычай, называемый в этнографии «материнским правом», принадлежит к числу международных и весьма широко распространенных, что свидетельствует о его глубокой древности. «Когда Геродот, – говорит Ратцель, – нашел у ликийцев обычай, в силу которого дети принимали имя матери, и родословная велась не по мужской, а по женской линии, он предположил, что этот народ отличается от всех других. Но мы знаем теперь, что этот обычай существует у многих народов вполне сознательно или только в виде следов. Наследование должности начальника по женской линии удерживалось у народов всех рас». «Мак Леннан, – говорит Герберт Спенсер, – доказывает, что родословная по женской линии преобладает во всех частях света и, если бы это оказалось нужным, я мог бы подкрепить его многочисленные доказательства еще множеством других».

Наследственность перекрестная могла действовать только в первых поколениях, когда смешивалась высшая порода с низшей, а затем, когда неравенство между мужчинами и женщинами сглаживалось, то мужчины оказывались все-таки выше женщин по своей организации, и тогда «материнское право» заменялось «отцовским», о чем свидетельствуют многочисленные этнографические данные. Следы порядков, принятых в то время, сохранились в народных обрядах и обычаях, особенно в свадебных. Они свидетельствуют очень красноречиво, что для

улучшения породы в древности при заключении браков производился отбор почти исключительно одним женщинам, причем от них требовалась не «женственность», как в наше время, а наоборот, качества, приближавшие их к мужчинам, т.е. те, которые мы приписываем белому дилювиальному человеку.

Сюда относятся: 1) гибкий ум, 2) веселый нрав, 3) способность вызывать у окружающих людей то или другое настроение, 4) храбрость), 5) мужество, 6) физическая сила, 7) ловкость и, наконец, 8) наружность белой расы.

Из истории Царицы Савской, посетившей Соломона, мы знаем, что испытание ума производилось в древности загадками. Тот кто их легко отгадывал, считался человеком мудрым. И вот действительно мы видим, что девушку невесту на свадьбе испытывают загадками. Такой обычай указывает Оскар Кольберг у Мазуров Сувалкской губернии. В испорченном виде мы записали тот же обычай у гагаузов Бессарабской области. Там крестный отец жениха, являющийся на свадьбе представителем жениховой стороны, испытывает загадками же, но не саму невесту, а ее шаферов (по-тамошнему «изметчи»). Обычай этот у древних народов послужил темой для песен и сказок. Американский этнограф Чайльд собрал их много из этнографической литературы разных народов и поместил в своих вариантах к шотландским балладам. Для образчика мы приведем здесь русский вариант на эту тему:

Загадать ли тебе, девица, пять загадок?

– Отгадаю, сын купеческий, хоть десяток.

Уж и что это, девица, краше лета?

Уж и что это, девица, выше леса?

Уж и что это, девица, чаще рощи?

Уж и что это, девица, без коренья?

Уж и что это, девица, без умолку?

Уж и что это, девица, без ответу?

Краше лета, сын купеческий, красно солнце.

Выше леса, сын купеческий, светел месяц.

Чаще рощи, сын купеческий, часты звезды.

Без кореньев, сын купеческий, крупен жемчуг.

Без умолку, сын купеческий, течет речка.

Без ответу, сын купеческий, судьба Божья.

– *Отгадала ты, девица, отгадала.*

Уж и быть за мною, быть моей женою.

Заключение этой песни даже прямо указывает на то, что девица, отгадавшая загадки, получает право на выход замуж.

Любопытно, что во многих вариантах русской песни на эту тему, девушка, отгадывающая загадки, называется «девкой семилеткой». Конечно, певцы в настоящее время не могут объяснить, что такое значит «семилетка», но, по всей вероятности, это указание на ранний возраст, в котором в древности девушки вступали в брак.

Кроме того, девушку испытывали так называемыми «неисполнимыми задачами». Так как неисполнимую задачу решить было нельзя, то ответом на нее могла быть только такая же задача, еще менее исполнимая, чтобы ее придумать нужно было остроумие. Эта тема также чрезвычайно широко распространена по свету, как и первая, и также имеется в числе шотландских баллад у Чайльда. Вот для образчика ее русский вариант:

– Девушка спесива, не скажу спасибо,

Гляди прямо на меня, *я давно люблю тебя,*

Ты послушай, что скажу:

Напой моего коня среди синя моря.

Чтобы ворон конь напился, бран ковер не замочился,

Все такой как был он есть.

Сшей, мой милый, башмачки из желта песочка,

Чтоб песинка не терялась, никогда не рассыпалась,

Не терло бы резвых ног.

Напряди-ка, мила, дратов из дождевых капель,

Чтобы дратвы не дралися, башмачки бы не поролись,

Мог бы я ими сшить… и т.д.

Форма этой песни, обмен между парнем и девушкой четверостишиями, указывает на целый ряд других песен, вероятно имевших тоже самое значение, но вовсе не редких в народном репертуаре в особенности у тюркских племен. Только в них вместо неисполнимых задач *он* и *она* обмениваются четверостишиями, в которых каждый старается блеснуть своим остроумием по адресу другого пола. У гагаузов такое состязание между парнями и девушками практикуется и до настоящего времени в виде игры. Недостаток остроумия возмещается у них нередко циничными шутками, а подчас и просто бранью. Примеры подобных четверостиший приведены нами в книге «Наречие бессарабских гагаузов».

Свадебных обрядов, в которых испытывался бы веселый нрав невесты, нам не удалось найти, но на их существование в древности указывает требование, предъявляемое к подружке невесты на великорусских свадьбах, чтобы она была весела, всех смешила и знала много пословиц и прибауток. Требование от самой невесты здесь, по-видимому, переносится на подружку, как ее представителя, которая первоначально выбиралась из ее родственников.

Совершенно такое же явление наблюдается на еврейской свадьбе: там роль

подружки исполняет наемный специалист, «батхен», на обязанности которого лежит сначала заставить свадебных гостей плакать, а потом рассмешить их, что он и достигает соответствующими песнями.

У олонецких крестьян на свадьбе невеста должна очень долго в течение свадебных дней причитать, оплакивая девичью свободу, для чего от нее требуется ум, собственная инициатива и поэтическое чувство, так как заплачки исполняются соответственно окружающим обстоятельствам, т.е. экспромтом и притом в известном размере. В настоящее время такое требование обходится: вместо невесты заплачки исполняются наемной плакальщицей.

Об испытании воинственных способностей девушки свидетельствует немало обычаев.

Вероятно, таково именно происхождение одного свадебного обычая в Бельгии, заключающегося в том, что молодые парни проезжают верхом мимо невесты, вооруженной тростью, и стараются отнять у нее эту трость, а та бьет их по чем попало. Если девушка окажется победительницей, то ее считают *«сильной, мужественного духа»* и объявляют хозяйкой дома.

У некоторых народов, говорит Плосс, мы встречаем борьбу между мужчиной и девушкой, собирающимися вступить в брак. Так, у акаев между женихом и избранной им девушкой должен произойти поединок; кто при этом одерживает победу, тот сохраняет за собой первенствующее положение в браке.

У готтентотов жених, ищущий невесту и не снискавший любви девушки, старается завладеть ею посредством поединка.

В Португалии существует такой народный обычай: «Когда в Миранда дю Доро девушка собирается выйти замуж, она незадолго до свадьбы «случайным образом» наталкивается на своего жениха, который колотит ее палкой; однако же она не принимает терпеливо этого выражения нежной любви, а старается отплатить той же монетой, причем бьет своего будущего господина изо всех сил».

Известно, что в песне Нибелунгов также приводится подобная борьба с избранницей сердца. Здесь именно говорится о свадебной ночи Гунтера с Брунгильдой: «Она связала ему руки и ноги, понесла его и повесила на гвозде, вбитом в стену; он не мог этого предотвратить; от ее силы он едва не погиб». Лишь необыкновенная сила Зигфрида могла укротить в следующую ночь сопротивляющуюся деву: «Она ниспровергла его, но гнев придал ему силы и столько могущества, что он поднялся, вопреки ее усилиям; борьба была упорна: в комнате раздавался то тут, то там шум ударов. Они боролись с такою яростью, что просто удивительно, как они оба могли остаться в живых».

Еще и теперь борьба жениха с избранницей сердца, по словам Плосса, играет в Германии иногда весьма важную роль. У нас, русских, по-видимому, в старину бьио то же самое, судя по содержанию некоторых хороводных песен, в которых передается, как «детинка-щеголек»

Просил девушек побороться,

Все девушки разбежались,

Вани, молодца, испужались,

Одна Дунюшка устоялась,

Дуня с молодцом боролась,

Дуня молодца одолела,

Кушак, шапочку в грязь втоптала.

У немцев в Нижней Австрии прежде ежегодно бывали состязания между парнями и девушками в беге. У нас по-видимому, остаток такого состязания сохраняется в старинной игре «в горелки».

Что касается требований от невесты наружности белой расы, то вопрос этот будет рассмотрен в следующей главе.

16. ИСКУССТВЕННЫЕ УРОДСТВА, ПРАКТИКУЕМЫЕ С ЦЕЛЬЮ УКРАШЕНИЯ

Идеалы женской красоты. Искусственное деформирование черепа. Белила и румяна. Значение раскрашивания, принятого у цветных рас. Маски. Происхождение серег. Искусственное увеличение икр и ручных мускулов. Искусственная тучность.

Когда белый человек смешивался с питекантропом, или высшие расы с низшими, они не могли не заметить перемен в худшую сторону, происходивших в наружности их потомства. А так как белую расу высоко ценили, то естественно было желание всеми возможными средствами к ней возвратиться. Этого старались достигнуть многими способами, а в особенности подбирая себе невесту по известному идеалу красоты и искусственно уродуя свои органы, чтобы придать им сходство с органами белой расы.

Хотя идеал красоты обыкновенно воспевался в любовных песнях и таким образом был несколько застрахован от забвения, но и песни со временем забывались или изменялись, по мере того как они расходились с действительностью, а люди перерождались в сторону питекантропа. Поэтому черты белого дилювиального человека мы можем искать разве только в идеале красоты белых рас, наименее от него удалившихся. И вот здесь мы действительно находим: лебединую, т.е. длинную и белую шею, белоснежную грудь, щеки – кровь с молоком, маленький ротик, маленькие ручки, маленькую ножку с высоким подъемом, прямой, не слишком длинный и не слишком короткий, не слишком острый и тупой нос и т. под.

У рас же цветных из их современного понятия о женской красоте мы не узнаем древнего идеала, если не рассмотрим тех уродств, которым они себя подвергают, в особенности женщины, с целью украшения. Вначале уродование практиковалось, вероятно, как фальсификация красоты, но потом это было забыто и люди старались только исполнить старинный обычай, к которому все привыкли, не понимая ни смысла его, ни значения.

Голова белого человека при перерождении в питекантропа из длинной становилась короткой, а лоб из высокого – низким. Поэтому явилось желание деформировать череп новорожденных детей таким образом, чтобы удлинить череп и лоб. Но потом, с течением времени, первоначальная цель была забыта вместе со способом деформирования. К настоящему времени уцелела только идея его необходимости. Но что первоначальное намерение было действительно из короткой головы сделать длинную, видно во-первых, из того, что обычай деформирования черепа распространен только в Европе, Азии и Африке, где живут расы коротко- или среднеголовые, и отсутствует в Африке, где головы негритянской расы и без того длинные. Во-вторых, из семи способов деформирования головы, практикующихся в разных местностях и описанных у Ранке, два имеют ясное намерение сделать голову человека длиннее.

Обычай деформации черепа принадлежит глубокой древности, так как следы

его найдены в древних гробницах в Крыму, в Венгрии, в Германии и даже Англии. Был он и в исторические времена, так как о нем писали: Гиппократ, Помпоний Мела, Плиний и Страбон. Был и в средневековой Европе: у германцев, галлов, итальянцев, греков и гуннов, а в настоящее время очень широко распространен по свету у самых отдаленных между собой народов. Он существует в Европе (Франция, Бельгия, Силезия, Венгрия, Турция, Крым и Кавказ), в Азии (Суматра и Никобарские острова), во многих местах Полинезии, в Северной Америке, которая считается классической страной деформирования (хинуки, нутка, крик, нагуа, индейцы Флориды, туземцы Панамского перешейка, индейцы Каролины и Орегона) и в Южной (караибы и патагонцы).Что обычай этот является более необходимым для высших классов общества, чем для низших, это ясно само собой, так как наибольшие претензии принадлежать к высшей длинноголовой расе имели, конечно, высшие сословия. И действительно, по словам Гиппократа, у древних микроцефалов деформированная форма черепов считалась признаком благородства. У индейцев Северной Америки она считается привелегией свободных классов и запрещается рабам. То же самое было и древнем Перу. Торквемада утверждает, что искусственная форма головы, отличавшая царей, в виде особого преимущества разрешалась только высшей аристократии.

Далее, лицо белого человека от перерождения теряло румянец и становилось сначала бледным, потом смуглым и, наконец, в жарких странах черным. Даже у наших европейских модниц в большом обыкновении белиться и румяниться, но они делают это секретно, потому что есть много женщин, которые в таком украшении не нуждаются.

У народов еще не совсем цветных, но с более смуглой кожей, как наши ногайцы или японцы, тоже самое делается всеми женщинами, а потому перестает быть секретом и даже обращается в обязательный обычай. Например, ногайский жених в числе свадебных подарков преподносит своей невесте белила и румяна.

Наконец, у народов совершенно цветных раскрашивание лица в белый и красный цвета приобретает даже религиозное значение. Так, еще у древних египтян румяна клали с покойником в могилу. По словам Ратцеля, такое раскрашивание в белый и красный цвета распространено по земному шару очень широко. У австралийцев, например, белят лицо для танцев, или же раскрашивают его в белый и красный цвета. Такое же раскрашивание лица белым и красным для военных танцев практикуется и у североамериканских индейцев. Африканские нефы раскрашивают себе лицо в красный и белый цвета, идя на войну. Девушки американских индейцев делают то же самое, когда влюблены. Некоторые раскрашивают в красный цвет мертвых. Как прогресс в этом деле, относящийся впрочем также к отдаленным временам, нужно считать маски, которые, по-видимому, заменяли раскраску лица, судя потому, что они употребляются совершенно в тех же случаях, как и раскрашивание. Так например, маски для танцев употребляются у североамериканских индейцев. При религиозных церемониях они употреблялись с древнейших времен: в Китае, Тибете, Индии, в древней Мексике и в древнем Перу, у эскимосов, меланезийцев, африканских негров и алеутов. Затем, на войне маски употреблялись в старину у японцев. И, наконец, в качестве похоронных надевались на покойников, употреблялись в глубокой древности: в Египте, в Финикии, в

Ниневии, в древней Италии, на Пиренейском полуострове, во Франции, в Крыму, в Сибири и в древнем Перу.

В такие же самые цвета, т.е. в белый и красный, раскрашивают и волосы, чтобы изобразить блондинов и рыжих.

У многих цветных рас, по наблюдению антропологов, *ушные мочки отсутствуют*. Это замечено, например, у японцев, у других восточных азиатов и у кабилов Северной Африки. Отсюда понятно желание цветных щеголей из подражания белой расе удлинять мочки, подвешиванием на них тяжестей. Ботокуды и некоторые другие бразильские племена, по словам Д. Анучина, имеют обычай протыкать детям еще в младенчестве ушные мочки и вставлять в отверстие небольшие деревянные цилиндрики. Заменяя с течением времени эти цилиндрики все более и более крупными, достигают наконец отверстия в 3-4 дюйма в диаметре. Обычай вытягивания ушных мочек распространен очень широко. Кроме разных американских племен, в том числе древних перуанцев, он был найден в Полинезии: на острове Пасхи, на островах Фиджи, Мореплавателей, Дружбы, Товарищества и др., в Азии: в Ассаме, Аракане, Бирме, Лаосе, в Индии, на Цейлоне, на островах Малайского архипелага, Никобарских, Адмиралтейства, Соломоновых, Новогибридких, кроме того, в Африке и у древних греков. Обычай этот, по-видимому, имеет некоторое соотношение с религией. На острове Пасхи, где уши туземцев были искусственно растянуты до плеч, поклонялись древним колоссальным статуям, которые также имели отвислые уши. Многие скульптурные изображения Будды воспроизводят его с длинными висячими ушами и с продырявленными мочками. То же самое повторяется и у индийских идолов разных наименований. У древних перуанцев протыкание мочек считалось исключительной принадлежностью знати и сопровождалось религиозными церемониями в храме солнца.

Отсюда понятно обыкновение наших женщин носить серьги. Отсюда же ясно, почему некоторые из дикарей носят серьги кроме ушей еще и на конце носа, так как известно, что низшие расы отличаются от белой короткими и вздернутыми носами.

Известно, что низшие расы отличаются от белой отсутствием икр на ногах и слабым развитием ручных мускулов, а потому явилась надобность фальсифицировать и эти органы. Искусственное утолщение икр практикуется, между прочим, у американских индианок. С этой целью выше щиколоток и ниже колен носят такие тесные кольца и повязки, что они врезываются в тело. Африканские негритянки, чтобы скрыть худобу своих икр, носят на них сплошной ряд металлических колец, покрывающих всю икру. Абиссинки делают такие же кольца из овечьей шкуры и наматывают их на ногу в 3-4 ряда. Наконец, наши черемиски Казанской губернии, малороссиянки Ровенского уезда, женщины горских народов в Гималаях и якутки достигают того же самого наматыванием на ногу большого количества тряпок, отчего ноги их делаются похожими на бревна.

Подобным же образом некоторые народы стараются утолстить мускулы рук, для чего затягивают кольцами или шкурами руки у сочленения кисти и у предплечья. Отсюда же, вероятно, берут свое начало и браслеты наших дам.

Так как маленькие ножки являются исключительной принадлежностью белой расы в отличие от низших рас, у которых ступни крупных размеров, то у китаянок мы находим обычай уродования ног, чтобы сделать их маленькими. Подобный излишек красоты дозволяют себе только дамы высших сословий.

Наконец, такую же цель подражать белой расе имел, вероятно, тоже довольно широко распространенный обычай искусственного ожирения женщин, для чего их лишают перед свадьбой моциона и откармливают самой лучшей пищей. Наблюдается такой обычай в Северной Африке, в Индии, Полинезии и в Америке. У наших великороссийских крестьянок Олонецкой губернии, у женщин шведского, голландского и польского простонародья откармливание заменяется надеванием большого количества юбок.

Вероятно, тучность считалась когда-то одним из отличительных признаков белой расы, судя по очень древнему верованию китайцев, которые местопребывание ума искали в желудке и считали тучность признаком большого ума. Китайское изображение Будды Шакьямуни есть олицетворение этой идеи: отвислый живот, безобразная тучность и оплывшее от жиру лицо. Чуть не открыто похваляясь обжорством, китайцы совершенно счастливы, когда про них говорят: «этот человек умен». У таитян седалищем жизни и духа считается брюшная область. На островах Тонга местопребыванием мужества, воли и вообще души считается печень, которая, по мнению туземцев, у храбрых людей особенно велика. Даже Платон считал печень зеркалом души.

Ниже мы увидим, почему ожирение является уделом высших рас, а не низших.

Мы перечислили здесь главнейшие формы уродования с целью украшения, и преимущественно такие, в которых видно подражание белой расе. Но есть и другие, как например, татуировки, подвешивание тяжести к губам, выбривание макушки головы в виде плеши и т.п., в которых не видно такого подражания. По этому поводу надо заметить, что уродования практиковались не всегда по лучшим образцам белой расы, а только по тем, которые давали завоеватели из высших рас, являвшиеся к низшим.

Во втором томе нашего сочинения будет указано по каким именно причинам и при каких условиях происходили такие передвижения высших рас. Здесь же напомним, что переселенцы бывали далеко не всегда чистокровными белыми, они могли быть и полубелыми. А потому, если в числе их черт случались иногда некоторые недостатки, некоторые черты низших рас, то и они наравне с прочими являлись предметом подражания для туземцев. Таким образом, если мы предположим для примера, что племя полубелое с отвислыми губами (признак низших рас) являлось к еще более низким дикарям, то эти последние из подражания своим доблестным завоевателям старались удлинить свои губы подвешиванием к ним тяжестей. Впрочем, таких случайным форм уродования вообще очень немного.

17. ПРОИСХОЖДЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ БРАКА

Моногамия. Полигамия. Следы моногамии в полигамии. Полиандрия. Беспорядочное смещение полов.

У разных народов земного шара существуют, как известно, три главные формы брака: 1) Одноженство или Моногамия, 2) Многоженство или Полигамия и 3) Многомужество или Полиандрия.

У исследователя этих трех форм прежде всего является вопрос: которая из них самая древняя? Для разъяснения его мы обратимся к животному царству. Дарвин, рассматривая формы брака у разных животных, вовсе не нашел многоженства у низших классов, в остальных же классах нашел и одноженство и многоженство, но заметил некоторую связь между многоженством и вторичными половыми признаками. А именно, полигамия преобладает у животных диморфных, т.е. у таких, у которых существуют вторичные половые признаки, а у остальных животных, не обладающих такими признаками, наоборот, преобладает моногамия. Так, в числе полигамов, у которых существуют ясные половые различия, автор перечисляет кроме птиц: тюленей, львов, диких лошадей с Фольклендских островов, кабана, антилопу, сайгу и индейского слона, а из обезьян: гориллу, шимпанзе и некоторых американских обезьян. В числе же животных, не имеющих вторичных половых признаков и в то же время моногамов, он отмечает толстокожих (кроме индийского слона) и оранга.

Следовательно, если прилагать законы, наблюдаемые у животных, к людям, то у дилювиального человека, не имевшего вторичных половых признаков, мы вправе ожидать моногамию, а у позднейшего человека, гибридного – многоженство. И действительно, одноженство, как предполагающее равноправность супругов, более гармонирует с равенством между мужчиной и женщиной в физическом и умственном отношении, каковое предполагается у дилювиального человека. Наоборот, когда женщины после смешения стали ниже мужчины во всех отношениях, естественнее бьио для мужчины составлять из таких женщин гаремы, в которых всегда предполагается некоторое подчинение жен мужу.

В настоящее время строго моногамных народов сравнительно немного. К ним принадлежат европейские христиане, берберы, евреи и некоторые из магометан, сохранившие свой древний обычай одноженства, несмотря на принадлежность к полигамной религии, как например, горцы у подножия Эльбруса, кабардинцы и туареги (в Сахаре), т.е. вероятно, такие народы, которые или не вышли из своей первобытной прародины Европы, или сравнительно недалеко от нее отошли. Что в Европе моногамия обычаи не новый, видно из слов Тацита, по свидетельству которого, в его время у германцев существовала очень строгая моногамия.

Кроме того, моногамия существует у самых низших дикарей: у лесных веддов Индии, у бушменов, у обитателей Порт-Дори на Новой Гвинее, у даяков острова

Борнео и у лесных племен Бразилии.

Возможно, что европейцы имели более шансов остаться моногамами, хотя бы потому, что для них труднее было доставать жен, чем для их собратьев, переселившихся в другие части света, изобиловавшие питекантропами. Но, впрочем, и у европейцев в древности некоторое время существовала полигамия. Тацит допускает, что между германскими вождями встречалось многоженство. Адам Бременский говорит о многоженстве у шведов. Кроме того, многоженство было у меровингских королей, а также в каролингском периоде и у славян до введения христианства.

Что касается дикарей, сохранивших моногамию, то вероятно, этот обычай вызывался у них недостатком излишних женщин. Низшие дикари народ очень бедный, а многоженство требует материальных средств. По словам Герберта Спенсера: «Многочисленные свидетельства показывают нам прямо или косвенно, что в полигамических обществах многоженство преобладает только между более богатыми или более знатными из их членов. Мы имеем право, – говорит автор, – заключить, что в большинстве случае, где существует многоженство, одновременно с ним существует и моногамия и притом в более сильной степени. Менее состоятельные люди, которые повсюду должны составлять большинство населения, или вовсе не имеют жен, или имеют каждый лишь по одной жене».

Если мы затем обратимся к многоженству, то увидим, что у человека эта форма брака более новая, чем одноженство, во-первых, потому, что от одноженства к многоженству есть переходные формы, а во-вторых, в многоженстве всегда сохраняются следы более раннего одноженства.

Одной из переходных форм от моногамии к полигамии можно считать брак, принятый в настоящее время в Японии, но некогда известный и в Европе. По законам японец может иметь только одну жену, которая должна быть с ним одного сословия, и, сверх того, ему дозволяется приобретать сколько угодно наложниц. Такие же обычаи существуют и в Китае. У атланта (в Африке) одна жена считается «законной», а все остальные – «наложницами». У древних персов, цари которых кроме наложниц имели трех или четырех жен, лишь одна из них была королевою и считалась женою в отличном смысле от других. У ассириян царь имел только одну жену и несколько наложниц. То же было у древних египтян и до сих пор у повелителей Абиссинии.

На следующей ступени у полигамических народов одна жена считается «первой» или «главной» и пользуется разными отличиями и привилегиями. Например, у южно-американских индейцев такой главной женой считается или старейшая, или та, которая взята первой. У знатных таитян и чибчасов – главная жена – первая по времени. У дамаров и фиджийцев – первой женой становится самая любимая и т.д.

У властителей многих африканских народов право наследования престола принадлежит только главной жене. У южно-американских индейцев главная жена заведует всем домом, а у крусов (в Африке) только она имеет право обедать вместе с мужем и в знак своего отличия носит на шее нитку перлов.

Третья форма брака, полиандрия, распространена по земному шару менее, чем две остальные. Мак Ленан и Шарль Летурно считают полиандрическими народами: древних арабов, гаунчей Канарских островов, тибетцев, туземцев Кашмира и Гималайских областей, тодов, коргов, наиров, цейлонцев и другие племена Индии, новозеландцев, жителей одного или двух островов Тихого океана, алеутов, туземцев Ориноко и некоторых частей Африки. К ним присоединяют древних бретонцев, пиктов, готов, наших запорожских казаков (?) и находят следы полинадрии даже у древних германцев.

Хотя в настоящее время эта форма брака далеко не всегда вызывается необходимостью, т.е. недостатком женщин, но в древности возможно допустить такую необходимость. Например, на острове Цейлоне она господствует только между высшими классами, так как низшие живут в моногамии.

Действительно, отношение числа мужских рождений к женским далеко не одинаково не только в разных странах, но даже в одной и той же стране в разные времена. В Европе оно в среднем составляет 106 мальчиков на 100 девочек, причем избыток мужчин уравнивается их большей смертностью. Но в других странах перевес мужских рождений бывает гораздо более значительным. Например, на Сандвичевых островах в 1839 году на 100 взрослых женщин приходилось 125,08 мужчин, на Новой Зеландии в 1858 г. – 130,3. у тодов Индии в настоящее время – 133,3. От каких причин происходит такой перевес мужского пола, я еще не берусь решить, но он мог быть очень серьезной причиной появление полиандрии, вовсе не наблюдающейся у животных, за исключением пчел и муравьев, в особенности у народов эндогамных, которым обычай или религия не дозволяли брать жен из чуждого племени.

Что касается той формы брака, которая наблюдается в настоящее время у некоторых из самых низших племен, так называемое «полное смешение полов», принимаемое некоторыми современными этнологами за первобытную форму брака, то мне кажется, что оно явилось только как результат падения человека. Известно, что при своем падении человечество во многих отношениях становится ниже животных. Достаточно вспомнить противоестественные пороки человека, неизвестные животным, проституцию и проч.

Но, впрочем, есть авторы, которые отвергают даже возможность у людей такого брака, который мы в праве были бы назвать «общим беспорядочным смешением полов». «Распущенность многих дикарей, – говорит Дарвин, – без всякого сомнения, страшно велика, но, мне кажется, нужно иметь больше фактов, чтобы иметь право допустить, что между ними существует общее смешение полов… Покойный сэр А. Смит, много путешествовавший в Южной Африке и сделавший обширные наблюдения над нравами дикарей там и во многих других местностях, высказал самым положительным образом, что по его мнению, нет ни одной человеческой расы у которой существовал бы взгляд на женщину, как на собственность общины».

По тому же поводу Деникер высказывается следующим образом: «Гипотеза беспорядочных сношений между полами, или же «общинного брака», имеет теперь лишь очень немногих сторонников. Мы знаем, что в настоящее время нет на земном шаре ни одной народности, у которой практиковалось бы беспорядочное смешение

полов. Что касается исторических данных, свидетельствующих о существовании такого обычая в давно минувшие времена, то они сводятся к трем или четырем выдержкам из Геродота, Страбона и Солона, истолкование которых весьма сомнительно». «Утверждали, – говорит автор, – что каждый мужчина мог сходиться с каждой женщиной; «на подобие того, как это делается у животных», присовокупляли некоторые исследователи, забывая, что среди животных, наиболее близких к человеку, состояние беспорядочного смешения полов представляет собою редкое, исключительное явление, между тем как у многих птиц и млекопитающих существуют семьи, в основе которых лежит многоженство или даже единобрачие».

Ш. Летурно выражается в том же духе: «Некоторые социологи принимали, – говорит он, – что общность жен представляла собою первую и необходимую стадию полового сожительства у человека. Но, конечно, у них было бы менее уверенности, если бы они, так же, как и мы, не принимались за социологию человечества, не познакомившись с социологией животных. Большая часть животных способна к сильной и ревнивой любви. Птицы могут служить образцом верности, постоянства, трогательной привязанности и скромности. Большинство млекопитающих уже достигло уровня нравственности, несовместимого со смешением полов. Человекообразные обезьяны тоже не придерживаются его. У человека смешение было и есть, о чем свидетельствует большое количество фактов древности и настоящего времени, но оно всегда было только исключением».

18. СОСЛОВИЯ

Отчего так упорно сохраняются сословные различия. Положение низших классов у нецивилизованных людей. Причины такого положения.

Покончив с семейными отношениями и с женским вопросом в доисторические времена, мы обратимся теперь к общественным отношениям, а именно к разделению общества на сословия, на высшие или правящие классы и низшие.

Мы уже говорили выше, что по нашей теории первыми правящими классами были белые дилювиальные люди неолитического века, а первыми рабами – питекантропы, т.е. бессловесные существа, содержавшиеся людьми в качестве домашних животных. Следовательно, современные высшие классы должны бы быть потомками белого дилювиального человека, а низшие – потомками питекантропа. Но так как те и другие слились, образовав среднюю промежуточную расу, то высшие сословия понизились от такого смешения, а низшие – повысились.

Казалось бы, что между теми и другими в настоящее время, по прошествии многих десятков тысячелетий, не должно быть никакого различия, ни физического, ни социального. Тем более, что высшие сословия вообще склонны к вымиранию, а для низших нет возможности раз и навсегда закрыть доступ в высшие. Значит, высшие сословия в сущности, вовсе не могут считаться прямыми потомками первых «господ».

Но мы видим, что такое различие существует до настоящего времени в полной силе в особенности у низших рас. Потомки бывших «господ» и по сие время называются «благородными», «свободными», «почтенными», «господами» и пр., а потомки бывших домашних животных «презренными», «приниженными», «злокозненными», «рабами», «крепостными», «простонародьем» и пр.

У высших же рас, как ни стараются передовые люди общества уничтожить это различие, но не могут. Если его упразднять законодательным порядком, то вместо прежних классов являются новые: денежное сословие (представители капитала) и рабочее (представители труда), так что сущность дела остается все та же самая. Причина этого, как мы увидим из следующей главы, заключается в том, что между сословиями существует различие не только социальное, но и антропологическое, т.е. различие в умственном и физическом отношении, которое никакими законами уничтожить нельзя.

Что же за причина такого странного явления?

С точки зрения социальной науки отчуждение сословий поддерживается консерватизмом народных масс и с этим, пожалуй, можно было бы согласиться, если бы не существовало различия антропологического. Как ни стараются его игнорировать представители современной социальной науки, как ни стараются уменьшить, как ни пытаются объяснить различием в жизненной обстановке и воспитании, но все это возможно только с точки зрения теории Ламарка, по которой типы изменяются под влиянием внешних факторов. Если же теория эта, как мы

доказали выше, ложна в самом своем основании и противоречит законам природы, то у современной науки нет никакого ответа на поставленный нами вопрос.

С точки зрения нашей теории различие между сословиями можно объяснить, только принявши естественный закон, по которому смешанные породы, такие, как человек, никогда между собою слиться не могут и никогда не образуют постоянной промежуточной породы. О том же свидетельствует и различие у человека между полами. Вторичные половые признаки вечно стремятся к уничтожению. Мужской пол постоянно передает свои свойства женскому, а женский – мужскому. Мы видели выше, что эти признаки уже много раз сглаживались, а затем снова расходились. В окончательном результате оба пола когда-нибудь должны были бы сравняться, если бы тому не препятствовал закон, на который мы указываем.

Некоторые данные о существовании такого закона дает нам и зоология. «Известно, – говорит Дарвин, – что при скрещивании двух различных пород в потомке существует, в продолжение нескольких поколений сильное стремление возвратиться к одной или к обеим родительским формам. *Но решительно нет возможности установить какое-либо правило относительно того, как скоро уничтожаются все следы такого стремления*». Многовековой опыт человеческого рода именно и доказывает, что такое стремление никогда не может уничтожиться, что смешанная порода никогда, ни при каких условиях, не может сделаться чистой.

Хотя высшие сословия у нас в Европе еще не совсем утратили свое прежнее положение в обществе, но они не сохранили и тени тех прерогатив, которыми пользовались их предки в глубокой древности; чтобы получить об этом понятие, необходимо обратиться к народам диким и варварским, так как у них всякая старина сохраняется лучше, чем у нас. Особенно яркая картина этого положения вещей нарисуется перед нами, если мы соберем в одно целое соответствующие обычаи разных народов.

Различие между сословиями обнаруживается прежде всего в области религии. Высшие не желали смешиваться с низшими не только на земле, но даже и в загробной жизни. Рай назначался для высших классов, а ад – для низших, или же предполагался для высших особый рай, в который низшие не должны допускаться, если же кое-где и могли допускаться, то не иначе, как в качестве слуг, для чего на могиле человека высшего класса убивали толпы его рабов. Подобные взгляды на загробную жизнь были не только у дикарей, но даже у исповедников таких, сравнительно высоких религий, как магометанство. Соответственно им различие между сословиями проводилось и в обрядах, а в особенности в похоронном. В повседневной жизни низшие классы не могли пользоваться общественными дорогами, не могли строить около них своих хижин и не должны были посещать рынок. При приближении человека высшего сословия им бьио обязательно прятаться в чащу леса и давать оттуда знаки о своем присутствии. Они не должны были приближаться к человеку высшего сословия ближе, чем на известное число шагов, а при встрече с ним, падали ниц, или становились на колени и оставались в такой позе до тех пор, пока им не дозволялось встать. Если они обращались к человеку высшего сословия, то должны были называть его не иначе, как во множественном числе. В случае не исполнения таких обычаев простолюдинов

подвергали суровым наказаниям и даже смертной казни.

Высшим сословиям вместе с королем принадлежала вся земля в государстве, они могли наказывать, увечить и даже убивать простолюдина. А этому последнему запрещалось нападать на представителей высшего сословия даже и на войне, если люди этого сословия принадлежали к числу неприятелей. За убийство человека высшего сословия наказания и штрафы полагались гораздо выше, чем за убийство простолюдина. Жизнь человека низшего класса не имела никакой ценности.

С другой стороны, благородному запрещалось входить в хижины простонародья, которые считались для него нечистыми. Ему не дозволялось не только прикасаться к человеку низшего сословия или есть вместе с ним, но даже вкушать приготовленную им пищу.

Само собой разумеется, что исключительной привилегией носить оружие пользовались только лица высшего сословия, для низшего не дозволялось: ни ношение оружия, ни татуировка, ни одежда известного покроя, присвоенного высшему, ни езда на лошади верхом и т.д.

С точки зрения нашей теории такая глубокая пропасть между простонародьем и высшими классами общества совершенно понятна и естественна, и являлась только отражением действительной разницы между ними в умственном и физическом отношении. Но с точки зрения общепринятой теории, допускающей выделение высших сословий из среды низших и приобретение всех привилегий путем узурпации, путем целого ряда обманов и злоупотреблении, такое положение вещей объясняется слишком искусственно, натянуто и потому неудовлетворительно. Общепринятая теория ни на волос не верит людям она предполагает в человечестве невероятную массу лжи и подлости и, кроме того, делает эту подлость всемирной, так как порядок, близкий к описанному нами, встречался на земле повсюду, где было хоть только подобие государства или организованного общества. А главная ошибка этой точки зрения все-таки заключается в игнорировании антропологического различия между сословиями, которое с древних времен было известно как высшим, так и низшим классам.

Эти последние ценили в лицах правящих и в представителях высших сословий кровь белого человека, на что указывают те термины, которые прилагались народом к отличию классов одного от другого. Так, например, нам русским известно название для высших сословий – «белая кость», которое прежде употреблялось вовсе не в ироническом смысле, как теперь. Нашего Государя народ называл не без основания «белый Царь», так как простонародье называлось «черным народом», «чернетью» и «чернью». То же самое видим мы и у тюркских народов. Так, например, киргизы и урянхайцы Тарабагатайского округа называют свои высшие классы «ак суюк» (белая кость), а, кроме того, различают еще «черную» и «среднюю».

19. ФИЗИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ВЫСШИМИ КЛАССАМИ И НИЗШИМИ

в Полинезии, в Африке, в Японии, в древней Германии и современной Европе. Закон расслоения общества. Физические различия между сословиями в Италии, Испании, Англии, Ирландии, Дании, Германии и России.

Такие различия встречаются повсюду. О тасманийцах, ныне уже вымерших, писали, что «вожди их были высокие и сильные люди». О племени тапийо (в Южной Америке), что «следы (ног) их вождей как величиною, так и длиною шага превосходят следы остальной части племени». На Сандвичевых островах вожди «высоки и сильны и по своей наружности настолько превосходят простой народ, что некоторые считали их принадлежащими к отдельной расе». О таитянах говорят, что их вожди «почти все без исключения настолько же выше простолюдинов по физической силе, насколько выше по своему рангу и положению», на подобное же различие указывают и между тонганцами. У Дюмон-Дюрвиля мы находим рассказ о старшине острова Вити-Леву: «Его рост, доходивший до 5 ф. 9 д., его правильные формы, лицо истинно прекрасное, несмотря на смуглость, наружность благородная и вместе тихая, ласковая, делали из него человека порядочного, который странно противоречил с обществом Витийских каннибалов. В этом случае, как и во многих других, – говорит путешественник, – я мог убедиться, что океанийская аристократия происходит от семейств, наилучше одаренных в отношении физическом и нравственном».

Высший класс: Низший класс:

Цвет кожи: Приближается к европейскому Темно-желтый и светло-бурый.

Телосложение: Стройное Отсутствие грациозности

Рост: Более высокий Невысокий

Голова: Более длинная Короткая

Лицо: Продолговатое и более узкое Широкое и короткое

Подбородок: Узкий, заметно выступающий Широкий

Скулы: Выдающиеся

Рот: Небольшой Довольно большой

Кисти рук: Длинные, худощавые, малых

размеров и деликатного сложения

Пальцы рук: Длинные Короткие

То же наблюдается и между африканскими рангами: «Придворные дамы высоки и элегантны; их кожа гладка и прозрачна; их красота жизненна и долговечна. Девушки средних классов часто также красивы, но в большинстве случаев малы ростом, грубы и скоро отцветают; в низших классах редко можно встретить красивую наружность; мы находим там фигуры согнутые, малорослые, иногда почти уродливые». «У бечуанов в Литтаку высшие классы отличаются более светлым цветом кожи, значительно большей величиной тела и более европейскими чертами лица. У многих поколений китайцев, живших среди довольствия и просвещения, черты монгольской расы ослабились и уступили свое место благородным».

Подобные же сведения о современных типах японского народа собрал немецкий антрополог Эрвин Бельц, бывший в течение 17 лет профессором токийского университета.

«На Европейцев, – говорит этот ученый, – народные типы Японии, т.е. низший класс городского населения и крестьяне, производят отталкивающее впечатление, но нельзя сказать того же о представителях высших классов. Эти последние часто напоминают кавказские, а иногда чисто еврейские лица. Последнее, благодаря своеобразно изогнутому орлиному носу, особенной форме верхней губы, несколько выпуклым глазам и проч.».

Различие между сказанными двумя типами явствует из представленных таблиц.

О различиях во внешности между высшими и низшими сословиями в Западной Европе есть также немало свидетельств в литературе. Различия эти существовали, как и следовало ожидать, очень давно. Так, в германской Эдде повествуется, что бог Геймдаль основал три сословия германского народа. По этой классификации слуги оказываются темноволосыми с грубой кожей, «свободные люди» (по нашему – мещане) имели светло-красную окраску щек и волос, а у благородных были светлые волосы. Эти данные как нельзя лучше сходятся с современными наблюдениями Ляпужа, по которым французское дворянство дает всегда самый большой процент блондинов, мещанство – меньший, а сельское простонародье – наименьший.

Но дело не ограничивается одним только цветом волос. Ранке говорит, что «различие между европейскими сословиями в цифровых отношениях между дайной различных органов тела, туловища, шеи, рук, ног и проч., наблюдаются в таких пределах как между арийцами, семитами и финно-уграми или как между белым человеком и обеими цветными расами, и что в общем оно больше, чем различия между представителями различных европейских народов». По наблюдению Майра, наибольший размах рук у европейской интеллигенции в среднем на 4,3 см. меньше их роста, а у рабочих превосходит рост на 5,7 см. Дарвин приводит, что «челюсти вообще меньше у утонченных и цивилизованных людей, сравнительно с чернорабочими или дикими». По измерению черепов на старинном парижском кладбище, сделанном Брока, оказалось, что у высших классов вместимость черепа больше, чем у простых рабочих. «Мозг мыслителя, – говорит Нолль, – более богат извилинами, чем мозг простого работника». Кроме того, по Рилю, «у сельского населения (Европы) точно так же, как и у пролетариев, головы мужчин и женщин совершенно тождественны. Голова женщины этих слоев народа в мужском уборе почти не отличается от головы мужчины. В особенности старухи и старики похожи

друг на друга, как одно яйцо на другое». Черта эта характерна также и для низших рас человечества. По данным английской статистики, старческое бессилие или маразм наступает у бедных классов лет на 10-15 раньше, чем у самостоятельных.

Но наиболее точные данные о внешнем различии высших классов Европы от простонародья дает антропосоциологическая школа, представителями которой являются: Ляпуж, Аммон, Пенка и др.

Ляпуж указывает так называемый «закон расслоения общества», по которому у высших (образованных) классов длинноголовость сильнее, чем у низших и процент длинноголовых среди первых больше, чем среди последних. Так, например, для округа Родэз головной показатель образованных классов – 82,7, для рабочих около 84 и для крестьян 86-86,5. Вместе с тем и объем черепа у высших классов больше, чем у низших.

То же самое выходит и при сравнении средних цифр, полученных от горожан и сельских жителей. Последние оказывались более короткоголовыми. Числовые результаты собраны таким образом для многих городов Средней Европы и их окрестностей во Франции, в Германии, Австрии, Швейцарии, Италии и Испании. Везде вышеприведенный закон вполне оправдался, за исключением двух последних стран.

Испанский антрополог Олориза подтвердил сказанный закон измерениями в Мадриде и Барселоне, но в других городах, Севилье, Сарагоссе и Малаге, получились цифры безразличные, т.е. городские жители в отношении длины черепа одинаковы с деревенскими. Далее, в городах Гренаде и Валенсии жители оказались даже менее длинноголовыми, чем деревенские. То же самое нашел Ливи в Италии. Северные города, как Милан и Флоренция, подтвердили закон, но в южных как Бари, Мессина и Палермо, деревенские жители оказались так же длинноголовее городских.

Факты эти объясняются распространением на юге Европы, так называемой, «иберо-островной» расы, которая, как было говорено выше, характеризуется длинной головой при малом росте. К этой расе в Испании и Италии местами, особенно на юге, принадлежит сельское население, тогда как в городах живут европейцы менее длинноголовой расы.

Джон Беддо производил такие же измерения в Англии и получил цифры также безразличные, но по другим данным внешние отличия между высшими и низшими сословиями в Англии, несомненно существуют. Так, по словам Герберта Спенсера, люди профессиональных классов здесь «выше ростом и плотнее, чем рабочие». Средний рост мужчин высших классов 1,757 м., а рабочих 1,705. А по Дарвину, «руки английских рабочих уже при рождении больше, чем у представителей среднего сословия (Gentry)»

В Ирландии, судя по описанию Ранке, бедняки в голодных округах отличаются «вздутыми губами, обнаженными деснами, выдающимися скулами, вдавленным носом, толстыми животами и кривыми ногами». Карл Фогт добавляет к этому описанию, что такой же наружностью обладают бедняки и повсюду в Европе.

В Ютландии, в противоположность со всей Европой, замечается аномалия в отношении роста. Тамошние сельские жители выше ростом, чем городские, расовые же различия между сословиями обнаруживаются в телосложении:

«В Ютландии, – читаем мы, – почти везде большая разница между жителями городов и деревень. Между тем как крестьяне деревень обыкновенно высоки ростом, худощавы, с приподнятыми плечами, угловаты в своих движениях, жители городов большей частью среднего роста, коренасты и, несмотря на это, с живыми и ловкими движениями. Точно так же и жительницы ютландских городов отличаются большею красотой и фацией, чем жительницы деревень. Крестьянские девушки особенно отличаются от горожанок неуклюжим станом и тяжелой медленной походкой. Туловище их уже в молодости принимает какое-то наклонное положение вперед и руки, несколько согнутые, висят как сучковатые палки по бокам. Особенно поражает поза ютландского крестьянина, когда он стоит. Все они, когда останавливаются по дороге и разговаривают с товарищами, стоят, широко расставив ноги, положив руки в карманы штанов, так, что локти торчат в стороны точно ручки котла».

В Германии различие городских жителей от деревенских, по Аммону, сказывается не только в том, что горожане длинноголовее сельчан, но, кроме того, они ростом больше и между ними более блондинов и голубоглазых.

Высшие сословия в Европе сверх того отличаются от низших еще тем, что развиваются физически и созревают в половом отношении раньше низших. Ломброзо указывает, что максимальное развитие роста у «богатых» девушек бывает в возрасте 12-14 лет, а у «бедных» в 13-15 лет. По исследованиям Аммона, немецкое городское население обнаруживает несколько более ускоренное физическое развитие, чем сельское. Например, волосы усов и бороды пробиваются у них ранее. В общем, физическое развитие новобранцев горожан, наблюдавшихся Аммоном, года на полтора опережают деревенских жителей. То же самое различие сословий, но еще в более сильной степени замечено и у нас в России. По наблюдениям доктора Бензенгра, в Москве период половой зрелости наступает раньше всего у дворянок –

в возрасте от 9 до 12 лет, потом у женщин духовенства и купеческого сословия – от 13 до 16 лет и, наконец, позже всего у крестьянок – от 17 до 22 лет. К подобному же выводу пришел и Вебер в Петербурге.

Это явление наблюдалось, кроме того, в Париже, в Вене,в Страсбурге, в Эльзасе и в Баварии. Оно было известно очень давно, так как о нем писали: Гипполитус Гваринониус в 1610 году, Марк д’Эспин, талмудические врачи и др.

Словом, между высшими сословиями Европы и низшими наблюдается такое большое антропологическое различие, что Деникер находит возможность допустить преобладание в среде европейской аристократии другой расы, чем в рабочем сословии.

Нам, русским, по собственному опыту, хорошо известны особенности, отличающие простонародье от интеллигенции. У нас для этого существуют даже особые термины: «вульгарный» и «простонародный», которыми характеризуются не только внешний вид человека и черты его лица, но походка, манеры и даже характер и поведение.

Так как в лице современного крестьянина перед нами продукт очень долгого и сложного исторического процесса, то, естественно, что мы не можем ожидать среди него однообразия. Встречаются и одиночки и целые деревни, в которых внешние отличия простонародья от интеллигенции очень слабы, мало заметны, но зато есть другие местности, в которых они резки и невольно бросаются в глаза. Замечает такие отличия и сам народ или, лучше сказать, его верхи, и называют представителей низшего типа «серыми мужиками, сиволапыми, вахлаками» и т.п.

Итак, тип русского крестьянина-вахлака нам достаточно известен, чтобы стоило подбирать для этого литературные свидетельства. А потому только для напоминания мы приведем здесь несколько характеристик его, сделанных различными лицами, в разных уголках нашего отечества.

Вот, например, как польский этнограф, Оскар Кольберг, описывает русских крестьян, живущих над Бугом, в Седлецкой губернии: «Кожа их обыкновенно бледная и смуглая, фигура сгорбленная и довольно небрежная. Женщины также некрасивы; по временам, однако, блеснет между ними, неведомо откуда, смугловатая, пригожая девушка с красивыми чертами лица и выразительными глазами, и кажется как бы цветком из иной страны, по слепой случайности выросшим среди этих невзрачных полевых трав». А вот отзыв о наружности белорусов польской писательницы Элизы Оржешко: «Движения тела у них даже в молодости тяжелые и ленивые, черты лица апатичны, взгляд чаще понурый, чем веселый и расторопный, речь медленная, колеблющаяся, спутанная». О наружности великорусского крестьянина из глухих местностей Вологодской губернии пишут: «Роста жители большей частью среднего, смуглые лицом и телом, крепкого телосложения, как мужчины, так и женщины, но те и другие некрасивы собой и самый вид их суровый и голос грубый».

20. ХАРАКТЕР И УМ НИЗШИХ КЛАССОВ

Сходство между низшими классами Европы и дикарями. Различие между дворянством и простонародьем у французов. Характер польского крестьянина. Русское простонародье. Щедринский тип Конона. Сходство этого типа с людьми монгольской расы.

Относительно характера низших классов в западно-европейской литературе вовсе не редкость встретить параллель, проводимую между ними и дикарями. Чемберлен в своем сочинении «The child» цитирует по этому поводу слова французского этнографа Мануврие, наблюдавшего в парижском Саду Акклиматизации гамбисов Гвианы. По словам этого последнего, гамбисты напоминают французских крестьян, которые жили замкнутой жизнью где-нибудь в горах, где они вели простую монотонную жизнь, лишенную всякой цивилизации. Если бы, говорит он, поселить гамбисов между европейцами, то они скоро бы стали на один уровень с невежественными французскими крестьянами, живущими в больших городах.

«Без сомнения, – говорит Шарль Летурно, – в цивилизованных странах существует высшая культура, совершенно незнакомая первобытным людям и даже недоступная их пониманию, но если бы мы потрудились внимательно наблюдать европейцев, то нашли бы между нами многих, стоящих по своему развитию почти так же низко, как чернокожие Центральной Африки, также неспособных к умственному вниманию, ко всякой работе, требующей отвлеченного мышления, также погруженных в дикий анимизм. Готтентоты, впервые увидя европейские суда и экипажи, приняли их за живые существа; но ведь многие из наших бретонских крестьян подумали то же о локомотиве, когда впервые поезда железной дороги проникли в их провинцию. Негры, в особенности низшие, напиваются до полной потери сознания, но ведь то же самое бывает и с мало развитыми европейцами. Многие из наших крестьян считают и производят арифметические вычисления не лучше низших негров и вообще первобытных людей. Что касается языка, то здесь нет также особенной разницы. Без сомнения, лексикон ученого содержит тысячи слов, иногда даже на нескольких языках, но уже давно констатирован факт, что необразованному крестьянину вполне достаточно нескольких сот выражений».

Ляпуж у французского дворянства насчитывает наибольшее количество великих имен, тогда как французское простонародье, по его словам, сыграло второстепенную роль в прокладывании новых умственных путей. Если рассчитывать умственную продуктивность различных сословий французского общества, то один дворянин равнозначен 20 мещанам или 200 простолюдинам.

А вот как польские этнографы характеризуют низший тип своего простонародья:

Польский крестьянин очень мало привязан к близким ему особам: после смерти жены, он уж через несколько недель вводит в дом другую. Он недоверчив и подозрителен. Даже в том, что делается для его пользы, крестьянин всегда

усматривает какие-нибудь тайные мысли и желание его эксплуатировать. Он мало доверяет панам и ксендзам и упорно нерасположен к интеллигенту и к каждому одетому в сюртук. В своих сношениях с ним он всегда неискренен. Его нельзя склонить ни к какому общественному делу, даже имеющему целью его благо. К увеличению своего имущества он не проявляет никакой склонности; ни просьбой, ни угрозами нельзя его к этому принудить. Он чрезвычайно непредусмотрителен. Пример образцового улучшенного хозяйства не действует на крестьянина, для которого самое мудрое правило – держаться того «как за отцов бывало». Он чрезвычайно консервативен: каждая деревня имеет свои неизменные обычаи, которых все слепо держатся. Фигура крестьян, речь, костюмы, экипажи отличаются такими неизменными чертами, что знакомому с данной местностью легко с полной уверенностью сказать крестьянину: «вы хозяин из Тарнагрода, вы из Красника, вы из Кшешова» и т. под. К помещику крестьянин в некоторых местностях оказывает подобострастное почтение. Когда он проходит мимо помещичьей усадьбы, то хоть бы хозяев не было дома, он всегда снимет шапку. С почтением же относится он не только к дворовым людям, но даже к дворовым вещам. К лицам интеллигентным или, по крайней мере, одетым по городски, он обращается с поклоном и со сниманием шапки при каждой встрече. Во время разговора с ними всегда стоит с обнаженной головой и даже, если ему приказать надеть шапку, то и тогда не наденет.

В заключение приведем некоторые черты, которыми характеризуется русское простонародье. О белоруссах Элиза Оржешко пишет, что это «народ, который легче всего подозревается в неспособности к мышлению и в безразличии ко всему, что не находится в ближайшей связи с его очень низменными потребностями и интересами». О вологодских крестьянах пишут, что у них «на отвлеченных предметах внимание удерживается вообще недолго». «Тайные религиозные понятия простолюдина о загробной жизни, – пишет местный священник о полещуках, – безумные суеверия о душе и связи ее с телом. И неудивительно. Если по своей неразвитости он не может верно понять факта из мира видимого, его окружающего, то тем более недоступны его пониманию умозрения истины или отвлеченные предметы. Спросите его, как он представляет себе душу, для чего человек живет на земле, что будет с ним после смерти, и вы услышите от него равнодушный ответ: «мы люди темные, откуда нам знать про гэто, Бог видае».

В параллель к тому, что сообщалось нами выше о дикарях, не выносящих даже легкого напряжения мозга, приблизительно такой же отзыв случилось нам найти и о низших сословиях Европы. «Общеизвестен факт, – пишет проф. Шимкевич, – что люди, занимающиеся всю жизнь физическим трудом, совершенно не выносят умственного напряжения. Полный силы и здоровья крестьянин, посаженный за азбуку, после непродолжительного умственного напряжения, иногда падает в обморок».

С умственной неподвижностью у простолюдинов иногда соединен поразительный консерватизм. О гуцулах (русских горцах в Галиции) Головацкий говорит: «Они строят дома по обычаю своих предков; лошадиная упряжь, убранство мужчин и ожерелья женщин, до малейшей пуговицы и пряжки, покрой одеяния до малейшей каймы и обшивки все столь определенно и неизменно, как бы в статуе вылито или долотом ваятели выковано».

А вот свидетельство о лени и беспечности крестьян, свойствах особенно характерных для дикаря: «Если у белорусса нет крайности в насущных потребностях, он обыкновенно мало заботится о будущем». У белоруссов же наблюдается и миролюбие, которым так отличаются дикари: «Заносчивость и резкие слова соседа не вызывают в могилевском бело-руссе столько же резких ответов даже при толчке со стороны задорного спорщика. Когда другие побуждают обратиться к суду или «дать сдачи», крестьянин отвечает: «нехай ему Бог отдасць». Крестьянин как бы ни был обижен кем-либо, весьма скоро забывает нанесенную ему обиду. Разбои и грабежи, появляющиеся в других местностях в тяжкие неурожайные годы, – вовсе неизвестны у могилевских белоруссов». Наконец, вот еще одна черта, сближающая нашего крестьянина с такими народами, как китайцы, но происходящая в сущности от слаборазвитой нервной системы – это полное равнодушие к смерти. «Трудно себе представить, – пишет Дембовецкий, – как бесстрашно и покорно встречает смерть белорусский крестьянин. За редкими исключениями, умирающий делает свои устные завещания с поразительнейшею подробностью, причем им не будут забыты не только родные, но и их последующая жизнь в тонких мелочах».

В нашей изящной литературе разбросано не мало черточек, характеризующих наших «плюгавых мужиченков», много типов из этого класса выведено в наших повестях, рассказах и романах, но нигде я не нашел такого чудного, по своей фотографической верности и глубине психического анализа, очерка русского «вахлака», как у Щедрина в его «Пошехонской старине». Тип Конона, о котором я говорю, быть может и не особенно часто встречается среди великорусских крестьян, но вообще это тип чрезвычайно распространенный. В моих экскурсиях в народ для собирания этнографического материала я чрезвычайно часто на него наталкивался и не столько между велико-русскими крестьянами, как между белоруссами, полещуками, между нашими восточными инородцами: вотяками, черемисами, а особенно много есть его между польским простонародьем, что придает даже тот серый и мрачный характер польской деревне, на который жалуются русские путешественники в польском крае. Для более подробного знакомства с этим типом я отсылаю читателей к оригиналу, но не могу удержаться, чтобы не сделать несколько выписок, заключающих в себе самую суть щедринского очерка:

Конона «первоначально обучали портному мастерству, но так как портной из него вышел плохой, то сделали лакеем. А завтра его приставят пасти стадо – он и пастухом будет. В этом заключалось все его миросозерцание. Факты представлялись его уму бесповоротными, и причина появления их никогда не пробуждала его любознательности. Вообще, вся его жизнь представляла собой как бы непрерывное и притом бессвязное сновидение, никакой личной инициативы он не знал, ничего, кроме заведенного порядка. И никогда не интересовался знать, что из его работы вышло, и все ли у него исправлено.

Молчальник он был изумительный. Даже из прислуги ни с кем не разговаривал, хотя ему почти вся дворня была родня. Какое-то гнетущее равнодушие было написано на его лице. Никто не видал на этом лице луча не только радости, но даже самого заурядного удовольствия, точно это было не лицо, а застывшая маска.

Несомненно, он никогда ничего не украл, никого не продал и даже никому не нагрубил, но все это были качества отрицательные. Поручить ему все-таки ничего было нельзя, потому что в таком случае потребовалось бы войти в такие подробности, предугадать которые заранее совсем невозможно. Если всего до последней мелочи ему вперед не пересказать, то он при первой же непредвиденности, или совсем станет в тупик, или так напутает, что и мудрецу распутать не под силу. Ничего от себя придумать он был не в состоянии, ни малейшей сообразительностью не обладал».

Если бы Конона перенести куда-нибудь в Азию и поместить между тамошних дикарей, то кроме более светлого цвета кожи, он почти ничем бы от них не отличался. Вообще, безжизненный, апатичный характер некоторой части нашего великорусского и, в особенности, польского простонародья сильно сближает их с представителями желтой расы, судя по тому, что передают путешественники о монгольских племенах.

Пржевальский, например, изображает тангут (в Средней Азии), как «людей мрачного характера, никогда не смеющихся и не улыбающихся, и дети которых никогда не играют и не веселятся».

О Куку-норских монголах путешественники говорят, что «они имеют выражение лица крайне тупое, глаза тусклые, бессмысленные, характер мрачный, меланхолический. В них нет ни энергии, ни желаний, а какое-то скотское равнодушие ко всему на свете, за исключением еды. Сам Куку-норский ван, человек довольно умный, рассказывая нам о своих подданных, откровенно говорил, что они только по образу походят на людей, во всем же остальном решительно скоты».

Об орочах и тазах (в Уссурийском крае) генерал Пржевальский пишет: «Появление неизвестного человека производит на этих людей впечатление не большее, чем на их собак. Какая малая разница между этим человеком и его собакою. Он (ороч) забывает всякие человеческие стремления и, как животное, заботится только о насыщении желудка. Поест мяса или рыбы, а затем идет на охоту или спать, пока голод не принудит его снова встать, развести огонь в дымном смрадном шалаше и вновь готовит себе пищу. Так проводит этот человек целую свою жизнь: сегодня для него все равно, что вчера, завтра – то же. Что сегодня. Ни чувства, ни желания, ни радости, ни надежды, словом, ничто духовное для него не существует. На деле убедился я теперь, в истине того, что гораздо большая пропасть лежит между цивилизованным и диким человеком, нежели между этим последним и любым из высших животных».

Что меланхолия свойственна и другим народам монгольской расы, видно между прочим, из того, что Линней в своей классификации человечества «азиатцам» – приписывает характер «меланхолический», тогда как черная раса, по его определению, имеет характер «холерический» или «флегматический». Впрочем, угрюмость и молчаливость, кроме монголов, приписывается, кроме того, и родственным с ними краснокожими Америки: «Каждый, – говорит Дарвин, – кто имел случай для сравнения, был, вероятно, поражен контрастом между молчаливыми и даже угрюмыми туземцами Южной Америки и добродушными, разговорчивыми неграми».

Здесь кстати заметить, что характер, по-видимому, находится в соответствии с формой черепа. Тогда как короткоголовой монгольской расе приписывается меланхолический характер, о длинноголовых неграх мы находим отзывы совершенно противоположные. «Негры, – по словам французского путешественника Гавеляка, – как наши дети, неутомимые говоруны; можно сказать, что мысли их бегают; все служит им поводом к бесконечным разговорам и болтовне». А известный путешественник по Африке, Ливинг-стон, говорит, что «негры не могут сдерживать смех. Какое бы ничтожное обстоятельство ни случилось на пути, если, например, ветка заденет за груз носильщика, или он что-нибудь уронит, все, видящие это, испускают взрыв хохота; если кто-нибудь усталый сядет в стороне, каждый приветствует его таким же смехом».

Итак, данные, приведенные нами в двух последних главах, достаточно убеждают, что физические и другие отличия между крайними типами одного и того же народа так же велика, как между высшими и низшими расами человечества, а низшие классы по своей характеристике, несомненно, приближаются к дикарям.

Собравши в одно целое все признаки, отличающие низший класс от высшего, мы убедились бы, что признаки эти принадлежат питекантропу. Если же мы видим у ютландского простонародья высокий рост, а у итальянского и испанского – длинную голову, то это явление не должно нас смущать, так как оно вполне аналогично высокому росту патагон-цев и длинноголовию негров.

Некоторые из низших рас, как видно, унаследовали от своих белых предков то ту, то другую из черт высшей расы. И черты эти удержались у них совершенно так же, как удерживается какая-нибудь фамильная черта во многих поколениях одного и того же семейства. Но так как во всем остальном эти расы приближаются к питекантропу, то и становится очевидным, что признак, о котором мы говорим, не играет в их организме никакой другой роли. Никто, конечно, не станет отрицать, что существуют черты фамильные, сословные, племенные и расовые, которые придают особый тип каждой такой группе, но это не мешает в то же время различать между ними группы высшие и низшие.

Несомненно, следовательно, что внутри каждого народа, кроме процесса постоянно смешивающего все признаки отдельных лиц и приводящего всех к одному уровню, действует еще какой-то другой, обратный первому, разъединяющий черты белого дилювиального человека от черт питекантропа. Не будь его, наша мечта о бессословности, о равенстве о братстве давно бы уже осуществилась.

Что это за процесс, мы узнаем ниже.

21. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Положение властителей у древних и современных полуцивилизованных народов и дикарей. Мнение Герберта Спенсера, что первобытный бог есть человек. Доказательства этого положения. Вырождение расы богов. Происхождение единобожия.

Чтобы составить себе понятие об этом очень интересном вопросе, у нас нет другого средства, кроме знакомства с современным положением в государствах царей, королей, вождей, старшин и других владетельных особ. Но в цивилизованных странах взгляды на власть столько раз менялись, что трудно разобрать, что в них есть нового, что принадлежит седой старине. По этой причине мы будем гораздо ближе к источнику, если рассмотрим положение царской власти у народов диких и варварских, у которых во всех учреждениях гораздо больше остатков глубокой старины.

Властителей стран и народов нецивилизованных или просто признают божествами при жизни, или они делаются таковыми после смерти. Все пребывание начальников на земле считается лишь преходящим земным эпизодом жизни этих «божественно рожденных». Они приходят с неба, судьба задерживает их здесь и только в виде душ они снова возвращаются в свое небесное жилище. Нити их существования связаны высоко над землей. Король Идага (в Африке) говорил англичанам: «Бог создал меня по своему подобию, я равен Богу и он сделал меня королем». Если же другие короли в настоящее время и не считаются богами, то власть их все-таки выражается во множестве таких церемоний, которые приравнивают их к богам. Иногда они считаются «сыновьями неба» и власть свою «получают от неба».

Где и этого нет, к королям относятся с суеверным страхом и думают, что он них зависит дождь и урожай, или же считают их главными колдунами.

В некоторых государствах самое имя властителя неизвестно народу, а только некоторым приближенным или же, хотя и известно, но не может быть произносимо по его необыкновенной святости. Даже звуки, в него входящие, исключаются из обыденного языка его подданных. Иногда начальник заменяет свое имя титулом, который значит ни более, ни менее, как бог. В других случаях властитель носит титул вроде следующего: «господин наших голов, владетель всего, великий, бесконечный, непогрешимый».

Очень нередко короля нельзя видеть его подданным или нельзя никому видеть, как он ест. Члены королевского тела: руки, ноги, голову, нос, рот, уши считаются священными, нельзя не только прикасаться к ним, но даже и называть по имени.

Проходить мимо властителя можно только с известной стороны. Следовать за ним или вовсе нельзя, или можно только ползком на четвереньках. Проходящие мимо короля должны бросаться на колени или ниц, натирая себе грудь и руки пылью, обнажая плечи или все тело и т. под.

Кто впадает в тень своего начальника, наступает на его тень, или закроет его своею тенью, подвергается смертной казни.

Если король что-нибудь делает, то подданные подражают всем его действиям. Он стоит-и все стоят, он садится – все садятся, если он купается – все купаются, и прохожий должен войти в воду, даже если он одет. Если король кашляет, чихает, смеется, все делают то же самое.

Король считается полным собственником своих подданных, он может их убить или продать. Не только личность его считается священной, но даже и все окружающее. В дом его нельзя входить, вещи его священны; к ним нельзя прикасаться. Всякая вещь, бывшая в употреблении короля, уже не может быть употребляема простыми смертными. Этим вещам отдается почесть в виде поклонов и коленопреклонений, даже в отсутствии их хозяина. О них не говорят прямо, а выражаются иносказательно, например, лодку начальника называют «радугой», факелы, освещающие его жилище, – «молнией», и т. д.

Когда король умирает, то на его могиле убивают тысячи народа и затем по временам орошают ее человеческой кровью.

Такие порядки сохраняются в настоящее время только у диких и полудиких народов, но они когда-то пользовались очень широким распространением, судя по тому, что в цивилизованных странах мы находим многочисленные следы их в виде разных старинных обычаев.

Если, выходя из современного положения вещей, мы спросим себя: действительно ли положение африканских, азиатских и других полудиких королей, обставляемое таким высоким почетом, соответствует их достоинствам? – то ответ, конечно, может быть только отрицательным. Эти короли – такие же грубые дикари, как и их подданные.

В таком случае, превознесение их до небес ничто иное, как самая грубая ложь? Но почему же ложь повторяется сотнями народов в разных концах мира без всякого между ними соглашениями? Не потому ли, что у человека от природы лживая натура?

Мне кажется это невозможным. Конечно, люди могут лгать в отдельных случаях, если такая ложь необходима. Но, чтобы лгали целые народы в разных уголках мира на одну и ту же тему, совершенно одинаковым образом, это мне кажется положительно невероятным. Мне думается, что во всем том, что приписывают разные народы своим королям, есть непременно известная доля истины.

Что все вышеописанные порядки и взгляды на королей созданы в очень древние времена, видно из того, что они существовали в том же самом виде в Египте, Ассирии, Финикии и т.д., и т.п., известны с тех пор, как только помнит себя человек. Следовательно то, что нам представляется теперь ложью, могло быть истиной в древние времена и стать ложью теперь, только потому, что старинные взгляды пережили свое время. Они могли быть правдой при других условиях, при других людях и стали ложью только потому, что условия, обстановка и сами люди переменились.

Но в таком случае являются новые вопросы. Во-первых, каковы были те условия, при которых целый народ мог считать одного человека из своей среды богом или сыном неба, великим, непогрешимым, относиться к нему с суеверным страхом и во всем подражать ему? Каков был тот человек, которому приписывали способность вызывать дожди, урожай и проч.?

Я думаю, что условия для такого положения не только могли существовать в древности, но даже существуют и в настоящее время. Разве современные евреи-хасиды не поклоняются до настоящей минуты своим цадикам, как живым богам? Разве искренний и верующий католик и до сих пор не убежден в непогрешимости папы? Разве мы, современные, образованные европейцы не ищем себе постоянно живых кумиров для поклонения в лице знаменитых писателей, военных героев, высоконравственных людей и даже просто артистов или певцов? Мы называем их «великими», «божественными», и в лице их обожаем гений, который, как мы выражаемся, «ниспослан им свыше». Чего бы мы ни сделали, чем бы ни поступились, не только для того, чтобы угодить какой-нибудь всесветной знаменитости, но даже, чтобы быть ей представленными. Разве не пожелали бы мы, чтобы какой-нибудь Ньютон, Дарвин или другой подобный гений стали во главе нашего государства?

Если во всем этом мы отказываем нашим отдаленным предкам, то только потому, что считаем их ничтожными дикарями, между которыми не могло появиться людей гениальных. Но ведь это только гипотеза, ни на чем не основанная, подсказываемая нам нашей гордостью и высоким мнением о современной цивилизации. Между тем, по той теории происхождения белого человека, которую я здесь излагаю, можно думать, что у древнего доисторического человечества, начиная с эпохи неолитической, не только были свои гении, из которых люди создавали себе кумиров, но гении эти были в отношении природного ума выше наших, так, как в их крови было менее примешано крови питекантропа.

Но если это было так, то, очень естественно, древние люди ставили гениев во главе своих государств и поклонялись им при жизни, а после смерти переносили боготворение на их потомство и на их изображения. Естественно также, что богами древности были не олицетворения сил природы, как мы думаем, а только народные гении.

Герберт Спенсер, рассматривая культ предков, и исходя из того факта, что все культуры человеческие сходятся в поклонении предкам, а святость предков возрастает с давностью их смерти, приходит к справедливому заключению, что «*первобытный бог есть человек*, туземец или чужеземец, превосходящий остальных людей данного племени, умилостивляемый ими при жизни и еще более умилостивляемый после смерти».

Действительно, в народных преданиях, именуемых у нас мифологией, боги изображаются очень прозаично. Во-первых, они смертны. Герберт Спенсер доказывает это следующими фактами: «В легенде о Будде говорится, что на вопрос его о встреченном трупе, проводник сказал ему: «Это конечный жребий всякой *плоти: боги, люди*, богатый, бедный, одинаково *должны умереть*». Скандинавские боги умирали и были сжигаемы, после чего возвращались в Азгард. Точно так же и

египетские боги жили и умирали: в Флах и Абидосе есть фрески, изображающие погребение Озириса. И, хотя в греческом пантеоне мы имеем только один пример смерти богов, а именно пример Пана, тем не менее греческие легенды дают нам повод верить в первоначальную смертность их богов».

«В скандинавских легендах об Одине, Фрейе, Ниорде и других рассказывается, что они пришли из Годгейма (страна богов) в Мангейм (страна людей), что они управляли Мангеймом, были там предметом обожания и поклонения и умерли, веря, что возвращаются в Годгейм.

Далее из материалов, собранных Гербертом Спенсером, видно, что «боги понимались за людей особого вида, в особенных одеждах. Имена их значили буквально «сильный», «разрушитель», «могущественный» и т.п. Они любят и ненавидят, горды и мстительны, воюют между собою, убивают и едят друг друга. Между ними происходят постоянные распри. Они болтают, пируют, пьют и забавляются весь день, а на закате солнца отправляются в постель. Они могут быть ранены и нуждаются в лечении; они умирают и их хоронят». «Нет никакого сомнения, – заключает Спенсер, – что боги возникли посредством обоготворения людей».

Но, изображая своих богов обыкновенными людьми, древние постоянно приписывают им власть над стихиями и способность творить чудеса. Они повелевают молниями, ветрами, дождями, урожаем и проч. Объяснить происхождение такого верования очень нетрудно. Если гении древности наблюдали природу, то им были известны многие ее законы, к познанию которых мы пришли теперь при помощи науки, а зная эти законы, они могли предсказывать многие явления, в особенности метеорологические. В глазах же профанов такие предсказания равносильны повелеванию силами природы. Если, например, предсказаны на известное время дождь или молния, и предсказание исполняется, то, естественно, что, профану предсказатель представляется повелителем явления: дождь идет, и молния блистает по его приказанию или по его желанию. Точно также врачевания и опыты, которые мог проделывать гений, зная законы природы, казались профанам чудесами.

Совершенно естественны и правдивы при таком взгляде рассказы о том, что их боги являлись изобретателями земледелия и хлеба, лодок и рыболовных снарядов, металлических изделий, ткачества, письма, живописи и пр., и что они учили этим знаниям свой народ.

Хотя, по народным преданиям, боги строго разграничиваются с людьми и не смешиваются с ними, но по временам им приписываются любовные связи с представителями расы человеческой. «Согласно с традиционной генеалогией, – говорит Спенсер, – боги, полубоги, а иногда и люди происходят от богов человеческим способом. Между тем, как на Востоке мы слышим о сынах Божиих, которые восхищались красотой земных дев, – тевтонские мифы рассказывают о союзах сынов человеческих с дочерями богов».

О том, что такие союзы повлекли за собою падение богов, существуют также мифологические рассказы. «Если мы припомним, – говорит Спенсер, – что, по

верованию греков, было преступлением для расы богов влюбляться в представителей людской расы, то нам не особенно трудно представить себе, каким образом возникла история». Словом, из всего этого ясно, что мифология не есть собрание, как мы думаем, небылиц, а просто биография белых гениальных людей, которых называли «богами», что-то вроде нашего «Жития святых». Так как от смешения «богов» с обыкновенными «людьми» должны были получаться существа средние, ниже богов, но выше людей, то в народных рассказах, кроме богов мы находим «полубогов» и «сынов божиих». «В первобытной истории своей страны, – говорит Спенсер, – египтяне предполагали существование трех периодов, непрерывно следовавших один за другим. В первый период царила «династия богов», за ним следовал период полубогов и, наконец, династия таинственных Манов».

«Все древнейшие государи, – говорит Герберт Спенсер, – считаются происходящими от богов. В Ассирии, Египте, у евреев, финикиян и древних бриттов имена государей везде производились от имен богов.

Позже владыки царств теряют свои сверхъестественные атрибуты и становятся государями божественного происхождения, назначенными богом, наместниками неба, королями в силу божественного права. Старая теория, однако, долго еще продолжает жить в чувствах человека, хотя по названию она уже исчезает… Даже теперь, многие, видя какого-нибудь государя в первый раз, испытывают тайное изумление, что он оказывается не более, как обыкновенным образчиком человека».

Что в государях дорожили их хорошей породой, их чистокровностью, видно из забот, которые предполагались разными народами к отыскиванию молодым королям достойных супруг. В иных местах, как на Мадагаскаре, на Сандвичевых островах, у королей мыса Гонзальва, Габуана (в Африке), в Перу и в др. странах, государям, не в пример прочим, дозволялся, и даже требовался брак с родными их сестрами и ближайшими родственницами. В иных, как в старину у нас, в России, или, как в настоящее время в Китае, царю предоставляли право выбирать себе в невесты лучшую девушку из всего народа и т.д.

Если так просто и естественно происхождение богов и их первоначальное значение в жизни человека, то не трудно понять, что самый термин «бог» далеко не всегда был таким, как мы понимаем его теперь. В начале это было название высокой породы людей, что-то вроде нашего теперешнего понятия «гений». Надо же было отличить эту породу от обыкновенных людей, если она действительно существовала. Следовательно, то, что мы теперь знаем о сверхъестественном значении богов, настолько с течением времени растворилось, так как порода, о которой мы говорим, исчезла, выродилась и вымерла, то в воспоминаниях людей боги остались только в виде душ и духов, обитающих на небе.

Те, которые знали их лично, во время их земной жизни, передали своему потомству рассказы об их уме, характере и подвигах, вовсе не заботясь о подробностях их земного житья-бытья, а без этого в умах потомков они явились только бесплотными небожителями. Так как способностей, силы и могущества, приписываемых этим существам, уже не было на земле, род человеческий понизился, то они казались сверхъестественными, невероятными и допускались с

трудом.

И вот, когда рассказы о богах-людях достаточно устарели, когда они достаточно исказились от несовершенства устной передачи, а к былям прибавились небылицы, то в конце концов случился страшный хаос, в котором так густо переплелись истина с ложью и действительность с фантазией, что разобраться во всем этом может только наука с ее строгими методами и широкими взглядами, а не простые смертные. К тому же, по данному образцу рядом с древнейшими богами постоянно плодились все новые и новые.

А потому сначала явилось сомнение в существовании богов, а затем их совсем отвергли, объявили демонами и на их место поставили отвлеченное понятие об едином истинном Боге, запретив на будущее время создавать себе новых кумиров.

Таким образом человечество разделилось на так называемых язычников, придерживавшихся по-прежнему многобожия, и последователей новой веры в единого Бога, между которыми завязалась многовековая ожесточенная борьба, не вполне заканчивающаяся и к нашему времени. Только теперь мы можем спокойно обсудить верования обеих сторон и восстановить то, что было истинного в язычестве.

22. НАША ТЕОРИЯ ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ ФАКТАМИ АТАВИЗМА

Уродцы, порождаемые атавизмом, восстанавливают по частям белого дилювиального человека и питекантропа. Великаны. Гении. Чрезмерно-волосатые люди. Преждевременная зрелость и ее причины. Альбинизм и меланизм.

Как ни разнообразны бывают человеческие уродства, но их можно поделить на два рода. Одни, как удвоение туловища, умножение числа членов, отсутствие некоторых членов и др., можно считать патологическими в полном смысле этого слова, они очень разнообразны и редко похожи друг на друга. Другие, как альбиносы, волосатые люди, великаны, карлики т.п., воспроизводят экземпляры, похожие один на другого, как члены одной и той же расы. Эти последние имеют для нас особенно важное значение, потому что представляют такие физиологические явления, которые были нормальными многие тысячелетия тому назад. «Значительное число уродливых образований, – говорит Дарвин, – и менее резких аномалий приписывается всеми задержке развития, т.е. сохранению зародышевого состояния. На многие уродства, впрочем, едва ли можно смотреть, как на результат остановки развития, так как появляются части, ни малейшего следа которых не замечается у зародыша, но которые существуют у других представителей того же класса животных или растений, эти случаи мы с большой вероятностью можем приписать реверсии (атавизму)». «Изумителен факт, – говорит тот же писатель, – появления признаков, исчезнувших за много, по всей вероятности, за сотни поколений».

Если мнение о гибридном характере современного человечества справедливо, то мы должны ожидать у него особенно много случаев атавизма. Мы уже приводили выше слова Дарвина, что «при скрещивании двух различных пород в потомке существует, в продолжение нескольких поколений *сильное стремление* возвратиться к одной или к обеим родительским формам. Но решительно нет возможности установить какое-либо правило относительно того, *как скоро* уничтожаются все следы такого стремления». Вот почему среди уродцев человечества нужно искать возродившимися наших отдаленных предков: белого дилювиального человека и питекантропов.

И, действительно, такое теоретическое рассуждение вполне оправдывается данными, уже добытыми наукой. Всех уродцев, в появлении которых есть основание подозревать результаты атавизма, можно подразделить на две категории. Первая восстанавливает высший родительский тип, белого дилювиального человека, а вторая – низший, питекантропов.

К первой принадлежат великаны, гении (которых по редкости их появления также можно причислить к числу уродцев), чрезмерно-волосатые люди, дети с преждевременным развитием умственным, физическим и половым, и альбиносы.

Ко второй: карлики, идиоты, кретины и микроцефалы.

Рассмотрим каждое из перечисленных уродств отдельно.

Великаны.

Настоящими великанами называют людей, имеющих более 2 метров роста. Наибольший рост, который до сих пор наблюдался, был 253 см. С научной точностью до настоящего времени описано от 50 до 70 великанов. Вес их доходил до 160 кг. Избыток роста приходился, главным образом, на чрезмерную длину ног. Великаны встречаются двух типов: один стройный, с более коротким туловищем, а другой приземистый, коренастый, с мощным развитием туловища и с почти обыкновенными конечностями. Но ноги великанов, по словам Ранке, «никогда не бывают короче туловища». По большей части при этом наблюдается чрезмерная ширина плеч, груди и таза. В большинстве случаев сила и энергия великанов понижены, но бывают и исключения, как «Шведский великан», служивший в гвардии Фридриха II, который «достаточно силен и ловок», как римский император Максимин и лейтенант американских войск фон Бускрик, отличавшийся храбростью и переносивший трудности похода не хуже людей обыкновенного роста. Умственные способности у многих великанов оказывались хорошо развитыми.

Кроме общего гигантского роста у некоторых людей наблюдался еще «частичный», при котором отдельные части тела, особенно конечности, могут разрастаться до гигантских размеров. Иногда увеличению подвергается целая половина тела, иногда только одна конечность или одна кисть, стопа, или даже один палец.

К гигантскому росту примыкает врожденная тучность, при которой иногда наблюдается чрезмерное развитие тела. У Ранке описывается некто Наукке, у которого наряду с колоссальным развитием жира при средней величине тела, было гигантское утолщение костей и суставов, а также развитие мускулатуры. Вес его был 216,5 кг., а рост – 170 см.

Гениальные люди.

Что касается гениальных людей, то для нас, конечно, всего интереснее антропологи-

ческие данные о них, указывающие на принадлежность их к белой расе. Сюда относится, прежде всего, тот несомненный факт, что все великие люди, выработавшие европейскую цивилизацию, были белые, и что цветных гениев мы почти не знаем. Далее, из черт белого дилювиального человека у гениев

наблюдалась большая емкость черепа. По словам Ломброзо, «многие из гениальных людей обладали чрезвычайно большим черепом». Эта мысль прекрасно иллюстрируется следующей таблицей:

Емкость черепа:

У Вольты 1865 куб. см.

У Канта 1740 куб. см.

8 итальян. велик. людей 1611 куб. см.

У итальянцев вообще 1553 куб. см.

К этому надо добавить со слов Карла Фохта, что череп был очень велик у Кювье, Шиллера и Наполеона 1-го.

Так как большая емкость черепа, по Велькеру, сочетается с большей величиной тела, то, следовательно, гениальным людям должен быть свойствен и высокий рост. И действительно, Ломброзо приводит из данных, полученных в Италии при наборе рекрутов, что наибольшее число солдат высокого роста и наименьший процент бракованных встречается в тех областях Италии, где всегда было много даровитых людей. Напротив, в тех провинциях, где процент рекрутов высокого роста меньше, – число гениальных личностей заметно понижается. Кроме того, по словам Ломброзо, гениальные люди чаще выходят из горцев, которые в Европе вообще отличаются высоким ростом. «Уже издавна замечено было, – говорит автор, – как простонародьем, так и учеными, что в гористых странах особенно много гениальных людей. Народная тосканская поговорка гласит: «у горцев ноги толстые, а мозги нежные». В горах Тосканы между пастухами встречаются много поэтов и импровизаторов. В гористых местах Ломбардии и в приозерных местностях Бергамо, Брешии и Комо число великих людей гораздо больше, чем в низменных». Во всех низменных странах, по словам Ломброзо – гениальные люди чрезвычайно редки.

Волосатые люди.

Чрезмерно волосатые люди, так называемые «собако- или медведеподобные», наблюдались как в прежнее, так и в новейшее время. Они встречаются среди мужчин и жен-шин, но, по словам Феликса Плятера, чаще среди мужчин. Все тело их, не исключая и лица, покрыто длинными густыми волосами, всегда *мягкими*, какие бывают у людей белой расы, в отличие от негроидных и монголоидных, имеющих жесткие волосы. Исключение составляла лишь знаменитая в 60-х годах Юлия Паетрана. Прежде такие люди были известны только в Европе, но в последнее

время найдены в Азии и Америке. По словам Ранке, чрезмерная волосатость представляет собою только ненормальное сохранение того волосяного пушка, Lanugo, которым бывает покрыт человеческий зародыш, и который в нормальном состоянии у взрослого выпадает. Что она является атавизмом не от тех времен, когда предки человека были близки к обезьянам, а от более поздних, доказывает волосатость лица. Лицо у человекообразных обезьян остается непокрытым волосами. Кроме общей волосатости существует еще частичная, когда волосами покрываются только некоторые участки кожи, как это бывает на так называемых родимых пятнах и бородавках.

Преждевременная зрелость.

Перечисляя ряд аномалий в современном человеческом организме, д-р Мечников обращает внимание на менструацию у современных женщин, явление, которое почти у всех народов мира считается делом нечистой силы, а у иранцев была даже легенда, что менструацию первоначально вызвал злой дух разврата. Это дает повод почтенному автору предполагать, что менструации, такие, какими мы их знаем в настоящее время, т.е. в виде обильного кровоистечения, составляют позднейшее приобретение рода человеческого. Мы имеем, говорит он, полное право предполагать что в первобытные времена браки с незрелыми девушками (до наступления менструации) были гораздо более распространены или даже постоянны, чем теперь, а при таких условиях менструаций могло или вовсе не быть, или они наступали только в исключительных случаях. Действительно, мы имеем в настоящее время немало остатков глубокой старины в народных обычаях, доказывающих что в древности ранние браки имели очень широкое распространение На острове Цейлоне мальчики еще до настоящего времени вступают в брак в 7-8 лет, а девочки – 4-5 лет. У веддов мальчики женятся 15-16 лет, на Мадагаскаре в начале XVII века они женились с 10-12 летнего возраста. Даже в Англии существует старинный закон, дозволяющий мальчикам жениться в 14 лет. То же самое доказывается и другими фактами. Наблюдения над несколькими европейскими женщинами, родившими очень рано, против ожидания, показали, что роды при этих условиях очень легки и послеродовой период вполне нормален. Известно далее, что у некоторых детей как внутренние, так и внешние признаки возмужалости наступают очень рано. Плосс приводит 44 факта раннего развития в половом отношении девочек. У них наблюдалось необыкновенно раннее появление менструации: на 2-й неделе после рождения, на 2-м месяце, на 3-м, 4, 6, 9, и т.д. Некоторые девочки выглядели старше своих лет; например, в 2 года – как в 10-12 лет, в 3 года – как в 20 и т.д. Груди вырастали у них как у взрослых, вес и рост были больше обыкновенного, а характер и манеры более серьезные, чем у обыкновенных детей. Внешние половые органы были покрыты растительностью иногда даже при рождении. При вскрытии внутренние половые органы оказывались развитыми правильно, как у взрослых. Большинство этих случаев наблюдалось у европеянок,

но один был и у негритянки. Доктор Плосс добавляет, что у некоторых детей зрелость эта была патологическая, соединенная с разными болезнями, но зато у остальных, напротив, не было решительно никаких патологических изменений. «Мы ничего еще не знаем, – говорит этот автор, – о тех условиях, при которых возможны такие странные явления».

«Уже в XVIII веке, – продолжает доктор Мечников, – Рамдор указал на то, что мальчики могут обнаруживать чувство влюбленности к женщинам. Они в то же время проявляют сильную ревность и желание быть единственными обладателями любимой женщины. Факт этот очень распространен и встречается в особенности между знаменитыми людьми. Так, Данте в 9 лет влюбился в Беатриче, Казакова был влюблен, едва достигнув 5-летнего возраста, а Байрон в 7 лет полюбил Мери Деф. У некоторых детей в колыбельном возрасте уже наблюдали проявление чувственности. Столь известные клиницисты, как Куршман и Фюрбрамер, также утверждают существование полового чувства у детей ранее 5-летнего возраста». Последствием такого явления доктор Мечников считает между прочим сильное распространение между нашей молодежью мужского пола онанизма. А у д-ра Плосса мы находим примеры тайного разврата у очень маленьких детей, иногда принимающего форму игр, что, вероятно, придется объяснить той же самой причиной.

Эти факты заставляют доктора Мечникова констатировать «ясный разлад между половой зрелостью человека и общим созреванием его организма». Но такого разлада в древности могло и не быть, так как в параллель с ранним половым развитием можно привести случаи раннего же общего развития детского организма, известные у антропологов под именем «преждевременной зрелости», когда дети уже при самом рождении выказывают чрезмерное физическое развитие. Такие дети развиваются с необыкновенной быстротой и зачастую, будучи 7-8 месяцев от роду бегают уже по улице. Вес их в момент рождения достигает до 7-10 кг., тогда как у нормальных детей он бывает в среднем около 3,2 кг. В одном из подобных случаев 4-х летний мальчик имел рост 117 см, тогда как средний рост для этих лет у немецких мальчиков – 93 см. Он был очень прожорлив и обладал такой силой, что мог снести пол мешка ржи и катать на тележке мужчину весом в 65 кг. Иногда здесь дело идет о преждевременном функционировании органов размножения без заметных признаков ускоренного общего развития тела. Но иногда, одновременно, наблюдается и то и другое; вес, рост и сила подобных детей при рождении значительно превосходит вес, рост и силу нормальных детей.

Максимильян Перта, описав случаи раннего полового развития у 5-ти девочек и четырех мальчиков, добавляет, что «почти во всех случаях, когда у ребенка рано развивались половые органы и все тело их было относительно велико, зубы появлялись раньше».

Такая же «преждевременная зрелость», кроме того, наблюдалась и в области умственного развития. Так, Тассо начал говорить, когда ему было только 6 месяцев, а семи лет он уже знал латинский язык. Ленау, будучи ребенком, импровизировал потрясавшие слушателей проповеди и прекрасно играл на флейте и скрипке. Восьмилетнему Кардану являлся Гений и вдохновлял его. Ампер в 13 лет уже был хорошим математиком. Паскаль 10-ти лет придумал теорию акустики, основываясь

на звуках, производимых тарелками, когда их расставляют на столе, а 15-ти лет написал знаменитый трактат о конических сечениях. Четырех лет Галлер уже проповедовал и 5-ти лет со страстью читал книги.

Явление это совершенно непонятно с точки зрения современной научной теории, но становится вполне естественным, если принять нашу теорию происхождения белой расы.

Очевидно, что если бы во время последнего ледникового периода, когда человечество пережило такую страшную борьбу за существование, дети созревали так же медленно, как и теперь, то они неминуемо становились бы добычею хищников и белая раса погибла бы без остатка. Следовательно, в интересах человеческого рода был такой естественный отбор, при котором созревание ребенка наступало как можно раньше, когда с первого же года своего существования он мог, если не защищаться активно, то спасаться бегством, и когда на 3-м, 4-м году своей жизни, а может быть даже и раньше, он мог размножаться. Как это мы наблюдаем в настоящее время у диких и домашних животных.

Что касается современного развития человека, при котором он беззащитнее всех животных, то оно явилось только результатом его смешения. Между прочим, это подтверждается цифрами, приведенными у Плосса, которые доказывают, что у низших рас признаки половой зрелости появляются позже, чем у европейцев, а у европейских низших классов позже, чем у высших. Некоторые из этих цифр приведены мною в главе 18, здесь же я возьму только те, которые характеризуют различные национальности. Цифры эти указывают процент девушек с преждевременными (раньше 12 лет) признаками половой зрелости. Я беру из них только некоторые, наиболее интересные:

У евреев – 12,5%

У немок – 11,7%

У русских – 10,6%

У финляндок – 2,7%

У японок – 0,29%

Цифры эти, разумеется, безусловно решающего значения еще пока иметь не могут, так как они брались в ошибочном предположении, что все сословия одного и того же народа совершенно равны между собой по крови, но со временем они обещают дать очень интересные указания об этнографических различиях между национальностями. Сюда же нужно добавить, что доктор Сюлли в Кениксберге, исследовав 3 тысячи женщин, нашел, что у девочек «высокого роста» период половой зрелости наступает раньше, чем у девочек низкого роста и у «блондинок» раньше, чем у брюнеток. Ломброзо приводит также слова Паглиани, что половина девушек, начинающих менструировать в 13 лет, т.е. достигающих половой зрелости раньше времени, имеют светлые волосы, пятая часть – черные, а остальные – русые.

«Таким образом, – говорит этот писатель, – блондинки раньше других созревают в половом отношении».

Альбинизм.

Альбиносы встречаются у всех человеческих рас как темного, так и светлого цвета кожи. Они наблюдались не только в Европе, но и в Африке между неграми и на островах Тихого океана. Альбиносы белой расы отличаются необыкновенной белизной кожи, а волосы их от рождения почти белого цвета. Но кроме общего альбинизма есть еще частный. Он проявляется у негров и у других цветных рас в форме белых пятен. Уже в древности было известно существование пятнистых негров. У европейцев частный альбинизм наблюдается в виде совершенно белых прядей волос, или в бороде у детей или у молодых субъектов. У старых людей такой частный или общий альбинизм принимает форму седины.

Явление, противоположное альбинизму называется «меланизмом» и заключается, наоборот, в темном окрашивании кожи у светлых рас. Частный меланизм проявляется в виде веснушек, родимых пятен, усиленной пигментации беременных и пр., а общий при так называемой аддисоновой болезни, когда кожа белого человека окрашивается в бронзовый цвет.

Если принять, что оба эти явления имеют атавистический характер, то альбинизм у негра воспроизводит цвет кожи его отдаленного белого предка, а меланизм у белого – цвет кожи его предка питекантропа. Что касается частного альбинизма и меланизма, то они соответствуют явлению пятнистой шерсти домашних животных, как результат их помеси, причем на белых животных являются черные или цветные пятна, а на цветных – белые.

Таким образом, путем атавизма перед нами воспроизводится от поры до времени наш белый дилювиальный предок, но только не целиком, а по частям.

Если мы сложим эти части вместе, как то: высокий рост (до 235 см.), большой вес (до 160 кг), длинные, в сравнении с туловищем ноги, огромную ширину плеч, груди и таза, сильное развитие мускулатуры, большую емкость черепа (до 1855 куб. см.), гениальный ум, сильную волосатость по всему телу, белый цвет волос, раннее физическое и умственное развитие, то перед нами и получится полный портрет белого дилювиального человека. Такой именно портрет мы и нарисовали выше, рассматривая теоретически условия, при которых человечество выработалось из питекантропа в последнем ледниковом периоде.

23. АТАВИЗМ ЧЕЛОВЕКА В СТОРОНУ ПИТЕКАНТРОПА

Карлики и кретины. Микроцефалы. Параллели из жизни животных.

Из числа форм этого рода атавизма надо упомянуть: карликов, идиотов, кретинов, микроцефалов и микседемов. Последних мы не будем рассматривать отдельно, потому что они встречаются сравнительно редко и потому исследованы очень мало.

Карлики.

Карликами называют людей, рост которых немного превышает 1 метр, но, как редкость, они встречаются еще меньшего роста. Так, известный немецкий карлик «Генерал Майт», имел росту только 82,4 см., а его 12-ти летняя невеста «Принцесса Паулина», – 72 см. Рост волос на бороде, на лице и на теле у карликов всегда слабый. Голос их пискливый. Хотя встречаются некоторые карлики совершенно правильного сложения, но это бывает сравнительно редко, чаще голова их слишком велика по туловищу, а ноги коротки. У них, по словам Ранке, большей частью замечается сильное развитие брюшных и в частности пищеварительных органов. Исследования Ранке и Карла Фохта показали, что это обстоятельство находится в связи с большею потребностью у карликов в пище. Названные исследователи составили следующую таблицу сравнительного количества пищи,поедаемой карликом и взрослым рабочим на 1 килограмм их веса:

Белок Безазотистые вещества

Рабочий 1,7 8,9

Карлик 2,9 20,9

Из этой таблицы видно: 1) что карлик съедает втрое больше пищи, чем обыкновенный рабочий, что свидетельствует о громадном объеме его желудка и 2) что он больше, чем рабочий поедает растительной, безазотистой пищи.

Но мы видели раньше, что крупный объем желудка и вобще пищеварительного аппарата наблюдается кроме того у европейских детей и у низших рас человечества, а в животном царстве он составляет характерное отличие животных растительноядных.

Таким образом, у карликов кроме малого роста оказывается общим с предполагаемым питекантропом: больше голова (относительно туловища), длинное туловище, короткие ноги, объемистый желудок, приспособленный к растительной пище, слабая волосатость и высокий голос.

Идиоты и кретины.

К карликам же нужно отнести идиотов и кретинов. «В областях кретинизма, – пишет Ранке, – наряду с зобом у кретинов встречается и карликовый рост, а у идиотов рост тела значительно ослаблен».

Природа кретинизма остается еще до сих пор спорной. Одни объединяют эту болезнь с идиотизмом, а другие делают из нее особенную, специальную. Вернее же всего предполагать, что идиотизм и кретинизм – только степени одной и той же болезни. Гено разделяет кретинов на два класса: 1) кретины – идиоты и 2) собственно кретины.

В противоположность с уродствами, рассмотренными в предыдущей главе, которые чаще всего наблюдаются у высших рас, кретинизм свойствен всему человечеству. Он встречается на всем земном шаре, во всех широтах и климатах. Есть кретины в плодоносной долине Роны, в прекрасной, обширной долине Рейна, в горах и долинах Швейцарии, в Пьемонте, на Кавказе, в Африке под тропиками, в Азии на ледяных равнинах Гималаев, на сухих плато Кордильеров (на высоте 2000 метров) и, наконец, на теплых, влажных и низменных островах Океании. Это обстоятельство опровергает все гипотезы, которые причину кретинизма искали в местных условиях, например, в ветрах, в переменах температуры, в почве страны, в недостатке солнечного освещения, в плохом питании, в нравах и обычаях населения и пр.

На одной только причине происхождения кретинизма остановились ученые, это на недостатках питьевой воды. Но и тут между ними не оказалось никакого согласия, так как одни приписывают болезнь отсутствию в воде, необходимых для человека веществ, а другие, наоборот, присутствию в них некоторых веществ в ненормально большом количестве.

Относительно прошлого кретинизма можно сказать, что начало его теряется в глубине веков, так как народные предания знают его во все известные им времена. В Древнем Риме эта болезнь была хорошо известна, так как о ней писали историки и поэты (Плиний, Овидий, Витрувий). В XVI веке о кретинах сообщал немецкий доктор Симлер, но только Сосюр (1786 г.) начинает их научное изучение.

До середины XIX столетия кретинов считали остатком особого племени. «Нельзя отрицать, – говорит Ранке, – что в наружности их действительно есть нечто, благоприятствующее на первый взгляд такому воззрению»

По этому поводу автор приводит слова Вирхова: «Всякий, кто хотя бегло

рассматривал известное число кретинов, очень скоро составит себе известную общую картину их внешности, которая дает возможность с известной уверенностью выделить их из остального населения. Кретин в Альпах похож на кретина на Рейне, Майне или в долине Некка-ра. Можно бы было думать, что все эти индивидуумы находятся между собою в очень близком родстве, что они принадлежат к одной семье или, по крайней мере, к одному племени». Невольно возникает мысль, что мы имеем здесь дело с остатками какого-то низко организованного племени. Так это старались доказать, по крайней мере для кретинов некоторых местностей, Рамон-дэ-Карбоньепр, Шталь и Ниепс. Аккерман называет их даже особым видом человека, но современная наука считает кретинов лишь за особую форму уродства. Однако типичность этих уродцев указывает на их атавистическое происхождение.

Вместе с малым ростом кретин обладает и некоторыми другими отличительными чертами, общими ему с обыкновенными карликами, как то: большим, сравнительно с туловищем, головой, короткими оконечностями, и вздутым животом.

Кретин – существо, выродившееся физически и умственно. Он коренаст, костист, часто худощав и одутловат. Цвет его кожи то белый, синеватый, то тусклый и бурый, то желтоватый, пятнистый. Кожа вялая, сухая и холодная, по описанию, напоминающая кожу бушменов и лопарей. Она морщиниста с ранних лет, и потому кретин имеет всегда вид старообразный еще задолго до старости. По словам Вирхова, кожа кретинов ложится утолщениями, которые сравнительно легко перемещаются на слишком малом костном остове. Она не находит себе достаточно места на коротком скелете и потому везде образует утолщения, которые по большей части располагаются в поперечном направлении и соответствуют местам главного движения.

У особой формы идиотов, микседемов, составляющих середину между идиотами и кретинами, кожа бывает затверделая, натянутая и лишенная волос; ее сравнивают с «кожей слона». Кретины неспособны ходить, а если высшие из них и ходят, то походка их вялая и перекачивающаяся с боку на бок.

Голова сдавлена спереди, она широка внизу и сужена к вершине. Лоб низкий, убегающий назад. Волосы толсты, очень густы, коротки и сильно спутаны. Цвета они русого и никогда не седеют. Кретины безбороды. Их тело совершенно безволосое, как у ребенка. Лицо их сильно прогнатично и развито в ширину. Скулы выдающиеся. Нос незначительной длины, у корня сильно вдавленный, широкий и плоский. Ноздри раздутые.

Губы толстые, вывороченные, полуоткрытые, нижняя отвислая. Из них постоянно вытекает клейкая густая слюна. Язык толстый и чрезмерно большой, выходит изо рта. Это напоминает нефа, у которого по словам Бурмейстера, язык «больше, чем у европейца». Нижняя челюсть выдается вперед больше, чем верхняя. Она толста и придает кретину вид животный. Зубы гнилые, плохо укоренившиеся. Глаза сильно расставленные, выпученные и бессмысленные. Веки отекшие, воспаленные. Ресницы и брови редкие. Взгляд кретина тупой. Подбородок его круглый. Шея коротка и толста. Голова наклонена к груди или к плечу. Извилины мозга представляются малыми и совершенно неразвитыми.

Грудная клетка искривлена и асимметрична, часто вдавлена с одной стороны. Груди у кретинки малые, дряблые, их соски в рудиментарном состоянии. Живот вздутый, выдающийся. Пупок сильно придвинут к лобку. Таз часто искривлен. Половые части у полных кретинов в рудиментарном положении. Ладони рук у кретина широки с короткими пальцами. Стопы ног объемисты и плоски.

Характер кретинов во многом напоминает низшие расы и наших детей.

У низших ступеней их отсутствуют: представление, ощущение, воля и способность к членораздельной речи. Они не выражают никакого признака радостного возбуждения или болезненного чувства. Даже половинный кретин, когда встретит на своем пути препятствия, становится в тупик от полного отсутствия всякой инициативы. На более высоких ступенях они обладают способностью выражаться более или менее отчетливыми словами и жестами и даже короткими фразами. На самых же высших ступенях, когда идиотов можно даже научить читать и писать, отвлеченные понятия для них все-таки не существуют: перед сколько-нибудь сложной задачей они теряются. Так же, как и у дикарей, у идиотов и кретинов есть наклонность ко лжи и обману.

Кретины склонны к уединению, избегают и не любят друг друга. Они немы: голос их представляет собою только ворчание, если же они выучиваются нескольким словам, то произносят их монотонно и индифферентно. Кретины неповоротливы, ленивы, но всегда добродушны. Наконец, есть еще одна черта, общая им с низшими расами, это – фотографическая память.

Смертность между кретинами очень велика во все возрасты, в особенности в первые годы детства. Очень редкие из них достигают юношеского возраста. Кретины больше всего подвержены детским болезням: золотухе, рахитизму, дизентерии, конвульсиям и эпилепсии. В более позднем возрасте у них бывают приливы крови, мозговые апоплексии, туберкулез и воспаление желудка.

Предсмертная агония их медленна, кажется, что они мало страдают, погруженные в глубокую апатию, в состоянии которой они медленно угасают.

Наукой констатировано, что эндемия кретинизма никогда не бывает без эндемии зоба; думают, что два эти болезненные явления составляют только степени одной и той же болезни. Зобатость есть начальная степень, а кретинизм – окончательная.

Особенно сильное развитие кретинизма наблюдается в настоящее время во Франции, которая падает и во многих других отношениях. Идиотов насчитывается в этой стране до 120 000. Из французских провинций, одержимых кретинизмом, особенно выделяются: Нижние Альпы, Савойя, Изер, Ардэш, Дром, Alpes-Martimes, Верхние Пиренеи, Арьеж и Верхняя Гаронна.

Особенно богата кретинами Савойя, где приходится по одному зобатому, кретину или идиоту на каждые 139 человек. На 1000 человек населения считают:

Зобатых 50,55

Кретинов 16,20

Идиотов 5,30

Мальчиков-кретинов вообще родится более, чем девочек, так что на 7 кретинов приходится обыкновенно 6 кретинок.

Микроцефалы.

Близко к кретинам стоят так называемые микроцефалы, малоголовые. Это тоже уродцы и, также карликовые, но они, как увидим ниже, во многом отличаются от кретинов. Вот как описывает их наружность Карл Фохт и К. Реклам.

Микроцефалы имеют вытянутый в длину плоский череп. Голова совершенно обезьянья, череп покрыт густыми, волнистыми волосами, лба нет, нос широко раскрыт, нижняя часть лица вытянута вперед в виде рыла, зубы стоят косо, язык несоразмерно велик. Вздутые, слюнявые губы, маленькие, глубоко лежащие глаза с выступающими надбровными дугами. Плоская грудь, руки несоразмерно длинны, ноги коротки и слабы. Буроватый цвет кожи. Туловище, наклоненное вперед с согнутыми коленями, придает им при ходьбе чрезвычайно большое сходство с обезьяной., идущей на задних лапах.

Объем их черепа меньше, и извилины мозга менее сложны, чем у нормальных людей. Вирхов исследовал мозг микроцефала и нашел в нем «несомненное сходство с мозгом обезьяны», в чем с ним соглашаются и другие ученые. Но, по словам Ранке, мы не вправе утверждать, что существует вид обезьян, имеющих совершенно такую же конфигурацию мозга, какую мы находим у микроцефала. Карл Фохт, много занимавшийся исследованием микроцефалов, стремился доказать что они не только имеют большое сходство с обезьянами, но и в самом деле представляют вид людей-обезьян. По его мнению, эта самая низшая человеческая разновидность, которая вновь воспроизводит низший тип, давно пройденный человеком в смысле дарвиновского учения о развитии. «Я вовсе не затрудняюсь, – говорит Фохт, – сказать, что микроцефалы представляют полный переходный ряд от человека к обезьянам, какой только можно себе представить».

Микроцефалы – добродушные, послушные созданья, несносные только своей страстью все разбивать, рвать и ломать, что попадется им в руки. Чужих они встречают удивленным, но отнюдь не робким взглядом. Они имеют сходство с кретинами: та же изогнутая наружу спина, изогнутые во внутрь колени, искривленные и во внутрь обращенные руки и пр., но есть у них и различия. Прежде всего, они хорошо развиты физически и отнюдь не представляют резкой непропорциональности в развитии, которая так поражает в кретинах. Голова у кретинов большая и бесформенная, а у микроцефалов голова маленькая. Они не страдают так часто, как кретины, зобом. Но особенно большое различие между теми

и другими в характере. У кретинов слабы мускулы и все их движения медленны и тяжелы. Они страшно тупы даже на тех ступенях, когда выучиваются говорить; ведут они себя как больные, пришедшие в упадок от прежних страданий. А микроцефалы сильны и замечательно деятельны, постоянно скачут, прыгают и делают гримасы, часто влезают на лестницу на четвереньках и очень любят лазить по мебели и по деревьям. С обезьяньим проворством они ежесекундно изменяют свое положение, двигаются проворно, часто с быстротою молнии, постоянно обращают внимание на окружающее, быстро понимают все, что случается и повторяют, если в хорошем настроении духа. Мик-роцефалка Мария Софья Вис наводила ужас на всех окрестных собак. Если она видела у них во рту какую-нибудь пищу, то бежала за ними, прыгала им на спину и давала пощечины до тех пор, пока собака не выпускала изо рта кусок, который микроцефалка с жадностью пожирала.

У Ранке помещено очень интересное описание одной микроцефалки, Маргариты, которую ему удалось наблюдать лично. У нее был более широкий кругозор, чем можно было допустить у микроцефалки ее возраста. Речь ее остановилась на весьма низкой ступени развития. Она выучила только слово «мама», которое и произносила в минуты оживления. По словам ее отца, было непродолжительное время, когда она выговаривала еще несколько слов, но оно скоро прошло. Во всяком случае не удалось развить ее речь дальше этого предела. Тем не менее, она объяснялась при помощи множества знаков.

Если кретины представляют собою копию тех питекантропов, с которыми смешался белый дилювиальный человек, то микроцефалы воспроизводят перед нами тип европейского питекантропа, от которого произошел сам белый человек. Именно такой живой характер, как у микроцефала, должен был иметь европейский питекантроп, чтобы не погибнуть в борьбе с хищниками животного царства. Таким был он перед ледниковым периодом или в самом начале его. Но еще разительнее будет сходство микроцефала с неандертальским человеком, если добавить, что микроцефал так же, как и этот последний, отличается «необычайно сильно выступающими костными надбровными дугами». Известно также, что Вирхов, увидав неандертальский череп, признал его «черепом идиота».

Таким образом, из описанных нами уродцев белого дилювиального человека воспроизводят по частям: великаны, гениальные люди, альбиносы, волосатые люди и дети с преждевременным созреванием, а питекантропов целиком воспроизводят карлики, идиоты, кретины и микроцефалы. Если сложить вместе черты, характеризующие обе эти группы, то лучшего описания наших предков и не надо.

Но при этом, разумеется, необходимо помнить, что перед нами не настоящая копия высшего и низшего типа человека, а только уродцы. Все они, во-первых, бесплодны, за исключением разве гениальных людей, волосатых и альбиносов.

Кроме того, они болезненны и недолговечны и каждое из уродств сопровождается особыми специальными болезнями. Так, например, чрезмерная волосатость бывает соединена с неправильным развитием зубов. Альбиносы страдают дневною слепотой. Гиганты – поразительным несоответствием между слабым развитием нервной системы и чрезвычайной массой тела; кости их болезненно хрупки. У детей с преждевременным половым развитием Плосс в 13

случаях из 44 указывает различные болезни, как рахитизм, туберкулез, водянку головы и пр. О карликах пишут, что они «старые дети с незначительными шансами на жизнь, иногда с рахитизмом и английской болезнью». О кретинах уже и говорить нечего, они совершенно нечувствительны к окружающему миру, чувства их как бы парализованы: кретин сидит или лежит в одном положении, пока оно не будет изменено посторонней рукой. Его нужно кормить, как новорожденное дитя, а иначе он умрет с голоду. У микроцефалов бывает врожденная водянка почек. Наконец, самое дорогое для нас уродство – гениальных людей Ломброзо, как известно, сближает с сумасшедшими. «Между гениальными людьми, – говорит он, – встречаются помешанные и между сумасшедшими – гении».

Здесь надо заметить, что в только что описанных явлениях, как и во всех остальных сторонах своей жизни, человек вовсе не стоит одиноким в ряду других представителей животного царства. Параллели к этим явлениям в животном мире давно известны европейской науке.

Уже Бюффон знал, что виды изменяются, что они, по его выражению, «совершенствуются или вырождаются». Явления возврата к предкам (предполагая, по мнению многих ученых, что предки стояли всегда ниже своих потомков), т.е. такие, при которых животные вырождаются в низший тип, принято называть «атавизмом», а противоположные им, прогрессивные уклонения, вырождение в высший тип, Кунингам предлагает назвать «прогонизмом».

Случаи «атавизма» и «прогонизма» вовсе не новость и не редкость в зоологической практике. Дарвин в своей книге «Происхождение видов» приводит их множество, хотя исключительно из жизни домашних животных, так как над дикими животными подобных наблюдений еще пока не делалось.

При реверсии или атавизме лошадей голова их делается больше и грубее, а на различных частях тела, в особенности на ногах, появляются черные полосы. Домашние свиньи приобретают темный цвет с продольными полосами, толстую щетину, длинное рыло и большие клыки дикого кабана. Овцы всех цветов вырождаются в черных. Кролики получают серебристо-серый цвет. Домашние куры вырождаются в дикий вид Gallus bankiva с красными перьями. Утки приближаются к дикой крякве и получают способность летать, а голуби вырождаются в сизых со всеми отметинами характеризующими дикого полевого голубя. Многие из домашних животных при атавизме, по словам Дарвина, лишаются старых привычек и инстинктов и приобретают новые, а по характеру становятся чрезвычайно дикими.

При прогонизме, примеров которого Дарвин приводит также немало, домашние животные увеличиваются в росте, силе и весе, становятся отважнее, уживчивее, выносливее и плодовитее.

24. ТЕОРИЯ НАША ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ ФАКТАМИ ЭМБРИОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Онтогенезис и филогенезис. С какого момента начинается онтогенезис человека. Закон единовременной наследственности. Онтогенезис существ гибридных. Зародыш человека кавказской расы повторяет белого дилювиального человека. После рождения ребенок повторяет питекантропа.

Эмбриологическое развитие животных совершается согласно известному закону Геккеля, по которому ряд форм, проходимых в течение жизни индивидуумом данного вида, есть как бы краткое обозрение тех форм, через которые проходили его предки в продолжение огромных геологических периодов. На научном языке этот закон выражается таким образом: «Онтогенезис (развитие индивидуума) есть краткое и быстрое повторение филогенезиса (истории развития рода)». Так, например, лягушка своими превращениями отчетливо повторяет историю жизни своего рыбообразного предка, с жабрами вместо легких. В этом периоде ее отдаленные предки были вполне водяным животным. Далее у нее вырастают ноги, жабры заменяются легкими, и получается род ящерицы и тритона. Наконец, отпадает хвост и наступает форма взрослого животного. Подобную же историю рода мы можем прочитать в превращениях жуков, бабочек и других насекомых.

В истории развития человеческого зародыша есть также намеки на отдаленное прошлое его рода. У него можно наблюдать: остатки жабр от того времени, когда его предок был водяным животным, хвост, когда он был четвероногим, сходство с зародышами других, низко стоящих животных и проч. Причины, производящие такие превращения нам неизвестны, но мы знаем, однако, что они внутренние, а не внешние.

Превращения человека во время его утробной жизни рассматриваются эмбриологией как сокращенная история его отдаленного прошлого, но мне не случалось встретить работ, которые взглянули бы с той же точки зрения на его внутриутробную жизнь. Это происходит, вероятно, потому, что в наших взглядах все еще господствуют принципы Ломб-розо. Мы не можем отрешиться от действия на человеческий организм внешних факторов. Но, если бы принять, что внутриутробная жизнь человека есть прямое продолжение утробной, т.е. если она управляется тоже только внутренними законами, то тогда не осталось бы места для действия на человека внешних факторов.

А между тем, разве можно утверждать, что с момента рождения человеческий организм уже перестает подчиняться закону Геккеля?

Конечно нет. Онтогенезис – это ряд последовательных изменений, совершающихся с животным в строго определенном порядке и вызываемых внутренними причинами, рождение же для организма, – фактор чисто внешний.

Начато онтогенезиса нужно считать с момента зарождения организма, а конец с последним изменением, которое с организмом совершается. Если приложить это определение к жизни бабочки, то ее онтогенезис начинается с того момента, когда она зародилась в виде яичка в утробе матери, а кончается тогда, когда бабочка завершит свое последнее превращение, т.е. выйдет из куколки. После того с ней уже не совершается более никаких изменений: она кладет яички и скоро умирает. Итак, у бабочки онтогенезис продолжается всю ее жизнь.

А теперь спрашивается: когда кончается онтогенезис у птицы и у человека? Принято думать, что у птицы – с ее выходом из яйца, а у человека – с момента его рождения. Но так ли это? Очевидно нет, потому что их превращения еще не кончились. У птицы первое оперение в виде пушка и его цвет с возрастом изменяются. У человека, начиная с младенческого возраста и кончая глубокой старостью, происходит целый ряд совершенно непонятных для нас изменений.

Следовательно, настоящим окончанием онтогенезиса нужно было бы считать для человека не момент его рождения, а самое последнее изменение в старости. Можно думать, что если изменения, совершающиеся с человеческим зародышем в начале его утробной жизни, повторяют вкратце древнюю историю человеческого рода, то вся остальная его жизнь воспроизводит новую и новейшую истории. С этой точки зрения изменения, совершающиеся с человеком, представляют огромный интерес.

Является только вопрос: следуют ли эти изменения друг за другом с такой же правильностью, как и в жизни утробной?

Мне кажется, сомнения в этом быть не может. Никто еще не доказал, что законы внутренней жизни человека с момента его рождения перестают действовать, а воздействие на человеческий организм внешних факторов еще больше как гипотеза. Если бы законы внутренней жизни после рождения человека переставали управлять человеческим организмом, то он не подчинялся бы между прочим и законам наследственности. А между тем у Дарвина мы находим: «Если какой-нибудь новый признак является у животного в молодости, то продолжает ли он существовать всю жизнь, или длится лишь временно, он непременно появится – это общее правило – у потомства в тот же самый возраст и будет существовать гак же долго. Если, далее, новый признак проявляется во время зрелости или на старости, то он склонен появятся у потомков в те же периоды жизни». А Геккель то же правило называет *«законом единовременной наследственности»* (Lex hereditatis homochronae), в силу которого «признаки, приобретенные родителями в известном периоде их существования, появляются у потомков в том же точно периоде».

Если, по закону Геккеля, всякое живое существо чистой породы воспроизводит в своей жизни историю своего рода, то является вопрос, какую историю будет воспроизводить существо смешанное, гибридное, составившееся из двух видов? Ответ на это мы находим у Дарвина. «Цыплята, – говорит он, – и молодые голуби, полученные от скрещивания двух окрашенных птиц, бывают вначале одного цвета, но через год или два приобретают перья и цвет другого родителя». Следовательно, гибрид воспроизводит не одну историю рода, а две: сначала одну, потом другую. Признаки одного из родителей появляются у него в одном возрасте, а признаки

другого – в другом.

Если бы человек был, как принято думать, видом чистокровным, то всю его внутриутробную жизнь антропологические признаки его оставались бы неизменными. Если же они меняются по возрастам, как у скрещенных кур и голубей, то это еще лишний раз доказывает, что он существо гибридное.

Запасшись такими предварительными сведениями, обратимся к истории человеческого развития, начиная с его состояния зародыша и посмотрим, в каком возрасте его организм воспроизводит признаки белого дилювиального человека, а в каком – питекантропа. Касаться древней истории человеческого рода, когда он проходил стадии различных животных, мы не будем, а прямо обратимся к концу его утробной жизни, к 6-му месяцу, когда ребенок уже вполне сформировался.

По сходству с нашими прародителями детский возраст современного европейца можно разделить на два периода. В первом, начиная с 6-го месяца утробной жизни, он по своим антропологическим признакам приближается к белому дилювиальному человеку, а после рождения – к питекантропу.

Действительно, для первого периода нам удалось подыскать пять признаков общих нашему ребенку с белым дилювиальным человеком:

1). Его волосатость. Тело человеческого зародыша в конце 6-го месяца покрывается, впоследствии спадающим, пушком, который называется Lanugo. «Вся поверхность тела зародыша, – говорит Дарвин, – не исключая лба и ушей, густо покрыта пухом, но замечательно, что ладони и подошвы совершенно голы, подобно большинству наших животных. Такое совпадение едва может быть случайно и мы, следовательно, должны рассматривать пушистый покров зародыша как остаток первобытной постоянной волосистой одежды. Профессор Александр Брандт сравнивал волосы на лице (чрезмерно) волосатого человека с пухом, которым покрыт зародыш, и нашел в их строении полное сходство».

2). Пушок, о котором мы говорим, – «бесцветен» или бел.

3). У большинства новорожденных детей глаза бывают голубые и только позже обращаются в карие.

4). У человеческого зародыша – длинная, относительно общей величины тела, кисть руки, постепенно укорачивающаяся у ребенка до 2-го года жизни.

5). У зародыша более длинная голова, чем у взрослого. С первого же месяца внутриутробной жизни она растет быстрее в ширину, чем в длину.

После рождения европейский ребенок получает стремление воспроизводить признаки питекантропа: зародышный пушок спадает, и тело становится голым, но цвет волос и глаз темнеет не сразу, а только постепенно. В первые годы волосы европейского ребенка в большинстве случаев светлее, чем у взрослых.

«Громадное большинство детей нашей расы, – говорит Вирхов, – рождается с голубыми глазами, но вскоре у очень многих из них голубой цвет переходит в карий. Немало детей рождается с каштановыми и даже черными волосами на голове, но еще многочисленнее случаи, когда волосы на голове новорожденного бывают

светлого, нередко беловато-желтого и даже желтовато-белого цвета, а потом постепенно изменяются в каштановый и даже темно-каштановый цвет. В прусских школах на 100 детей приходилось до 14 лет – 72 блондина, а после 14 – только 61». На тот же факт указывает и Ляпуж. «Некоторые матери, – передает он, – из религиозных целей сохраняют волосы своих детей от первой стрижки, которые потом удивляют взрослых их светлым цветом. У девушек концы их кос оказываются светлее, чем корни волос. Наконец, любопытные и в своем роде единственные таблицы оттенков волос от самых светлых до самых темных составляются у антропологов от одного и того же ребенка, если, наблюдая его развитие, они отрезают у него ежегодно по пряди волос».

Что в нашем младеческом возрасте мы, белые люди, приобретаем физические и умственные признаки питекантропа, доказывается тем, что признаки эти у нашего ребенка вполне сходятся с таковыми же у низших рас, у карликов, у кретинов и у женщин и расходятся с признаками белого мужчины. Вот некоторые из таких признаков:

1). Длинное туловище и короткие ноги, по словам Ранке и Герберта Спенсера, характерны для детского и юношеского возраста. В этом отношении наши дети сходны с женщиной, с низшими расами (в особенности с желтыми), с карликами и с человекообразными обезьянами.

2). У ребенка относительно большая голова. По Топинару, она на втором месяце утробной жизни составляет половину всего тела, при рождении – четверть, а в зрелом возрасте – восьмую. Эгой особенностью наш ребенок сходен с карликами, бушменами, эскимосами и вообще с монгольской расой.

3). Мозг белого ребенка обнаруживает сходство с женским и с мозгом негра.

4). По своему, выдающемуся над грудной клеткой, животу, наш ребенок напоминает низшие расы человечества, низшие сословия европейских народов, карликов и кретинов.

5). «Нос европейских детей представляет как бы временное образование, которое соответствует постоянным формам некоторых низших рас, в особенности австралийцев».

6). Шея у новорожденных представляется короткою, как у некоторых дикарей. Только в период между вторым годом жизни и наступлением половой зрелости она приобретает свои характерные формы.

7). Ухо у европейских детей поставлено ниже, чем у взрослых, так же, как у низших рас.

8). Огромное большинство европейских детей рождается с так называемой «монгольской складкой» на верхнем веке, которая впоследствии срастается. Складка эта характерна для монгольской расы; она же часто наблюдается у идиотов.

9). До рождения ребенка длина кисти его руки относительно общей величины тела возрастает. После рождения происходит сравнительное укорачивание кисти до 2-го года, после чего длина ее снова увеличивается. Короткой кистью руки отличаются, как известно, бушмены, японцы низших классов и др.

10). В позвоночном стволе у ребенка не замечается никаких изгибов, чем он сходен с низшими расами. Шейный изгиб обнаруживается только на 3-м месяце, а поясничный появляется тогда, когда ребенок начинает ходить.

11). У европейских детей на 7-м месяце их утробной жизни «кожа лишена жировой подкладки, а потому морщиниста, и черты лица получаются старческие», так же, как у бушменов, лопарей и кретинов.

12). Европейские дети рождаются на свет не белыми, а красными.

13). У ребенка бывает более веснушек, чем у взрослого, а веснушки, как мы видели выше, – это пятна цветной кожи.

14). К числу черт, сближающих нашего ребенка с низшими расами и с низшими сословиями европейского общества, нужно отнести также большее, чем у взрослых сходство между полами.

В первые годы жизни по общему сложению тела невозможно отличить мальчика от девочки, их очень часто смешивают, принимая мальчика за девочку и наоборот. Такое нейтральное, можно сказать, бесполое состояние, у наших детей продолжается различное время, во всяком случае, не менее нескольких лет. Время же, когда в формах детского организма несколько яснее начинают выступать вторичные половые признаки, приблизительно совпадает с периодом первой смены зубов, т.е. на шестом или восьмом году. «В детстве и до взрослого возраста зрелости, – говорит Топинар, – скелет человеческий не различается заметным образом по полам, черты его скорее женские. В возрасте зрелости начинает обрисовываться мужчина, но только в 20 лет и позже он уже обладает всеми своими характерными чертами».

15). Физическому сходству нашего ребенка с дикарями соответствует и умственное. Эта параллель прекрасно проведена Гербертом Спенсером. «Ребенок и дикарь, – говорит он, – поглощены ощущениями и восприятиями; размышление их слабо. Дети постоянно занимаются представлениями жизни взрослых в драматической форме; дикари любят представлять в той же форме своих цивилизованных посетителей. У тех и других замечается отсутствие способности различать полезные факты от бесполезных и неспособность к сосредоточению внимания на чем-либо сложном и отвлеченном. Ум ребенка, подобно уму дикаря, скоро начинает блуждать из стороны в сторону от утомления и истощения всякий раз, как ему приходится иметь дело с общими идеями и сложными предложениями. Дитя, подобно дикарю, обладает очень немногими словами, представляющими низкую степень отвлеченности, слов же высокой отвлеченности у него нет ни одного», и т.д.

25. ЗРЕЛЫЙ И СТАРЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ МУЖЧИНЫ КАВКАЗСКОЙ РАСЫ

Голое тело человека. Плешивость. Седина. В глубокой старости человек кавказской расы воспроизводит питекантропа.

Если следить за развитием европейского мальчика, то мы увидим, что при достижении им зрелого возраста у него появляются вторичные половые признаки: усиление растительности на теле, появление так называемых «волос половой зрелости» на подбородке, губах и щеках (усы и борода), в носу и ушах, под мышками и на половых частях, изменение голоса с высокого на низкий, увеличение роста и веса, удлинение ног сравнительно с туловищем и проч., т.е. все признаки белого дилювиального человека. Некоторые из этих признаков, как например, низкий голос и растительность на лице, тесно связаны у нас с половым развитием, так как у кастратов они отсутствуют. Но в сущности они прямого отношения к половой жизни не имеют, так как у большинства низших рас, отличающихся слабым развитием растительности, волосатость вовсе не связана с половой зрелостью. У негров, например, бороды или вовсе не бывает или только в старости, бакенбарды же совсем не вырастают. А голос, как было приведено выше, у низших рас мало отличается по полам.

Связь этих признаков с половой зрелостью мужчины как бы напоминает нам о том обстоятельстве, что признаки дилювиального человека примешались к признакам питекантропа только путем полового общения, путем скрещивания.

С этого времени в мужчине начинает преобладать черты белой расы и, прерванная как бы посторонней вставкой, история развития белой расы, продолжается. Кровь ее, как бы временно побежденная кровью питекантропов, снова берет верх.

Если у современного белого мужчины густыми волосами покрывается не все тело, а только некоторые его части, на всем же остальном выростают только коротенькие и редкие волосинки, то это можно объяснить только результатом смешения нашего белого предка с питекантропом. По этому поводу не мешает несколько дольше остановиться на голой коже человека, которая, по словам Ранке «выделяет его из числа млекопитающих, покрытых за немногими исключениями, густою шерстью».

Факт этот уже давно интересовал науку, и немало было попыток его объяснить, но насколько мне известно, они были неудачны. Так, например, приписывали голую кожу прародине человека, которую искали в тропическом климате. Думали, что для него удобнее было быть голым, чтобы не страдать от тропических жаров. Но для того, чтобы естественный отбор мог действовать в этом направлении, нужно, чтобы волосатые люди вымерли. А в таком случае не одни люди, но и все животные тропического климата, покрытые шерстью, также должны были вымереть от жары, а это явный абсурд. На том же основании не выдерживает критики и преположение

Бельта, что причиной явления были паразиты, так как невозможно допустить, чтобы от паразитов, да еще не внутренних или накожных, а наружных, могли вымирать какие-либо животные. Наконец, Дарвин сделал робкое предположение, что не лишились ли люди волос ради украшения, но при этом даже и не пытался подкрепить свои слова какими-либо доказательствами. Таким образом, вопрос о голой коже человека так и остается открытым.

Я объясняю его себе следующим образом. Как уже было сказано выше, дилювиальный человек покрылся во время ледникового периода белоснежной шерстью, которой требовала «охранительная окраска». А так как современный человек только отчасти покрыт волосами, и так как он гибрид, то ясно, что питекантропы принадлежали к числу животных безволосых и, следовательно, по закону Лейдига, были толстокожими. И, действительно, есть данные, подтверждающие такой вывод. Если низшие расы, в отличие от европейца, имеют в своих жилах более крови питекантропов, то ясно, что у них же мы должны искать и черты, отличавшие этих последних. И вот, в связи со слабой волосатостью желтой и черной расы, при измерении кожи негров она оказалась толще, чем кожа европейцев. Кроме того, у некоторых из низших рас кожа отличается тем, что дает многочисленные складки, подобно коже слонов. Так, например, бушменов Фритч описывает следующим образом: «Кожа бушмена уже с молодых лет поразительно суха, тоща и не снабжена жиром. При этом она имеет еще своеобразное строение, которое скорее можно сравнить со строением дубленной овечьей кожи. По-видимому, она лишилась своей эластичности уже на живом теле; повсюду, где она подвергается временному растяжению, как например в подмышечной впадине, на животе, вокруг колен и проч., кожа не натянута, но *ложится глубокими складками*». Нечто подобное пишут также о лопарях. «Они все худощавы и лица их так морщинисты, что даже самые молодые из них кажутся стариками. У кожи лопарей незначительная жировая подстилка». Но при этом надо все таки не забывать, что современные бушмены и лопари не питекантропы, а помесь с белой расой. Следовательно, у настоящих питекантропов кожа имела еще более сходство со слоновой. Если припомнить, что у кретинов, которых мы считаем за питекантропов, возрождающихся путем атавизма, кожа так же морщиниста и по описанию сходна с кожей бушменов, а у мекседемов, одной из разновидностей кретина, кожа бывает «затверделая, натянутая и лишенная волос», которую сравнивают с «кожей слона», наконец, если прибавить, что тело кретинов «безволосое, как у ребенка», то придется принять, согласно с Мортилье, что голая кожа унаследована нашим предком от ископаемой человекообразной обезьяной – обезьяны Oreopithcus Bambolii, которая занимала место в конце ряда человекообразных обезьян после гориллы и между Cynocefalus и макаком.

Теперь спрашивается, какой же вид должна была принять кожа у гибридов, составившихся из смеси волосатых людей с существами, покрытыми голой кожей. Ответ на это дает нам Дарвин: «По словам Ренггера, – говорит он, – нагота парагвайских собак или вполне передается, или вовсе не передается ублюдкам; однако, мне случалось видеть частное исключение на одной собаке такого происхождения, у которой часть кожи была покрыта волосами и часть нагая, причем обе части разделялись так же, как у пегих животных». Так как и мне самому

доводилось наблюдать то же самое явление, то я и заключаю отсюда, что у ублюдков от голого и волосатого животного распределение на теле волосатых мест следует приблизительно тому же закону, как цветные пятна у пегих животных, т.е. получается животное с голой кожей, на которой только некоторые участки покрыты шерстью. И, действительно, современный человек, в особенности европеец, иред-ставляет нам именно подобную картину; он весь голый, за исключением верхней части головы, бровей, бороды, усов, подмышечной впадины и половых органов.

Известно далее, что у пегих животных цветные пятна располагаются двояко: у одних без всякой правильности и симметрии, а у других, как «подпалины» у гончих собак, всегда на одном и том же месте. Последнее повторяется и у людей с их волосяными пятнами. Произошло это, вероятно, потому, что у белого дилювиального человека волосяной покров был не везде одинаков. На тех местах, где теперь сохранились волосы, он был гуще, чем на остальном теле. И, действительно, по Дарвину, «тонкий шерстообразный пух», так называемый Lanugo, «появляется у человеческого зародыша прежде всего на бровях и лице, в особенности вокруг рта».

Что касается волосяного покрова на голове взрослого мужчины кавказской расы, то здесь у некоторых индивидуумов замечается особенность, свойственная почти исключительно ему, а именно лысина. Известно, что она встречается редко: у женщин белой расы, у наших низших сословий, у низших рас и у кретинов. У негров, по исследованию Гульда, плешивость бывает реже, чем у белых. Мулаты страдают ею чаще, чем негры, но реже, чем белые. У краснокожих индейцев она еще более редкое явление, чем у негров.

Все это дает повод заключить, что густая шевелюра была принадлежностью питекантропа, а у белого дилювиального человека, хотя не было лысины, но голова была покрыта более короткими и редкими волосами, чем усы и борода. Действительно, у Дарвина мы находим, что «у человеческого зародыша волосы на лице длиннее, чем на голове». «Отсюда следует, – говорит этот ученый, – что наши получеловеческие родоначальники не имели длинных косм, и что последние – приобретение позднейшего времени».

Поэтому густая шевелюра в настоящее время составляет принадлежность тех людей, которые ближе но крови к питекантропу, т.е. у низших рас, низших сословий в Европе и женщин, а лысина – у тех, которые приближаются к белому дилювиальному человек. «Существует, по-видимому, известное соотношение, – говорит Деникер, – между обилием волос на голове и на теле. По наблюдениям Гильгендорфа, у японцев при слабой растительности волос на остальном теле, имеется по 252 и до 286 головных волос на квадратный сантиметр кожи, тогда как у волосатых айносов число это доходит только до 214».

Происхождение лысины объясняют обыкновенно слабостью волосяных мешочков, происходящею от старости и от неблагоприятных условий культурной жизни. Но мне это объяснение кажется неправдоподобным. Во-первых, в настоящее время вовсе не редкость встретить лысых между молодыми мужчинами. Во-вторых, если культура имеет влияние на выпадение у человека волос, то почему они крепко сидят на голове у культурной женщины, а полное отсутствие волос на голове в виде

врожденного уродства встречается у папуасов Новой Гвинеи, ничего общего с культурой не имеющих.

Исчезновение у европейского питекантропа его богатой шевелюры, несмотря на холод ледникового периода, мне кажется, будет понятно из следующего:

По словам Ломброзо, мыслителям, так же как и помешанным, свойственно постоянное переполнение мозга кровью (гиппермия). Мы знаем также, что для понижения температуры крови и для уменьшения ее прилива к голове в больницах для умалишенных прибегают к бритью головы и к поливанию ее холодной водой. Следовательно, густой волосяной покров на голове, как плохой проводник тепла, в некоторых случаях может явится помехой для правильного отправления мозга.

Если у первобытного человека ледникового периода кровеносные сосуды на поверхности всего тела были покрыты только безволосой кожей, а на голове толстой костью черепа с шапкой длинных густых волос и, если, вследствие хода естественного отбора, температура крови и ее приток к мозгу должны были повыситься, то кровь в голове стала гораздо сильнее нагреваться, чем во всем остальном теле. Чтобы установить равновесие температуры между головой и остальным телом, нужно было одно из двух: или чтобы кожа на всем теле утолстилась и покрылась такими же густыми волосами, как на голове, или, чтобы голова освободилась от излишнего волосяного покрова. Последнее, разумеется, было проще. Позже, когда белый дилювиальный человек смешался с питекантропом и унаследовал от него густую шевелюру, это во многих случаях должно было вредно отозваться на его мозгу. А именно, если человек наследовал полнокровие и гиппермию от белого предка, а волосяной покров на голове от питекантропа, то температура крови в его голове становилась слишком высока. Это нарушало правильность отправления мозга и, вероятно, заставило принять в виде гигиенической меры, как обязательный обычай, бритье головы, которое мы в настоящее время и наблюдаем у мусульман, китайцев и многих других народов.

Наоборот, если смешанный человек наследовал от белого предка размеры, устройство головы и ее слабую растительность, а от питекантропа – слабое кровообращение, то голова его зябла и снова получалось неправильное отправление мозга. Это вызывало как гигиеническую меру ношение шапки, с которой европеец в настоящее время никогда не расстается под открытым небом, а у евреев требуется ношение ее даже в храме молитвы.

Кроме того, допустив, что слабая растительность на голове была совершенно нормальным явлением у белого дилювиального человека, мы найдем подтверждение нашей догадки еще и в других фактах действительности. Так, например, известно, что голова наша легче переносит низкую температуру, чем все остальное тело и наоборот, не выносит высокой температуры. Пот, который понижает температуру тела, являясь регулятором против сильного ее повышения, выступает у нас прежде всего на лбу. Вероятно, отсюда же берет свое начало древнее народное гигиеническое правило: «держи голову в холоде, а ноги в тепле».

Но все приведенные нами факты говорят только о причинах слабости волосяного покрова на голове белого дилювиального человека. Что же касается

полного отсутствия волос на этой части тела у смешанных рас к нему близких, то его, вероятно, нужно отнести к результатам смешения. Волосяной покров исчезает на голове, надо полагать, потому же, почему и на всем остальном теле.

Если мы обратимся теперь к старческому возрасту белого мужчины, то встретим явление, хотя всем нам очень хорошо известное, но тем не менее остающееся в некоторых отношениях загадочным. Я говорю о седине. Появление седины физиологи объясняют тем, что старые окрашенные волосы постепенно выпадают и заменяются новыми, лишенными красящего вещества, но зато очень богатыми воздухом. Само уничтожение красящего вещества объясняется поглощением клеток или зерен его фагоцитами (белыми кровяными шариками). На этих объяснениях мы обыкновенно и успокаиваемся, считая явление седины совершенно понятным. Мы так свыклись с видимой связью седины со старостью, что считаем эти два явления неразлучными. Но между тем, если присмотреться к делу поближе, то сейчас же являются вопросы неразрешимые при нашем современном знании. Оказывается, например, что различные человеческие расы, различные сословия и оба пола неодинаково относятся к седине. Антропологи говорят нам, что седина составляет чуть ли не исключительную принадлежность белой расы и ищут причину этого в нашей культуре. «Седых голов между европейцами, – говорит Ранке, – встречается всего больше. Седение начинается у нас вообще раньше, чем у других народов. Несомненно, что обесцвечивание волос в старости встречается у темноцветных племен гораздо реже и наступает позже, чем у европейцев». Все-таки среди черных Африки, по словам Фрит-ча и др., не очень редко можно видеть седых, гораздо реже они встречаются среди американских индейцев. По данным Форбса, у индейцев Перу волосы не седеют. Приблизительно тоже говорит по этому поводу и А. фон Гумбольдт: «Путешественники, которые судят лишь по физиономии индейцев, склонны думать, что между ними мало стариков. И, действительно, очень трудно составить понятие о возрасте туземцев, если не просматривать метрических списков… Волосы их никогда не седеют, и гораздо труднее встретить индейца, чем негра, с белыми волосами».

К этому я должен добавить свое собственное наблюдение, что между нашими и, в особенности, польскими крестьянами гораздо реже, чем между интеллигенцией, можно видеть седых стариков. Волосы их иногда до глубокой старости сохраняют свой первоначальный цвет. У кретинов, как было говорено выше, волосы никогда не седеют.

Факты такого рода объясняют обыкновенно тем, что культура разрушает и старит человека скорее, чем следует. Но это объяснение не основано ни на чем ином, кроме совпадения более полной седины с областью распространения культуры, а потому с полным правом его можно заменить другим, а именно, что седение в старости есть такой же антропологический признак современной белой расы, как длинная голова, высокий рост, короткое туловище и проч. Происходит она не от каких-либо внешних факторов, а по закону Геккеля, как воспроизведение в жизни индивидуума истории развития его рода.

Наблюдая даже поверхностно случаи полной или частной преждевременной седины, мы убеждаемся, что она вовсе не является одним из симптомов разрушения

тела. Человек, преждевременно поседевший, не отличается от других людей ни в отношении здоровья, ни в отношении половой жизни, а потому седина совершенно неосновательно считается у нас признаком разрушения. В жизни человека она играет такую же роль, как белый цвет шерсти у кошки или собаки. Это ничто иное, как альбинизм, появляющийся у мужчин и, сравнительно реже, у женщин тех рас, которые стоят по крови ближе к белому дилювиальному человеку, как одна из характерных черт этого последнего. Ее появление совпадает с концом зрелого возраста. Если же мы привыкли относить ее к старости, то это потому, что одновременно с ней впервые появляются у человека и другие черты, явно принадлежащие старости.

Что к старческому возрасту у европейца все более и более прибавляется черт белого дилювиального человека, доказывает, между прочим, и тот факт, что «частичный гигантский рост», т.е. чрезмерное расстояние отдельных частей тела, случается обыкновенно «в более поздней поре жизни».

Сверх того, в старости у белого человека обоих полов появляются еще многие другие признаки, которые его белому дилювиальному предку не принадлежат: 1) кожа его лишается жировой подкладки и складывается в морщины, 2) цвет кожи становится красным, желтым или темным. Впрочем, окрашивание кожи, так же, как и морщины, появляется у человека в небольшом количестве еще в зрелом возрасте далеко до старости. Потемнение кожи дает, между прочим, возможность различать по наружности возраст белого человека. Кроме того, в старости замечается 3) уменьшение роста человека. Так, по измерениям Кетле в Бельгии, максимум роста приходится на возраст от 30 до 50 лет, а потом уменьшается следующим образом:

	Мужчины	Женщины
50 лет	1,686 м	1,580 м
60 лет	1,676 м	1,571 м
70 лет	1,660 м	1,556 м
80 лет	1,636 м	1,570 м

Вместе с тем, 4) ноги у старика сгибаются в коленях, и сам он сгорбливается, нуждаясь в палке для ходьбы. Рассказывают также, 5) что в глубокой старости (после 100 лет) у человека вновь прорезываются зубы и темнеют волосы. Что касается новых зубов, то мне самому приходилось наблюдать их у 120-летнего старика-еврея в Новоградоволынске.

Наконец, 6) в глубокой старости человек «впадает в детство», т.е. теряет память и становится так глуп и наивен, как ребенок. По словам одной болгарской сказки, он переживает в это время «возраст обезьяны», по своему безобразию и потому, что всех смешит своим поведением.

Если теперь припомнить характеристику низших рас и детей, то нетрудно догадаться, что шесть перечисленных признаков принадлежат питекантропу, в

которого, таким образом, снова и обращается белый человек второй раз в глубокой старости.

Следовательно, эмбриологическое развитие современного белого мужчины заключается в том, что он два раза приближается к белому дилювиальному человеку: в состоянии зародыша и в зрелом возрасте, и два раза к питекантропу: в раннем детстве и глубокой старости.

26. ЭМБРИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

В старости женщина приближается к мужчине.

Если мы перейдем к истории развития европейской женщины, то увидим, что в то время, когда белый мальчик начинает приобретать вторичные половые признаки, т.е. особенности белого человека, девочка отстает от него и на всю жизнь сохраняет многие черты, общие ей с ребенком и низшими расами.

Рассматривая особенности женщины, доктор Мечников обращает внимание на тот факт, что половая чувственность развивается у нее гораздо позже, чем у мужчин. «В эпоху, – говорит он, – когда специфическая чувствительность женщины достигает своего апогея, половое отправление мужчины начинает уже падать… Следствием этого бывает супружеская неверность. Тот факт, – говорит Мечников, – что нечто, столь фундаментально противоположное природе и ее главной цели, размножению, производится самой природой, является невероятным парадоксом, объяснение которого составляет одну из самых трудных задач». Задача эта является не столь уже трудной, если принять нашу теорию.

Сильная половая чувствительность есть один из антропологических признаков белого дилювиального человека. Белая женщина получает ее позже, чем современный белый мужчина, так же, как и все другие признаки нашего дилювиального предка.

«Около 40 лет или позже, – говорит Топинар, – различия между полами снова начинают стушевываться и в глубокой старости оба пола становятся друг на друга похожими, но тогда уже черты их более мужские». У некоторых молодых женщин, правда довольно редко, пробивается небольшая борода и усы. Но зато под старость, когда у женщины начинаются «старческие изменения», на лице ее, а особенно на подбородке и на нижней губе, появляются толстые щетинистые волосы, и вырастает настоящая, хотя и довольно редкая борода. М.Бартельс описал значительное число таких бородатых женщин.

Старческие изменения, по словам Плосса, вообще сглаживают половые особенности женщины. Между прочим, в это время и голос у нее становится грубым и басистым. То, что сказано о бороде у женщин, можно повторить и о их седине. Женщины седеют значительно позже мужчин и седина наблюдается у них менее часто. Наконец, еще одна особенность, отличающая мужчину от женщины, тоже проявляется у женщин преимущественно старых, – это выдающиеся надбровные дуги. Заметив, что у древних черепов дуги эти встречаются только у мужчин, Карл Фохт говорит, что у тех народов, которые отличаются особенно сильно выдающимися надбровными дугами, эти последние встречаются только у мужчин, а у женщин являются в исключительных случаях у субъектов в возрасте матроны.

Совершенно подобное и, по всей вероятности, происходящее от той же самой причины, т.е. скрещивания видов, наблюдается и у животных. Брандт обратил

внимание на то обстоятельство, что самки многих птиц, например, кур, уток, тетерок, под старость приобретают оперение, а иногда и голос самцов, т.е. делаются петухоперыми. Эти аномалии он назвал «пророческими», так как видит в них стремление самки последовать за самцом в приобретении отличительных для его пола признаков.

Из всего приведенного видно, что онтогенезис европейской женщины идет совершенно в том же порядке, как и у мужчины, но период преобладания признаков питекантропа у нее продолжительнее, а потому развитие ее кажется опаздывающим по сравнению с мужским.

27. ЭМБРИОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ У НИЗШИХ РАС

Дети низших рас сходны с белым человеком. Раннее развитие детей низших рас. Зрелый возраст низших рас – приближение к питекантропу. Объяснение случаев одичания образованных людей из низших рас. Процесс развития у низших классов Европы одинаков с таковым же у низших рас.

У цветных рас эмбриологическое развитие, по-видимому, идет как раз обратно европейскому. Негрский ребенок имеет в детстве более черт белой расы, чем волосатый негр, но к зрелому возрасту мало-помалу теряет их. Цвет его кожи вначале не черный, а красный или светло-серый, по другим источникам – красно-коричневый, а по третьим – красный с примесью грязного, орехово-бурого оттенка. Этот цвет переходит потом в аспидно-серый и, наконец – в черный. В Судане черный цвет кожи у негритенка устанавливается по прошествии года, а в Египте не раньше трехлетнего возраста.

Глаза негритенка бывают сначала голубые, а волосы скорее каштановые или темно-русые, чем черные. Они сначала прямые, тонкие и шелковистые, как у европейца, а вьются только на концах. По окончании прорезывания зубов, начинают появляться характерные признаки нефа. Но все же, молодой негр до возраста возмужалости сохраняет приятную наружность.

Относительно строения головы замечают отсутствие у негрского ребенка косозубия, а по Фритчу, маленькие дети кафров имеют более длинную голову, чем взрослые.

Д-р Вольф, исследовавший область южных притоков реки Конго, пишет, что он как на морском берегу, так и в глубине страны видел новорожденных светло-розовыми и поразительно похожими на младенцев кавказской расы.

Подобное же развитие замечают и у остальных цветных рас. Шеллонг видел на Новой Гвинее новорожденного папуаса. Мать-папуаска имела темно-бурый цвет кожи, а ребенок, мальчик, был поразительно светлого, почти белого цвета. У австралийцев дети при рождении красновато-коричневые и темнеют со временем. У парагвайских гуаранов они беловато-желтые, но через несколько недель приобретают уже желтовато-коричневый цвет своих родителей. Подобные же наблюдения были сделаны и в других частях Америки. У огнеземельцев дети до пятого года жизни не темнее европейских детей. У эскимосов и северо-американских индейцев они менее пигментированы и походят на новорожденных белых. Новорожденные корейцы, ботокуды, малайцы, калмыки и другие дети цветных рас далеко не так желты или темны, как взрослые их одноплеменники.

У калмыцких детей волосы мягкие, тонкие, слегка кудрявые, делаются впоследствии прямыми, толстыми и гладкими.

У японцев новорожденные и маленькие дети имеют волосы почти черные, а

позже до 4 лет черные волосы встречаются редко. Многие дети, особенно уличные, т.е. принадлежащие к низшим классам, в Европе без колебаний признаны были бы за блондинов. У японских детей, кроме того, нет косозубия, как у взрослых и нет выдающихся скул.

Два типа человеческого развития, о которых мы говорим, по-видимому, известны европейской науке давно: Карл Реклам (в 1878 году) приводит два противоположные мнения двух групп ученых. Путешественники, говорит он, в странах, обитаемых исключительно неграми, сделали наблюдение, что у негров дети рождаются с бледной кожей, формой головы и чертами лица, напоминающими белую расу. Одни объясняют этот факт тем, что организм ребенка воспроизводит более ранние времена, а, следовательно, все негры бьии когда-то белыми, и человек белой расы произошел от негра. А другие ученые обращают внимание на то, что в странах славянских (?) дети иногда отличаются негро-образным черепом и негрскими чертами лица, а кожа у них, если не черная, то темная, поэтому думают, что, наоборот, белые произошли от негров.

«По своим душевным способностям негритенок не уступает белому ребенку, он так же способен к учению и так же понятлив, как белый. В Америке дети негров не только не уступают белым детям, но даже превосходят их понятливостью и желанием учиться, так что им часто поручают повторение и выслушивание уроков. Но как только наступает роковой период возмужалости, то вместе с сращением черепных швов и выступанием вперед челюстей, у них наблюдается тот же процесс, как и у обезьян: индивидуум становится неспособным к развитию».

Об австралийских детях Ш. Летурно пишет: «В школе маленькие австралийцы по некоторым предметам успевают не хуже детей белых. Подобно им, и даже почти так же легко, они выучивались читать и писать… Затем, после того, как оканчивалось европейское воспитание, они часто возвращались в состояние дикости».

Герберт Спенсер в своих «Основаниях психологии» приводит свидетельства путешественников о неграх Северо-Американских Соединенных Штатов, о неграх долины Нила, об андаманцах, новозеландцах и гавайцах. Свидетельства эти показывают, что дети всех этих рас живее европейских детей в приобретении простых идей, но потом они скоро совсем останавливаются на пути своего развития. «В виде дальнейших примеров, – говорит Спенсер, – я могу прибавить замечание Рида, что в тропической Африке дети «нелепо скороспелы», утверждение капитана Бертона, что «дети негров, подобно детям индусов, гораздо способнее европейских детей, но после наступления половой зрелости эти способности исчезают», а также описания алеутов полуострова Аляски, которые до известного предела «учатся весьма легко». Об австралийце мы находим там же, что по достижении им 25-летнего возраста его умственная сила кажется свернувшей под гору, а в сорок лет она кажется совсем потухшей».

По мнению доктора Хуггинса, проживавшего несколько лет на С. Винценте, негритянские мальчики нисколько не ниже белых детей в отношении способностей, напротив, в общем они кажутся даже развитее, потому что больше предоставлены самим себе и ранее приучаются действовать самостоятельно.

Рербах говорит, что в Тринидадских школах индийские мальчики превосходят как черных, так и белых детей чистотою и красотою почерка, и искуснее их во всех рукоделиях. Дети негров в Соединенных Штатах выучиваются тоже гораздо скорее белых всему, кроме математики, пишут же они с большим трудом, вследствие неуклюжести их пальцев. Спеке тоже удивляется быстроте, с которою учатся дети негров, и находчивости, с которой они отвечают на предлагаемые им вопросы.

Период критический, когда мозг начинает склоняться к увяданию, наступает гораздо раньше у негра, чем у белого. За это говорит также более раннее сростание швов черепа у негра.

Следовательно, у низших рас процесс эмбрионального развития идет совершенно обратно нашему. В утробе матери дикарь является, по-видимому, питекантропом, судя по тому, что у японцев дети до 4-х летнего возраста имеют волосы чернее, чем позже. Далее, в то время, как наш ребенок приближается к питекантропу, человек низшей расы обнаруживает черты белого человека. К зрелому возрасту он стремится к питекантропу, и, наконец, в глубокой старости, чего требует симметрия, вероятно, опять приближается к белому человеку.

т.е. можно думать, что у низших рас в их истории эмбрионального развития, так же, как и у высших, есть два периода, соответствующие белому человеку, и два – питекантропу, но прямо противоположные нашим по времени, отчего общая картина развития человека низших рас представляется полнейшим негативом, если развитие европейцев принять за позитив.

Этим же рядом фактов объясняется с первого взгляда загадочное явление, нередко наблюдаемое у дикарей, воспитанных в европейских школах. После того, как оканчивалось европейское воспитание, говорит Ш. Летурно, австралийцы очень часто возвращались в состояние дикости. Первые случаи такого рецидивизма дикости крайне изумили европейцев. История австралийца Бенилона долго пользовалась общею известностью. Это был туземец, воспитанный в Англии и, по-видимому, совершенно оевропеившийся, возвратившись в Сидней, он, по приказанию короля, был принят губернатором и допущен к его столу. Везде его принимали с распростертыми объятиями. Несмотря на это, у него, Бог знает почему, постоянно был скучающий, опечаленный вид. Скоро причина этого была открыта. В один прекрасный день Бенилон сбросил свое европейское платье, распростился с изысканной жизнью и возвратился в леса к своим соотечественникам, чтобы разделять с ними их жалкое существование.

В настоящее время такие случаи возврата природных склонностей, появляющегося очень быстро, несмотря на европейское обучение, хорошо известны, заключает Ш. Ле-турно, и не поражают никого.

Такие же случаи бывают и у голландцев с готтентотами. «Один молодой готтентот, воспитанный губернатором Ван-дер-Делем в голландском духе, в правилах протестаниз-ма, говоривший на нескольких языках и проявлявший большие умственные способности, сулившие ему блестящую будущность, был послан в Индию и там исправлял какую-то общественную должность, но, возвратившись на мыс Доброй Надежды, сбросил с себя европейское платье,

облачился в баранью шкуру и, явившись в таком виде к губернатору, торжественно отрекся от общества образованных людей и от христианской религии, объявив, что хочет жить и умереть, оставаясь верным религии и обычаям своих предков.

Те же факты замечаются и у алжирских арабов, получающих образование во французских школах, а французы, кроме того наблюдают их у своих низших классов. «Аналогичные факты, – пишет А. Дюмонт в письме Ш. Летурно, – не редки даже и у нас. Сын одного крестьянина Южной Франции, говоривший в детстве на местном наречии, выучивается говорить по-французски, поступает в колледж, приезжает в Париж и слушает курс юридических наук. Он поступает в магистратуру, но, возвратясь на родину, охотно говорит на родном нижне-французском языке и усваивает опять большую часть привычек детства. То же самое замечается между крестьянами Hague. В Париже такой крестьянин становится более светским человеком и исправляет свой скверный акцент, но, по возвращении домой, опять быстро забывает все это».

Бреннер Шеффер констатирует, что среди Оберпфальцского сельского населения «развивающаяся девушка красива только в ранние годы своей жизни; затем формы делаются грубее и массивнее и после нескольких родов эта, прежде цветущая женщина, превращается (раньше времени) в матрону».

Гольдшмидт то же нашел на севере Германии: «Красота и юношеская свежесть более бедных людей в Северо-Западной Германии, к сожалению, кратковременны; они не сохраняются долго после детского возраста». У женщин теряется полнота, на лице появляются преждевременные морщины, формы тела теряют свою гибкость и делаются угловатыми. «Я часто принимал женщин, показывавших мне своих ребят, за бабушек последних. Все движения бедных детей в ранние годы более свободны и легки. Но ловкость и подвижность скоро исчезают, и в периоде едва наступившей возмужалости уже сменяются неподвижностью преждевременной старости».

У нас в России рецивидизм низших классов проявляется, между прочим, в том, что значительная часть их, выучившись чтению и письму в детстве, достигши зрелого возраста, все это забывает. На существование же в низших слоях наших такого типа развития, который был подмечен у низших рас, между прочим, свидетельствует разумность и самостоятельность крестьянских ребят в сравнении с городскими того же возраста, о чем существует не мало указаний в нашей литературе.

Само собой разумеется, что мы можем здесь наметить только главнейшие типические формы развития, но, так как человечество страшно перемешалось и продолжает мешаться непрерывно, то, во-первых, кроме двух приведенных форм развития, самых крайних, существует еще множество промежуточных, переходных, а во-вторых, как европейский тип развития может иногда встречаться у дикарей, так и обратно, тип развития низших рас у европейцев.

Этим фактом объясняются, между прочим, некоторые явления из психологии наших детей. Так, например, становится понятным, почему наши дети, проявляющие в раннем возрасте необыкновенные способности, к зрелому возрасту зачастую становятся самыми заурядными бездарностями и, наоборот, дети с очень

плохими способностями в раннем детстве к зрелому возрасту нередко становятся талантливыми. В первом случае развитие ребенка совершается так же, как у дикарей, а во втором получается европейская форма развития.

28. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ТЕОРИИ НАРОДНЫМИ ПРЕДАНИЯМИ И ОБЫЧАЯМИ

Жизнь в пещерах дилювиального человека отразилась в жизни, верованиях и похоронном обряде современных людей. Культ камня. Предания о происхождении племен от смеси человека с животными. Питекантроп в народных преданиях. Грехопадение и расселение человека по земле. Культ предков. Предания о золотом веке.

Мы привыкли считать народную память чем-то в высшей степени слабым и ненадежным, а, между тем, самое поверхностное знакомство с этнографической литературой убеждает нас в противном и заставляет удивляться необыкновенной ясности и силе народной памяти, для которой, по-видимому, не только тысячелетия, но даже десятки тысячелетий были ни по чем.

Закончив мою настоящую работу, я нашел, к моему величайшему удавлению, что в тех самых народных преданиях, мимо которых я прежде проходил с пренебрежением, находится полное подтверждение, до малейших подробностей, данных моей теории, выведенных из фактов зоологии, антропологии и археологии.

Пещеры и камни.

Археологи, как мы видели выше, утверждают, что человек дилювиального периода жил в пещерах. Это же самое видно из народных преданий и обычаев. По крайней мере, половина всех племен, населяющих Америку, по словам Герберта Спенсера, думает, что «человек бьи сотворен под землею в скалистых пещерах гор». «Такое понятие, – говорит автор, – едва ли могло возникнуть между людьми, предки которых не обитали в пещерах». Такого же мнения о происхождении человека придерживаются басуты, бечуаны и некоторые другие африканские негры, а также тодасы Индии.

О том же свидетельствуют и похоронные обычаи разных народов. Вместе с проживанием в пещерах, в них же совершалось и погребение. Такой обычай сохранялся еще долго после того, как люди начали жить в настоящих домах. «Эта связь похоронного обычая с древним жилищем особенно заметен в Америке, где мы находим ее от Огненной Земли до Мексики. Ведды в Индии, живущие в пещерах, еще до очень недавнего времени, имели обыкновение оставлять покойника там, где он умирал, а сами отыскивали себе другую пещеру. Такой же самый способ погребения был у древних евреев и сохранился до настоящего времени у хевсур на

Кавказе, на Новой Гвинее, у жителей островов Гамбье и Сандвичевых. Вероятно так же в глубокой древности хоронило своих покойников и большинство народов, но по мере расселения должно было изменить этот обычай под влиянием местных условий. Так, например, гвианские индейцы хоронят своих мертвых в пещерах, но за отсутствием таковых, кладут в расселины скал, а если нет и расселин, то зарывают в землю. Алеуты, караибы и некоторые южно-американские племена придерживаются похорон исключительно в расселинах скал. Чибчасы за неимением пещер и расселин, вырывают искусственные пещеры или погреба, снабженные дверями. Тюркские народы, азиатские арабы, негры Судана и некоторые из американских индейцев устраивают подобие искусственных пещер. Вырывши могильную яму, они делают в боку ее нишу, в которую и кладут покойника и т.д.

Как древнейшее жилище человека, пещеры надолго остались для него священными местами. Многие из них считаются жилищем богов; они вызывают у местных жителей суеверный страх и ни один человек не решится войти в них. Известно, что первые христиане устраивали свои богослужения и храмы в пещерах как естественных, так и искусственных. Искусственные же пещеры вырывали себе и отшельники, уходившие спасаться в пустыню. Герберт Спенсер совершенно основательно доказывает даже то, что все храмы всех вероисповеданий берут свое начало от пещер.

Не только в дилювиальный период пещеры служили единственным убежищем для человека, но и в более поздние исторические времена. В древней Греции, в древней Колхиде, у Черного и Каспийского морей, в Сирии, в Палестине, на Синае и берегах Нила люди продолжали жить в пещерах. Троглодиты, под именем которых в древности разумели множество различных народов, по словам Плиния и других писателей древности, также жили в пещерах. Африканские пещеры были обитаемы людьми вплоть до завоевания французами Алжира. Ливингстон описывает огромные пещеры в Центральной Африке, которые служили убежищем целым племенам с их скотом. Ведды в Индии до сих пор живут в пещерах.

Но не только самые пещеры пользовались у человечества высоким почитанием, а даже и камни как среда, в которой они находились. Культ камня, известный у этнографов под именем «литолярий», распространен буквально по всему земному шару. Французский этнограф Андрэ Лефэр посвятил ему специальную монографию, в которой находит следы этого культа, кроме современных диких и полуцивилизованных народов, у всех народов. «Поклоняются камням то как настоящим богам, то как идолам, составляющим вместилище или седалище богов и великанов, то как гробницам богов».

Что касается каменных орудий, сыгравших такую важную роль в жизни дилювиального человека, то они также пользуются во многих странах религиозным или суеверным почитанием. Предание таурегов Западной Африки передает даже совершенно согласно с действительностью, что каменные орудия служили некогда орудием «более крупных и более сильных людей». У некоторых племен особенно важные операции, как например, обрезание или бритье головы, делаются еще до сих пор не железным, а непременно каменным ножом. Другие имеют суеверия, связанные с каменными орудиями и их употреблением в обыденной жизни.

Например, в Сирии во времена Плиния бальзам добывался из бальзамного дерева только каменным ножом, ибо предполагалось, что в противном случае дерево засохнет. В Южной Африке Ливингстон видел древние каменные орудия в виде повешенного на воротах при входе в деревню талисмана, спасающего жителей от всего злого. Японцы в своих храмах воздают религиозное поклонение древним каменным орудиям и т.д.

Великаны и карлики.

Выше мы уже говорили, что древний дилювиальный человек был большого роста, а питекантропы – карлики. И вот мы находим в преданиях разных народов рассказы о древних великанах и карликах.

«Почти но всему свету, – говорит Ранке, – встречаем мы сказания, будто древнейшими обитателями всех стран были великаны или карлики, или те и другие вместе. Предков всегда подставляют себе больше и сильнее, чем отдаленных внуков. В особенности древних королей и святых народ часто воображал себе в виде исполинов. Примером такого святого можно привести Христофора».

В Библии говорится о великанах в отдаленной древности таким образом: «исполин же бяху на земле во дни оны и потом егда входжаху сынове Божии к дщерям человеческим и рождаху себе: тии бяху исполини».

«В различных мифологиях, – говорит Герберт Спенсер, – греческой, скандинавской и других, древнейшие существа являются исполинами».

У древних греков было предание о титанах, которые были детьми Урана (неба) и Геи (земли). Они восстали против Зевса и за то были низвергнуты в Тартар. А о карликах писатели классической древности оставили нам ряд рассказов, будто они жили на окраинах известного тогда мира.

«Все пещерные области Германии, – говорит Ранке, – подобно Швабскому Альбу, разукрашены богатым венцом сказаний, которые все сосредотачиваются на исполине и его пещере. Первобытные обитатели ее в устах народа превращались то в карликов или гномов, то в гигантов и чудовищ. Греки гомеровской эпохи создали из своих древних пещерных обитателей гиганта Полифема, швабы – гиганта Гейма, который сидит в Гер-мерштейне и дремлет».

В русских былинах древнейший богатырь Святогор изображается великаном. Илья Муромец также иногда выступает в качестве великана, например, когда изменяет тече-

По преданию, сохранившемуся у сиамцев, первобытные люди были колоссального роста, с которым ничего нельзя сравнить в настоящее время. Еврейские раввины пытались не раз установить, что первобытные люди были огромного роста.

По верованию жителей Палаузских островов первыми творениями были «налиты», великаны по размерам и силе обладавшие способностями, которых нет у нынешних людей; обитатели островов Вознесенья считают их строителями своих каменных памятников.

О том, что род человеческий после неолитического века мельчал, существуют также народные предания. Так, наши малороссы рассказывают, что «велытни» или великаны существовали только до потопа. Когда начали появляться настоящие люди, то допотопный человек, нашедши однажды (как в немецкой сказке) на поле плуг с шестью волами и «плугатором», забрал все это на свою ладонь, принес отцу и просил его объяснить, что это за червяки? Отец объяснил ему, что после них будут на свете точно такие люди. О пигмеях малороссы говорят, что после страшного суда настанут такие люди-крошки, что 12 человек будут молотить в нашей обыкновенной печи. У разных славянских народов есть предания, что когда-то люди были великанами, но с течением времени рост их уменьшился и дальше будет уменьшаться, пока все станут крошечными карликами величиною с муравьев; когда это совершится, то наступит конец света.

Даже и о том. что дилювиальный человек был плотоядным, а его потомки становятся растительноядными, сохранилось народное предание. Предводитель стусов (американских индейцев), говорит Ранке, выразился когда-то в Вашингтоне, что род плотоядных будет вытесняться родом хлебопашцев. Так было за тысячи лет, говорил он, и так будет «пока стоит земля».

О том, что дилювиальный человек был охотником и что он удачно боролся с самыми страшными хищными зверями, также сохранилось у народа предание, которое было занесено в Библию, это именно предание о Нимвроде, «сильном звероловe», как его называет Священное Писание.

На одном из вавилонских памятников он изображался исполином, держащим под мышкой левой руки бессильно борющегося льва (колоссальная статуя в Луврском музее).

Происхождение человека от обезьяны.

О падении белого человека, происшедшем от смешения его с питекантропом, который был для него не больше, как одним из животных, также существуют народные предания. А именно: многие народы верят, что они произошли от обезьян. Большое количество материала на эту тему собрал г. Д. Анучин.

Вот, например, малайское первобытное племя, Оранг-Бирма, рассказывает, что люди произошли от двух белых обезьян, спустившихся с гор в долину. Они открыли там хлебные злаки, от которых изменились их внутренности, прочие органы и кожа. Волосы, покрывавшие их тело, выпали, руки укоротились, и, наконец, они стали настоящими людьми. «С большими или меньшими вариациями, – говорит г. Анучин,

– предание это встречается у самых разнообразных народов: в Африке, у южно-американских индейцев, в Средней Азии, в Индии и проч. В Тибете буддийская легенда рассказывает, совершенно подобно малайской, что тамошние первоначальные обитатели произошли от пары обезьян, а именно самца, в которого превратился тибетский святой Авалокитесвара, и самки, форму которой приняла одна из богинь или воздушных фей, Кадрама. Так же, как и у малайцев, от хорошей пищи у этих обезьян исчезли хвосты, выпали волосы и они превратились в людей. Вообще, – говорит Анучин, – можно сказать, что мысль о возможности близкого родства или взаимного перехода между человеком и обезьянами пользуется довольно значительным распространением как между полудикими народами (преимущественно тропических стран), так и между культурными, с тою только разницей, что в последнем случае такое обезьянье происхождение приписывается обыкновенно или более грубым племенам, или же только отдельным (иногда аристократическим) фамилиям.

У Брема об индийской священной обезьяне рассказывается, что одно царственное индийское семейство считает себя *потомками этой обезьяны* и члены его носят титул «хвостатый Рана», так как родоначальник фамилии, говорят они, был снабжен этим придатком. Когда в 1867 году английское правительство в Индии издало приказ об убиении 500 штук священных обезьян, то туземцы стали просить об отмене распоряжения на том основании, что в этих обезьянах они признавали своих предков.

Диодор также рассказывает об одной княжеской фамилии в Африке, что у нее хвост как естественный придаток тела передавался из рода в род в ряду многих поколений. Предание о первоначальной хвостатости людей пользуется вообще широким распространением. Мы встречаем его в Южной Америке, на островах Фиджи, у тасманийцев и других народов.

В большинстве же случаев народами сравнительно более высокой культуры близкое родство человека с обезьянами допускается только для низших племен. Часто эти низшие племена смешиваются с обезьянами до такой степени, что обезьяны принимаются за людей и, обратно, настоящие люди описываются как обезьяны. Например, китайские историки указывают на Енисее, около Минусинска, народ Тинг-Линг, рыжебородый с зелеными глазами, который будто бы происходит от обезьян и потому очень на них похож. Подобным же образом многих народов, кроме самих себя китайцы производят от обезьян. Индусы то же самое говорят о тибетцах.

Но многие низшие племена негров, малайцев и американских индейцев считают обезьян, в особенности высших, настоящими людьми, которые не говорят только из опасения, чтобы их не заставили работать. Другие думают, что они были некогда людьми, но потеряли свой человеческий образ за свое кощунство над богами (малайцы) или за гордость (арабы Кордофана). Легенды о превращении людей в обезьян распространены особенно в Мексике, у мусульман и у кафров. Некоторые племена верят, что обезьяны имеют такую же душу, как и человек, другие, что в них переходят души людей после смерти. Один тибетский писатель, описывая распространение религии Будды, передает даже, что глава их религии,

когда его учение было уже принято во всем Индостане, обратил в эту религию один большой вид обезьян.

Культ обезьян был распространен в древности очень широко. У негров, например, обезьяны считались «слугами фетишей». Кроме того, культ этот был в древнем Египте, в Индии, в Вавилоне, в карфагенской Африке и в Перу. Некоторые следы его встречаются даже у древних греков и римлян.

В Египте большой серебристый павиан, от которого сохранились мумии, почитался олицетворением Тота, бога луны, а также мудрости и учености. Его изображали на монументах и вазах как загробного судью. Черты лица этой обезьяны заметны даже на головах сфинксов.

У греков и римлян обезьяны представлялись демоническими существами.

Те же самые рассказы, которые народами тропических стран передаются об обезьянах, буквально повторяются и у народов северных с заменой обезьян другими животными, как, например, собаками, медведями, волками и т. под.

В виде перехода от обезьян к этим животным являются люди с собачьими головами, так называемые «циноцефалы», «кинокефалы» или «цинамоны». В коптской христианской легенде рассказывается, например, об обращении одного такого человека в христианство. Таких же людей описывают Плиний, Элиан и др. как существ, отличающихся справедливостью и не причиняющих людям никакого вреда. Они одеваются в звериные шкуры, дара слова не имеют, но человеческий язык понимают. В сельских церквях Олонецкой губернии мне доводилось встречать иконы Св. Христофора, который рисовался человеком с собачьей головой.

Происхождение народов от смеси человека с животными.

Айны (в Японии) верят, что они произошли от смеси человека с собакой. То же думают кара-киргизы, папуасы у порта Моресби и жители острова Хайнана. Короли Дании и Швеции, по преданию, произошли от девушки и медведя, монгольские князья – от девушки и волка.

Характерная особенность среднеазиатских преданий, говорит Михельсон, заключается в том, что они производят различные человеческие племена от животных. По словам Брука, приморские дайяки суеверно страшатся есть некоторых животных, в том предположении, что животные эти состоят в родстве с некоторыми из их предков, которые или были «порождены ими» или «сами породили их».

Алеуты, по словам Банкрофта, рассказывают, что мать их племени была сука, Магах. Однажды к ней явился с севера некий старец, по имени Иракдадах; результатом этого посещения было рождение на свет двух существ, одного мужского, а другого женского пола, представлявших необыкновенную смесь различных элементов природы, ибо каждое из них было полу-человек, полу-лисица.

По другому варианту, первые люди произошли от каких-то двух существ, видом похожих на человека, но с длинной шерстью на теле – что-то вроде обезьян или медведя. Вот почему является невольное предположение, что культ медведя, распространенный у алеутов, айнов и гиляков, вероятно, заменил здесь культ обезьян.

С алеутской легендой о происхождении человека сродна легенда квичесов, думающих, что человеческий род произошел от пещерной женщины и собаки, способной превращаться в красивого юношу, а также легенда дикокаменных киргизов, которые ведут свое происхождение «от красного борзого кобеля и одной царицы с ее сорока прислужницами».

У полинезийцев грехопадению людей соответствует период общего упадка и ослабления богов. При этом обращение главного бога в животное играет такую важную роль, что в этом можно видеть оправдание бессмысленного поклонения животным. На Фиджи рассказывают о боге Денге: когда он однажды смотрелся в чистый ручей, он был поражен своим безобразием. Вследствие того он принял вид змеи: «Если я останусь безобразным человеком», – говорил он себе, – меня все будут презирать, а если я сделаюсь змеей, каждый будет меня бояться и повиноваться мне».

Даже о том факте, о котором было говорено выше, что от смешения белого человека с питекантропами родилось вначале много разных уродцев, сохранилось воспоминание у древних греков. Его передает Лукреций Кар в следующем рассказе о первобытных временах: «В усилиях своих земля произвела множество уродов, странных и чудовищных форм: таковы были андрогины, двуполые и ни к одному полу не принадлежащие существа, также уроды, скрюченные так, что не в состоянии переходить по желанию. Земля создала подобных уродов, но тщетно. Природа пресекла их разрастание, и они не могли достичь цветущего возраста, находить пропитание, соединяться союзом Венеры. Множество пород исчезло, как неспособные дать потомство».

Питекантроп.

Странно было бы, конечно, если бы человечество сохранило предание о смешении своих предков с какими-то животными, но не имело бы предания о том, что такие животные, как питекантропы, существовали. И, действительно, Вайтц говорит, что «о существовании где-то на земле в высшей степени обезьяноподных людей были рассказы в древности и есть до сих пор. Так, в Индии думают, что такие существа живут в Читагонге, а другие – между Пальмо, Чумбулиуром и источниками Нербудда».

На Яве можно услышать рассказы об обезьяне с человеческим лицом, живущей будто бы в восточных лесах. Кто ее поймает, будет счастлив.

Вероятно, подобные же древние предания об «обезьяноподобном» или «диком» человеке породили в человечестве глубокую веру в существование где-то на земле «дивьих людей», т.е. каких-то странных, на нас не похожих.

Наконец, уже и в столь глубокой старине, в XVIII столетии, ходило так много рассказов о существовании каких-то особенных диких людей, и так глубока была вера в их полную правдивость, что даже Линней ввел их в свою классификацию человечества под именем Homo ferus – «дикаря, четвероногого, немого, покрытого волосами».

Грехопадение и расселение человека по Земле.

Падение человека в Библии называется «грехом», «грехопадением». Самого факта греха в том виде, как он представляется нам, Библия не называет, может быть из скромности или из уважения к предкам, чтобы не оскорбить их памяти, а говорит о нем в иносказательной форме. Зато библейское сказание прекрасно передает состояние духа наших предков после их грехопадения. Полное душевное равновесие и спокойствие духа древних людей, когда они были еще чистой расой, и отсутствие в их мысли какого-либо разлада, представляется в виде ничем не нарушимой блаженной жизни в земном раю. Им не приходилось искать рая на небе, он был у них тут, на земле. Жизнь их была долговечна. Выражаясь же фигурально, они жили до тех пор, пока «вкушали плоди с древа жизни».

Но когда человек пал, что совершилось при посредстве женщины, в его уме сразу наступил разлад, он утратил навсегда свое блаженство и узнал, что добро – это его прежняя жизнь, а зло – жизнь настоящая, полная всяких болезней и разлада душевного и телесного. Выражаясь же фигурально, он «вкусил плод от древа познания добра и зла». В результате своего падения человек прежде всего утратил свое былое спокойствие духа, иными словами лишился земного блаженства, земного рая, который ушел от него на небо, куда человеку, по необходимости, пришлось направлять свою бессмертную душу, отделяющуюся от тела. Затем он потерял долголетие или, что тоже самое, бессмертие. Наконец, он внезапно прозрел, потому что понял, что своему несчастью обязан своей страстности и, впервые устыдившись полового чувства, прикрыл наготу, чтобы обуздать свою похоть: «И беста оба нага… и не стыдястаса. И отверзошася очи обема и разумеша, яко нази беша…»

Что касается женщины, то она оказалось виновной тем, что соблазнила мужчину, а потому была за это присуждена к рабскому подчинению ему и необходимости в болезнях рождать своих детей, чего до тех пор не знала. В Библии ото передается так: «множая умножу печали твоя и воздыхания твоя: в болезнех родиши чада и к мужу твоему обращение твое, и той тобою обладати будет».

Далее, народное предание, также записанное в Библии рассказывает о причинах, заставивших человечество расселиться по земному шару. Причинами

этими были, по-видимому, несогласия между людьми, доводившие их до братоубийственных войн, как об этом повествует история Каина и Авеля. Здесь особенно интересно известие о том, что человек, бывший сначала одновременно и земледельцем, и скотоводом, позже специализировался и что между представителями этих двух специальностей уже в самой глубокой древности возникли несогласия (вероятно земельные), доведшие до братоубийства.

Наконец, история построения Вавилонской башни повествует о том, что вначале у всех людей был один и тот же язык, но, по воле Бога, в наказание людям явилось многоязычие, разделившее их. Отсюда же мы узнаем, что люди разошлись по земле из одной местности.

Культ предков.

В довершение всего, к числу явлений из области этнографии, благоприятных нашей теории, надо отнести культ предков. Герберт Спенсер посвятил этому культу массу этнографического материала. Из его данных следует, что это самый распространенный из всех других культов на земле. Он существует почти у всех народов, начиная от низших дикарей и кончая европейцами. Если немногие из самых низших дикарей, как огнеземельцы, андаманцы и юанги (в Индии) составляют исключение из общего правила, то у них вместе с тем нет и никаких других признаков религии. Если у дикаря замечаются хоть малейшие следы религиозных верований, то эти следы – ничто иное, как поклонение предкам. У новокаледонцев одно и тоже слово означает и «бога», и «умершего человека». Этот факт, говорит Спенсер, есть тип такого рода фактов, который *может быть прослежен повсюду*. Все местные божества, которым поклоняются народы, происходят из предков, наиболее замечательных людей племени, почитаемых за какой-нибудь поступок или за святую жизнь. Число их постоянно увеличивается, а святость возрастает пропорционально давности их смерти. Местные божества, возникшие из предков, с разрастанием племени обращаются в богов, общих всему племени или всему народу, и потому обыкновенно считаются его родоначальниками. В окончательном выводе Герберт Спенсер ставит поклонение предкам в основание всех остальных форм религиозного поклонения и говорит, что из духа усопшего возникли все сверхъестественные существа.

Теперь спрашивается: имело ли бы смысл поклонение предкам и их обоготворение, если бы принять вместе с теорией постепенного развития, что каждое предыдущее поколение человечества было ниже последующего в умственном и во всех других отношениях? Тогда как обратное предположение, что каждое последующее поколение в своем непрерывном падении чувствовало себя ниже предыдущего и поэтому высоко ценило ум и характер своих отцов, вполне естественно. Самое слово гений – genium – происходит от слова genus – род. Первоначально этим словом называли дух умершего родоначальника, которому

воздавалось религиозное почитание.

Предания о золотом веке.

Наконец, с точки зрения нашей теории становятся совершенно понятны многочисленные предания и верования о золотом веке человечества в отдаленном прошлом. Древнейший миф говорит нам о существовании в древности последовательных веков: золотого, серебряного и железного. Но подобное верование существует и теперь, конечно основанное на древних преданиях. «Обращаясь к рассмотрению первобытного состояния человечества, – говорит Гелльвальд в своей «Истории культуры», – необходимо прежде всего вооружиться против чрезвычайно распространенного заблуждения (?), а именно, что в первобытную эпоху существовал будто бы первобытный народ, отличавшийся завидным блаженством и оставивший теперь лишь выродившееся потомство. В этом смысле поэты говорили, а порой говорят и теперь о золотом веке».

Вот одно из индийских преданий о прошлом человечества, именно в том духе, о котором говорит Гелльвальд: у индусов Кальпа – день Брамы обнимает 4 320 000 000 лет и делится на 14 эпох. В свою очередь эти эпохи, Манаунтары, подразделяются на 71 мага-юга или «великие века», наконец, каждый «юга» состоит из различного числа годов. Последний, в котором мы находимся, Калиюга, это плачевный период. Все теперь выродилось: элементы, мораль, сократилась продолжительность жизни, нигде нет правды и справедливости. К счастью, этот проклятый «юга» будет длиться только 432 000 лет.

Что касается древнегреческой «Легенды веков», изложенной в стихах у Гесиода, то она так близко соответствует представлению о доисторической судьбе человечества, как оно вытекает из нашей теории, что я никак не могу отказать себе в удовольствии поместить его здесь целиком в сокращении и в прозаической форме.

Первый золотой род людей, одаренных словом, создали бессмертные, живущие на Олимпе. Они жили как боги, имеющие беспечный дух, удаленные от горя и тяжкого труда, старость не приближалась к ним. Всегда сообща веселились они на пирах, чуждые всякого зла. Умирали они как сном объятые. Всякое благо было их уделом.

Затем живущие на Олимпе создали гораздо худшее поколение – серебряное, не сходное с золотым ни по стройности, ни по уму. Мальчик сотню лет воспитывался при заботливой матери, растя беспомощный в ее доме. Когда же он достигал юности и зрелого ума, то жил лишь короткое время, страдая ради своего неразумия. Ибо они не могли сдерживать между собою своего буйного нрава, а также не хотели чтить бессмертных.

Однако Зевс создал и третье поколение, медное, ни в чем не подобное серебряному. Поколение страшное и сильное, которого занятие были дела горя и

насилия. Они были неприступны и имели дух твердый как сталь.

Вслед затем Зевс создал опять иное, четвертое поколение, более справедливое и лучшее, божественное поколение мужей-героев, которых в прежнее время называли полубогами. Но и этих уничтожили злая война и страшные битвы, одних, когда они сражались за стада Эдипа под Фивами, других, когда они вели на кораблях дружины через море к Трое.

О, зачем я принужден жить среди пятого поколения, зачем не умер ранее, не родился позже. Ныне существует род железный. Ни днем, ни ночью не прекращаются его труды и печали. Поколение испорченное, которому боги притом посылают тяжкие заботы. Однако и для них примешивается благо ко злу. Однако, Зевс уничтожает и это поколение.

Первый род, когда угас, то сделался блюстителями над людьми, которые ходят по земле, воздухом одетые, наблюдая за злыми и добрыми делами людей. Серебряное поколение разгневанный Зевс сокрыл под землею за то, что они не воздавали почести богам. Но их называют подземными блаженными и они не лишены некоторых почестей.

Четвертое поколение Зевс поселил на окраинах земли на блаженных островах вблизи океана. Счастливые герои: плодоносное цветущее поле трижды в год одаряет их своими как мед плодами.

29. ДОЛГОЛЕТИЕ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ РЕЛИГИИ

Предание о долголетии древних людей. Разлад в организме и в мыслях смешанного человека. Раздвоение его натуры. Религия как результат смешения.

Много очень глубоких и интересных размышлений о современном и древнем человечестве высказал в своих статьях доктор Мечников. Но особенно интересны и ценны его замечания о долголетии современного человечества. Согласно Библии, говорит он, можно думать, что древнее человечество жило на свете гораздо долее, чем современное. Древнейшим патриархам приписывается чрезвычайно большая, с нашей точки зрения, продолжительность жизни. 500-600 лет были, по словам Священного Писания, чуть ли не средней продолжительностью человеческой жизни, тогда как Мафусаил дожил до 900 лет. Подобные же сведения о доисторических временах дают нам кроме того и отрывки, сохранившиеся от так называемой Березовской книги, передающей данные о жизни шуме-ро-аккадцев (древнейших досемитских жителей Месопотамии). По этим данным, в на-чале цивилизации царствовало 10 царей, из которых один жил 36 000 лет, другой – 43 000, а третий – 64 000. Только один из всех десяти скончался преждевременно, всего только 10 800 лет отроду.

Хотя свидетельства эти, несомненно, легендарны, но нельзя, однако, отрицать, что в основе их легла истина, а именно факт необычайного долголетия древних людей. Ведь известно, что в Европе и особенно в Англии бывали замечательные случаи долголетия. Петри дает список 43 человек, живших свыше 119 лет Самые старшие из них были: Ауден Эвиндсэн, епископ в Ставангерме (ум. 1440 г.) – 210 лет, Томас Карн (немец?) (ум. 1588 г.) – 207 лет, Петер Тортон в Великобритании (ум. 1724 г.) – 185 лет и др. Из жизни животных также известны факты долголетия. Например, верблюд доживает до 100 лет, слон – до 200, кит – до 300-400 лет.

Если принять во внимание, что наши дилювиальные предки пережили труднейший в мире естественный отбор, и что они уцелели для жизни из среды огромного количества их погибших единоплеменников благодаря богатырскому сложению, то не будет ничего невероятного допустить, что крепкая, идеально сложенная раса, происходившая от этих людей, была застрахована от большинства болезней, а по тому самому была и долговечна.

Что касается питекантропов, не подвергавшихся такому строгому отбору, то продол-жительность их жизни могла быть и короче. Но, если даже допустить, что она была такая же, как и у дилювиального человека, то долголетие смешанной расы неизбежно должно было понизиться, потому именно, что она гибридна, а, следовательно, не устойчива.

Но если после смешения белого человека с питекантропами, жизнь

человеческая внезапно или в очень короткое время значительно сократилась, то нельзя было этого не заметить. И действительно, в Библии говориться, что человек когда-то был бессмертным и потерял бессмертие за свой первородный грех. В этом известии может быть преувеличение, но нет лжи, так как древнее долголетие в сравнении с наступившей затем короткой жизнью действительно могло казаться бессмертием.

Но это еще не все. У древних смешанной крови черты высшей и низшей расы должны были так же, как и теперь, сочетаться во всевозможных комбинациях.

Из числа этих комбинаций не трудно себе представить и такую, когда люди соединяли в одном лице сильно развитый ум белой расы со слабым телосложением и короткой продолжительностью жизни расы смешанной. В мыслях таких людей должен был наступить неизбежный разлад. В то время, как тело разрушалось, вследствие наступавшей старости, мозг оставался еще совершенно здоровым. Самочувствие человека, мозг которого приспособлен к двухстолетней жизни, в 50 лет был еще совершенно здоровым, свежим и, если можно так выразиться, юным, тогда как тело в тоже время уже начинало дряхлеть и разрушаться. Нетрудно понять, что у такого человека должно было явиться невольное сравнение тела с той субстанцией, которая как отделяется от него в момент смерти (дух или душа). Сравнение это также невольно привело к мысли, что эти две сущности совершенно различны и только случайно связаны между собой. Дух как бы вложен в тело насильно, заключен в него, как в темницу. Смерть, которая разом прекращает существование и духа и тела, казалась человеку страшной бессмыслицей, так как его здоровый инстинкт говорил ему о долгой жизни, конца которой не было видно. Чтобы примирить нелогичность смерти при таких условиях, он должен был принять ее не за то, чем она есть на самом деле, т.е. допустить, что душа человека бессмертна и в момент кончины только отделяется от смертного тела. Этот шаг мысли кажется мне самым первым и самым важным в религиозной жизни.

За ним следовал целый ряд предположений и наступала очередь фантазии, но до этого момента была только логика и действительность. Остановившись на мысли о бессмертии души, человек пытался разрешить целый ряд новых, с нею связанных вопросов: Что такое душа? Куда она идет после смерти? Какова ее будущая судьба? и проч. Для разрешения их, по необходимости, приходилось строить одну гипотезу за другой.

Подобного раздвоения живого существа не могло быть ни у животных, ни у питекантропов, ни даже у белого дилювиального человека, до тех пор, пока он не пал, т.е. не смешался с питекантропом. У нормального, вполне уравновешенного существа чистой расы, каким был наш белый дилювиальный предок палеолитического и начала неолитического века, мозг был в полном соответствии с телом, а потому, старея, он ослабевал вместе с ним в строжайшей постепенности. Для него не могло существовать религиозных вопросов, по крайней мере, в той форме, как она была передана нам древними. И, действительно, хотя сила ума этого человека, по все вероятиям, была очень велика, но в доисторических памятниках Европы первые следы религии в виде исполинских надгробных памятников (менгиров) начинают появляться только в неолитическом веке и именно в то самое

время, когда в почве Европы появляются кроме древних длинноголовых черепов короткоголовые, т.е. как раз тоща, когда началось смешение белого человека с питекантропом.

30. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКОВ

Порча звуков от недостатков органов речи. Разнообразие языков произошло от разнообразия способов расселения и от его разновременности. Арийцы азиатские сравнительно недавно выселились из Европы.

Происхождение того множества языков, которые мы встречаем на земном шаре, с точки зрения нашей теории, объясняется следующим образом. Мы говорили уже, что только белый дилювиальный человек достиг той высокой ступени развития, на которой его мысли требовали выражения членораздельной речью. Поэтому все языки должны были произойти от европейского, но только не путем его дальнейшего развития, а наоборот – путем порчи. Когда к белым долихоцефалам стала примешиваться кровь питекантропов, то устройство их мозга, гортани и мускулов рта стало постепенно изменяться. А потому новые смешанные расы, происшедшие от белого человека, должны были изменять язык своих предков в духе тех физиологических недостатков, которые они приобретали. «Дункан Джибб, – говорит И. Тайлор, – доказал, что у таких крайних типов, как негр и европеец, существуют явные различия в строении гортани, которых достаточно для объяснения того, почему негры находят столь трудным издавать некоторые звуки, кажущиеся нам естественными». «В частях голосового органа, – говорит Деникер, – все части отростка подъязычной кости не сращены с нею у 75-95% американских индейцев, у 25-35% европейцев и у 30% негров». Кроме того, толщина языка не у всех рас одинакова; у негра, например, язык толще, чем у европейца. Для негра почти невозможно произнести английское *th*, которое он превращает в *d*, тогда как швейцарец изменяет его на *z*. Этим свойством языка, уже давно известным, пользовались очень часто для отличия одной национальности от другой. В ночь Сицилийских вечерен заставляли убегающих французов произнести слово *ciciri*, и если *c* произносился как *s*, а не как русское *ч*, (если они говорили сисири вместо чичири), то их признавали за французов и убивали.

Когда египетские мамелюки истребляли арабов Сайда, то они заставили их произносить слово dakik (мука), чтобы убедиться, произносился ли гортанный звук как *k*, или как *g*.

Подобным же образом каждый народ по самому устройству его органов речи не может произносить то тех, то других звуков. Так полинезийцы не в состоянии произнести имя «Мари», которое они изменяют на «Мали». Китайцы изменили «Бенарес» в «По-ле-наи», «Брама» в «Фан» и «Христос» в «Ки-ли-ссе-ту». Капские кафры произносят слово gold (золото) – igolide, sugar (сахар) – isugile и т.д. Словом, каждый народ изменяет трудные для его произношения звуки но своему, совершенно подобно тому, как это делают наши косноязычные и дети.

Кроме того, порча языка происходит не только в области звуков, но также и в грамматике, в оборотах речи и в значении слов. И вот таким-то образом в каждой стране, куда передвигались белые, язык их изменялся в зависимости от того, в какой пропорции и какие примешивались к ним питекантропы. Если от такой смеси они

падали в умственном отношении, то вместе с тем падал и их язык, если же они только останавливались в прогрессивном движении, то и язык их останавливался. А если европейские языки продолжали в это время развиваться, то они еще дальше уходили от своих азиатских и африканских собратьев. При помощи таких процессов, мне кажется, и разошлись между собою многочисленные языки всего мира, иногда так далеко отстоящие друг от друга, что филологи не могут найти между ними ничего общего ни в складе, ни в корнях.

Кроме того, на отношение между языками должен был оказать огромное влияние также и тот порядок, в котором дилювиальный человек расселялся по земному шару. Так, например, он мог распространяться в одних случаях медленным путем, отделяя от себя поселение за поселением в ближайшие соседние незаселенные местности. Такого рода расселение связано с земледельческим образом жизни. Но племена, занимавшиеся скотоводством, могли переселяться, проходя значительные пространства сравнительно в короткое время и останавливаясь надолго только там, где встречались подходящие жизненные условия.

Наконец, выселение из Европы дилювиального человека могло повторяться много раз из через различные промежутки времени по мере того, как в Европе становилось тесно.

Вся эта сложная путаница международных отношений со временем будет распутана при помощи филологии и этнографии. Теперь же можно высказать предположение только о тех арийцах, которые выселились из Европы в Азию и дали начало персидской и индийской цивилизациям.

Если огромный промежуток времени, который отделяет нас от начала выселения дилювиального человека из Европы, был достаточен, чтобы образовались на земле многочисленные языки, и если в тоже время между арийцами европейскими и азиатскими как в складе их языков, так и в корнях, сохранилось так много общего, то нет никакого сомнения, что выселение арийцев из Европы должно быть отнесено к самым новейшим из доисторических времен. Оно совершилось, так сказать, накануне начала истории. Восстановить события этого времени для науки будет легче всего и за них она примется прежде всего.

31. ЧТО ТАКОЕ РАЗВИТИЕ, ПРОИСХОДЯЩЕЕ ОТ УПРАЖНЕНИЙ ОРГАНОВ?

Быстрые движения усиливают у некоторых людей работу мысли. Религиозные танцы. Врачевание сопровождалось в древности пляской. Шаманы и оракулы. Гиперемия у гениальных и помешанных. Верование в значение вещих снов. Что такое развитие. Теория постепенного развития человека при помощи упражнений. Факты, ей противоречащие.

В основе нашей работы мы поставили положение, что организм животного и человека не может изменяться от упражнения и что никакое изменение в органах, приобретенное животным за время его жизни, не может передаваться путем наследственности последующим поколениям. Но в таком случае является вопрос, существует ли на самом деле пресловутое «развитие путем упражнения», которое с языка не сходит у современного передового человека? Несомненно, существует, но только имеет совсем не то значение, которое ему приписывается.

От смешения белого дилювиального человека с питекантропом должно было получиться множество несовершенств в физической природе человека. Между прочим, от этого смешения пришла в расстройство его кровеносная система: она стала в недостаточном количестве снабжать кровью различные органы. Так, например, если человек смешанной породы имел мозг и мышцы белого дилювиального человека, а кровообращение питекантропа, то он не мог владеть ими в совершенстве вследствие недостаточного прилива крови. Это должно было особенно часто случаться в начале смешения. Люди стали замечать, что при быстрых движениях, когда кровь скорее обращалась в их жилах, ум работал лучше обыкновенного, как бы какая-то пелена спадала с мозга. Человек временно становился сообразительнее и умнее, легче и быстрее решал многие вопросы и, кроме того, чувствовал себя веселее. Достигалось это всякого рода быстрыми движениями, которые со временем упорядочились и обратились в то, что мы называем теперь танцами и плясками. Когда танцы, нашедшие себе подражателей, сделались достоянием целых народов, вошло в обычаи собираться толпой в известные сроки или по случаю каких-либо важных событий и танцами доводить себя до экстаза, в состоянии которого мозги работали гораздо лучше обыкновенного. От такого порядка вещей сохранилась масса переживаний в народных обычаях.

Сюда относятся, прежде всего, обрядовые танцы, принявшие у разных диких народов форму богослужения. К ним стали прибегать при всяком удобном случае, сопровождая танцами все выдающиеся моменты племенной и индивидуальной жизни. Танцевали при объявлении войны и при ее окончании, при рождении ребенка, на свадьбах, на похоронах и проч.

Если все народы сопровождали плясками богослужения, то со временем, при дальнейшем смешении людей, когда организм человеческий изменился и быстрые

движения уже перестали в заметной степени изощрять его мыслительную способность, был забыт настоящий смысл танцев, они были выведены из богослужения и сохранились как светское развлечение молодежи. Но есть, однако, секты и ордена, которые не могли отрешиться от древнего обычая. Таковы в христианстве секты шекеров, хлыстов и скопцов, а в магометанстве ордена дервишей, у которых и до настоящего времени богослужение состоит из танцев и всевозможных быстрых движений. У наших хлыстов и скопцов, когда у танцующих появляется пена у рта, думают, что наступил самый важный момент богослужения, что на всех присутствующих сошел Святой Дух. Присутствующие кричат при этом: «накатил, накатил» (т.е. Святой Дух) и начинают пророчествовать. Открывается Евангелие наудачу, и пророчествующие тычут пальцем в первое попавшееся место. Написанные в этом месте фразы прочитываются и перетолковываются в виде предсказания будущего. Все это, конечно, только жалкие остатки от того времени, когда танцующие были действительно талантливыми людьми, когда под влиянием быстрых движений они сильнее работали мозгами, и в этом состоянии давали разумное объяснение для текущих событий и дельные предсказания для будущего.

Подобным же образом в древности производилось и врачевание. У турецких дервишей ордена Руфай в Константинополе в момент наибольшего возбуждения, вызываемого мерным раскачиванием тела, когда у молящихся появляется пена у рта и некоторые из них начинают падать от утомления, приносят в мечеть больных детей и читают над ними молитвы в надежде на особенно целительную силу их в такой, по мнению верующих, важный момент. Это служит прекрасным указанием на то, что древние приступали к врачеванию, доведя себя предварительно до состояния экстаза, при котором мозги их работали сильнее обыкновенного.

У иных народов люди, занимающиеся врачеванием или предсказыванием под влиянием искусственно вызванного экстаза, специализировались и стали передавать свои приемы наследственно. Это мы видим, например, у шаманов и у дельфийского оракула древних греков.

«Таинственными и нервными звуками бубна, дикими криками и порывистыми движениями танца шаман, по рассказу путешественников, приводит самого себя в экстатическое состояние. По мере того, как усиливаются и учащаются движения шамана, нервное возбуждение его все более возвышается, он падает перед испуганными зрителями в эпилептических судорогах, у него выступает пена у рта, он издает страшные звуки: он видит богов, он прорицает». Того же самого состояния дельфийский оракул достигал, одуряя себя парами, выходившими из скалы, а некоторые шаманы достигают окуриванием себя различными травами.

Ясно, что первые шаманы и первые оракулы были талантливые люди, доводившие себя до экстаза усиленным приливом крови к мозгу, а их жалкие последователи подражают теперь только их внешним приемам.

Вероятно, быстрые движения были древнейшим способом вызывать прилив крови к голове, а затем было замечено, что те же результаты получаются употреблением разных наркотиков и спиртных напитков. Отсюда обычай сопровождать разные выдающиеся моменты в жизни вином, а у североамериканских индейцев обрядовым курением.

Что все сказанное не фантазия, а несомненные факты, подтверждает Ломброзо в своей книге «Гениальность и помешательство». «Еще Аристотель, – говорит он, – этот великий родоначальник и учитель всех философов, заметил, что под влиянием приливов крови к голове «многие индивидуумы делаются поэтами, пророками и прорицателями». Люди с холодной, изобильной кровью, но выражению Аристотеля, бывают робки и ограничены, а люди с горячей кровью – подвижны, остроумны и болтливы».

И действительно, по наблюдению физиологов, «мыслителям, наравне с помешанными, свойственно постоянное переполнение мозга кровью (гиппермия), сильный жар в голове и охлаждение конечностей». Вот как описывают, например, состояние знаменитого Торквато Тассо в период творчества: «Пульс слабый и неровный, кожа бледная, холодная, голова горячая, воспаленная, глаза блестящие, налитые кровью, беспокойные, бегающие по сторонам. По окончании периода творчества часто сам автор не понимает того, что он за минуту тому назад излагал».

Ломброзо собрал множество интересных данных, из которых видно, что многие гениальные люди в нормальном состоянии не могли творить; им необходимо было проделывать над собою различные искусственные приемы, которые все одинаково вели за собою усиленный прилив крови к голове. Так Шиллер ставил ноги в лед, Пейзелло укрывался множеством одеял, Мильтон и Декарт опрокидывались головою на диван, Боссюет удалялся в холодную комнату и ставил себе на голову теплые припарки, Куйас работал лежа на ковре лицом вниз, Лейбниц мыслил только в горизонтальном положении, а Руссо обдумывал свои произведения под ярким полуденным солнцем с открытой головой. Кроме того, известно, что многие великие люди злоупотребляли спиртными напитками. Например, Сократ, Сенека, Алкивиад, Катон и Септимий Север умерли от пьянства. Запоем страдали поэты: Мюрже, Тассо и знаменитые композиторы Гендель и Глюк.

У иных гениев переполнение мозга кровью совершалось во сне и потому многое они сочиняли в этом состоянии. Таким образом Вольтер сочинил одну из песен «Генриады», Ньютон разрешал математические задачи, Лафонтен сочинил басню «Два голубя» и проч.

Отсюда очень распространенная у многих народов вера в священное или вещее значение снов, отсюда их толкование и рассказы о том, как боги и святые являлись людям в сонном видении. У нас в России есть секта «Снасово согласие», которая все свои рсшигиоз-ные вопросы и сомнения решает при помощи сновидений. Один из ее адептов лет 30 тому назад судился за то, что, по повелению Божию, полученному им во сне, подобно Аврааму, принес в жертву Богу своего единственного сына.

Наконец, было замечено, что некоторые из людей, страдающих умопомешательством, а следовательно и приливами крови к голове, во многом приближаются к людям гениальным. «Многие из помешанных, – пишет Ломброзо, – нередко обнаруживали ум и волю, значительно превосходившие общий уровень развития этих качеств у массы остальных сограждан». «Аристотель заметил, что Марк Сиракузский писал довольно хорошие стихи, пока был маньяком, но, выздоровев, совершенно утратил эту способность. Платон утверждает, что «бред совсем не есть болезнь, а напротив, величайшее из благ, даруемых нам богами; под

влиянием бреда, дельфийские и додонские прорицательницы оказали тысячи услуг гражданам Греции, тогда как в обыкновенном состоянии они приносили мало пользы или же оказывались совсем бесполезными. Много раз случалось, что, когда боги посылали народам эпидемии, то кто-нибудь из смертных впадал в священный бред и, делаясь под влиянием сто пророком, указывал лекарство против этих болезней».

Вследствие подобных взглядов на безумие, говорит Ломброзо, древние народы относились к помешанным с большим почтением, считая их вдохновленными свыше. Отсюда и у нас до сих пор народ относится с суеверным почтением к так называемым «блаженным» и даже к идиотам, называя их «божьими людьми».

Известно далее, что прилив крови к мозгу может совершаться в малом виде даже и в более обыкновенных условиях. Всякое усиленное напряжение мысли вызывает такой прилив. Известно, что многие ораторы и лекторы, начиная свои речи и лекции очень вяло и несвязно, потом воодушевляются, голова их нагревается, к мозгу приливает кровь, мысль начинает быстрее работать и речь становится более гладкой и систематичной. То же самое бывает с человеком и в пылу спора: он краснеет, голова становится горяча, мозг работает быстрее и успешнее обыкновенного. Вместе с мыслью происходит в это время изменение и в характере человека: он становится более смелым, решительным, самоуверенным и живым, а иногда и драчливым, отчего споры нередко переходят в ругань и драку.

Если подобного рода возбуждения, сопровождающиеся приливом крови к мозгу, повторяются часто, то с течением времени они наступают скорее и легче, чем в первый раз. Подобным же образом замечено, что, если человек занимается умственной работой постоянно, изо дня в день в течении многих лет, т.е. проделывает то, что принято называть «упражнением мозга», то он приобретает очевидное преимущество перед тем, который таким упражнением не занимается.

Естественно, что человек, незнакомый с историей происхождения человеческого рода и с возможностью существования органов, приходящих в рудиментарное состояние, будет объяснять свои умственные приобретения не тем, что он эксплуатирует запасы умственных сил, полученных от предков, а тем, что в его мозгу произошли какие-то новообразования, вызванные умственным упражнением. Еще более он может утвердиться в своем ложном предположении в том случае, если упражнениями занимается юноша. Все органы, а в том числе и мозг, у юноши с годами совершенствуются от природы без всяких упражнений, потому что он перерождается в белого дилювиального предка. Если же он при этом еще много упражняется, то его развитие, состоящее в притоке крови к упражняемым органам, идет параллельно с действительным совершенствованием органов, происходящим от естественных причин. Неудивительно, что человек, наблюдающий оба эти процесса вместе, сливает их в своем представлении в один, и приписывает совершенствование органов только одной видимой причине, упражнению.

Если из ряда приведенных нами фактов люди сделали заключение, что мы имеем от природы большой запас умственных и физических сил, которыми может воспользоваться, упражняя свой мозг и мышцы, то они бьии совершенно правы.

Но никому не были известны ни источник этих запасов, ни того, как они велики, и ответа на эти вопросы ни откуда нельзя было получить. А потому явился ряд догадок и предположений. Между прочим было сделано предположение, что сказанные запасы сил неистощимы, и что они даже увеличиваются от упражнения. А отсюда уже не трудно было заключить, что, упражняясь или развивая свои силы, человек не только может использовать все свои запасы, но и создавать новые, до сих пор невиданные способности и таким образом совершенствоваться во всех отношениях. Хотя опыт не оправдывает этих догадок, потому что еще никто не выработал у себя ни одной новой способности, ни одной новой черты характера, но, если человек хочет верить во что-нибудь, то он не остановится ни перед какими затруднениями. Так и в данном случае можно было объяснить, что мы только не умеем взяться за дело, что надо выработать особые новые методы развития и т.д.

Словом, в результате сказанных догадок явилась так называемая «теория постепенного развития путем упражнений», в которой бедное человечество нашло для себя утешение от слишком неприглядной действительности, на каждом шагу безжалостно разбивающей его надежды и мечты.

Раз только человек остановился на убеждении во всемогуществе упражнения, для него бьии решены все мировые вопросы. Отныне он не боится страшного слова «вырождение», потому что вырождается только тот, кто не упражняет своего мозга и мускулов. Спросите его: почему пала Римская Империя? Потому, ответит он, что римляне не упражняли своих нравственных чувств. Если на глазах его люди и народы будут падать умственно и физически, это его ничуть не потревожит, потому что у него есть готовое объяснение: «падают потому, что не упражняются». А вот они сбросят с себя лень, примутся за упражнения и все пойдет как по маслу. Блаженное состояние. Такое, при котором человек застрахован от пессимизма.

А между тем, если бы он захотел сличить свои идеи с действительностью, то сейчас же натолкнулся бы на множество фактов, им противоречащих.

Во-первых, полезные результаты упражнений остаются у человека только до тех пор, пока упражнения продолжаются. Как только они прекратились, человек постепенно возвращается в первобытное состояние, чего, разумеется, не могло бы быть, если бы результатом упражнений бьи не только прилив крови к данному месту, но и какие-либо новообразования.

Во-вторых, рядом с людьми, якобы увеличившими свои физические и умственные силы упражнением, есть множество других, которые никакими упражнениями не занимались, а между тем одарены от природы большими физическими и умственными силами. Какой-нибудь извозчик вступает в состязание с профессиональным атлетом, посвятившим упражнениям полжизни, и побеждает его, а талантливый крестьянин самым простым вопросом может срезать упражнявшегося, но не талантливого профессора и т.п.

Далее, из нашего жизненного опыта мы убеждаемся, что не все люди одинаково способны к развитию путем упражнения и что в этом отношении между ними далеко не существует равенства. Есть люди вовсе не способные к развитию, другие мало способны, третьи очень способны и т.д. Шиллер мог творить, погрузивши свои

ноги в лед, а Декарт, легши в постель, но если мы возьмем первого попавшегося дикаря и погрузим его ноги в лед или положим на постель, то никакого творчества от него не дождемся. Ньютону сон помогал решать труднейшие математические задачи, а русскому крестьянину-сектанту помог зарезать единственного сына. Торквато Тассо творил в состоянии опьянения, а огромная масса простолюдинов в том же состоянии обращается в бессмысленное животное и т.д.

Наконец, каким образом может приняться за упражнения человек безвольный, бесхарактерный и нетерпеливый, желающий выработать у себя волю, характер и терпение, если без этих трех качеств невозможно ни приступить к каким-либо упражнениям, ни продолжать их?

Теория «упражнений» не представляет собою чего-либо нового, явившегося в результате научных исследований последних времен, напротив, она стара как мир и в главных своих чертах получена нами по наследству от отдаленных доисторических предков. Это одно из древних верований, в котором никто никогда не сомневался и не считал нужным его проверять. Еще и до сих пор китайцы испещряют надписями нравственного содержания фасады судов, пагоды, памятники, вывески торговцев, двери, чашки, тарелки и веера в уверенности, что, читая их, народ может «развить» у себя нравственность.

Таким образом, отвечая на вопрос: «что такое развитие, происходящее от упражнения?», мы сказали бы, что это есть *искусство при помощи постоянного возобновляемого раздражения органа временно усилить его деятельность*. Искусство это может принести пользу только некоторым, не совсем правильно сложенным людям, у которых упражняемый орган в нормальном состоянии развивает неполную деятельность. Для всех остальных «развитие» упражнением так же бесполезно, как очки для слепого или для человека с хорошим нормальным зрением.

Владимир Александрович Мошков

